

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. С. Кубрякова

ТИПЫ
ЯЗЫКОВЫХ
ЗНАЧЕНИЙ

Семантика
производного
слова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

Монография представляет собой оригинальное исследование в области теории словообразования и общей семасиологии. Подробно рассмотрены семантические аспекты производного слова и процессов словообразования.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Е.А. ЗЕМСКАЯ

Елена Самойловна Кубрякова
ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ
Семантика производного слова

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Е.В. Фурманова*. Художник *Л.С. Кассис*
Художественный редактор *Т.И. Алексеева*. Технический редактор *И.И. Джиоева*

ИБ № 22171

Подписано к печати 9.02.81. Формат 60х90 1/16

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 14,5

Тираж 4500 экз. Тип. зак. 1985. Цена 1р. 50 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

ОТ АВТОРА

Настоящая книга посвящается исследованию семантических аспектов словообразования. Цель ее — объяснить некоторые особенности смысловой структуры производного слова и места этой единицы номинации в системе языка. Основное в семантике производного слова связывается здесь с тем обстоятельством, что последнее выступает как передающее особый тип языкового значения — значение словообразовательное.

Значительную часть книги составляют поэтому главы, в которых обсуждаются проблемы установления словообразовательного значения и определения тех его признаков, которые помогают отличить этот тип значения и от лексического и от грамматического языковых значений. Отсутствие ясности в решении этих проблем ведет к необходимости проанализировать достаточно детально разные представленные здесь точки зрения и дать развернутое объяснение концепции, развиваемой в книге.

Поскольку исследование семантических аспектов словообразования мыслится нами как важнейшая часть исследования принципов организации всей системы словообразования и описания его функций, а главной среди них считается номинативная — создание средств, обеспечивающих моделирование вторичных единиц номинации со статусом слова, — предлагаемая монография строится в значительной мере как исследование ономастическое, связывающее словообразование с теорией номинации и речевой деятельностью человека.

Уже давно отмечалось, что словообразование можно рассматривать с двух точек зрения и в другом отношении: статически, когда внимание исследователя сосредоточено на анализе результатов актов словообразования, и динамически, когда задачей исследования оказывается описание и объяснение самих процессов словообразования. В настоящей книге выбирается второй путь исследования, ибо мы полагаем, что на современном этапе развития теории словообразования именно рассмотрение процессов словообразования в их динамике позволит уточнить и углубить наши представления о механизме номинативной деятельности в данной области и тем самым пролить свет на ряд менее изученных проблем словообразования.

По нашему убеждению, производное слово, как и любое полнозначное слово вообще, обращено к предметному миру. Вместе с тем по своей структуре и семантике оно связано и с миром слов. Первое предопределяет тот аспект изучения производного слова,

который можно было бы именовать экстенциональным, второе — тот, который можно назвать условно интенциональным. Ясно, что именно этот второй аспект рассмотрения, которому в книге и уделяется основное внимание, требует анализа производного слова на фоне других единиц номинации и детального исследования проблем соотношения словообразования и синтаксиса. Все это объясняет, почему в книге находит освещение и проблема "словообразование и кон- текст".

В теории словообразования широко представлено мнение о том, что носителем словообразовательного значения является словообразовательный аффикс или другой деривационный формант. Мы обосновываем иную точку зрения. Поскольку реализация словообразовательного значения связывается нами со всей морфологической структурой деривата, само значение оказывается зависимым не только от выбора деривационного средства, но и от выбора источника наименования: оно равно обусловлено как ономаσιологическим базисом и ономаσιологическим признаком производного, так и типом устанавливаемой между ними связи. Соответственно, на долю форманта может приходиться как роль оформителя ономаσιологического базиса (ср. *танкист*, *купальня*, *синяк* и пр.), так и роль оформителя ономаσιологического признака (ср. *премиленский*, *тихоново*, *перелететь* и пр.) и даже — указателя на тип фиксируемой связи (например, принадлежности, сходства предметов и пр.). Такая трактовка помогает понять, почему словообразовательное значение может быть обнаружено и у дериватов, построенных без участия аффиксов.

Настоящая книга входит составной частью в цикл семантических исследований, проводимых в институте языкознания АН СССР под руководством Б.А. Серебrenникова по теме "Типы языковых значений".

Автор приносит благодарность Ю.С. Степанову, И.С. Удуханову и А.А. Уфимцевой за их ценные замечания.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Правомерно ли выделение словообразовательного значения в качестве особого типа языкового значения? Представляет ли оно, действительно, значение, отличное и от грамматического и от лексического значений, или оказывается разновидностью одного из них? По каким формальным и содержательным свойствам оно может быть отождествлено? Как соотносится оно с миром действительности? На эти и многие более частные вопросы мы и пытаемся ответить в настоящей книге, полагая с самого начала, что описание природы и сущности словообразовательного значения представляет собой лишь один из этапов анализа семантических особенностей производных слов и что, таким образом, решение поставленных выше проблем возможно при обращении к той более широкой теме, которая указана в названии книги.

В литературе по словообразованию уже отмечали, что термин "словообразовательное значение", указывая на ту область языкознания, в пределах которой оно обнаруживается, не указывает на ту единицу, которая служит его передаче¹. Поэтому расхождения в понимании словообразовательного значения начинаются с того, с какой единицей оно соотносится. В настоящей работе словообразовательное значение понимается как значение, находящее свое выражение в производном слове, и обоснование такого подхода тоже является следствием детального рассмотрения семантических особенностей производных.

Под производным словом здесь понимается любая вторичная, т.е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего. Производными мы считаем и производные аффиксального типа, и сложные слова, и производные, созданные путем конверсии или же усечения и т.п.² При динамическом рассмотрении синхронного словообразования предполагается, что производные и производящие единицы не только находятся друг с другом в определенных отношениях³, но и то, что характер этих

¹ См.: Улужанов И.С. О применении термина "словообразовательное значение". - В кн.: Проблемы ономастологии, IV. Курск, 1977, с. 47.

² См.: Кубрикова Е.С. Что такое словообразование. М., "Наука", 1965, с. 23-24.

³ См.: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., "Просвещение", 1973, с. 8.

отношений известен. Производное возникает в результате применения какой-либо формальной операции (средства) к производящей единице, причем связи между ними воспринимаются как живые⁴. Одна из двух единиц рассматривается как исходная – источник деривации, единица мотивирующая, другая – как результат деривации, единица мотивированная.

Каждое употребление слова, в том числе и слова производного, вызывается необходимостью объективировать, выявить, реализовать его значения как ту часть сведений о мире или информации о нем⁵, которая была получена человеком в процессе его познавательной и общественной деятельности и которая соотнесена в языке с данным словесным знаком. "Значение слова, – указывал В.В. Виноградов, – определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова...; оно зависит от свойства той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений..."⁶. Все эти зависимости мы и рассмотрим на материале производных слов, стремясь доказать, что они тесно связаны с характером словообразовательного значения, предопределяющего главные особенности смысловой структуры производного.

Необходимость описания семантики слова в терминах семантической или смысловой структуры была впервые подчеркнута, насколько нам известно, в трудах В.В. Виноградова. Понятие смысловой структуры здесь было введено для того, чтобы отразить систему значений одного слова как целостное объединение его отдельных лексико-семантических вариантов. Развивая плодотворные идеи В.В. Виноградова, советские языковеды внесли свой существенный вклад в уточнение этого понятия. Указывая на неразрывное единство грамматического и лексического в слове, исследователи смысловой структуры показали, как именно формируется лексическое значение на основе других представленных в этой структуре значений. "Смысловое содержание словесных знаков вообще, полнозначных, в особенности, – справедливо отмечает А.А. Уфимцева, – является неоднородным: грам-

⁴ Ср. иную точку зрения: *Lightner T.M. The role of derivational morphology in generative grammar. – Language, 1975, v. 51, N 3.*

⁵ См.: *Оеливерстова О.Н. Значение и информация. – В кн.: Теория речевой деятельности. М., "Наука", 1968; Брудный А.А. Значение слова и психология противопоставлений. – В кн.: Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: "Наука", 1971.*

⁶ *Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. – В кн.: Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., "Наука", 1977, с. 165.*

матические значения, признаки семантических разрядов, категорий и собственно лексическое значение"⁷. На основе этих же значений возникает и лексическое значение такой полнозначной единицы, как производное слово, однако связь значений — эта важнейшая характеристика смысловой структуры слова⁸ — выступает здесь как организованная соответственно особой формальной схеме. Эту моделируемую связь значений в морфологической структуре производного слова мы и называем словообразовательным значением.

Хотя определению словообразовательного значения будут посвящены специальные главы исследования, отметим и здесь, что связь значений внутри словообразовательного значения заключается в том, что в его строении объединены два категориальных (грамматических, частеречных) значения, из которых одно конкретизируется ономазиологическим базисом, а другое — ономазиологическим признаком данного слова⁹. Словообразовательное значение указывает на тот способ, который лег в основу обозначения данного предмета, признака или процесса по его отношению к другому предмету, признаку или процессу.

Так, в слове *бег* отражено отношение предмета к действию, а в слове *близна* — отношение предмета к признаку, в результате чего лексическое значение слова конкретизируется либо как значение опредмеченного действия, либо как значение опредмеченного признака. Такое понимание словообразовательного значения связывает его с производным словом в целом и всей той синтагматической последовательностью, в пределах которой оно находит свое выражение. Поскольку синтагма не может быть представлена числом членов, меньшим двух, значение производного передается с помощью такой дефиниции, которая не может быть, меньшей по объему, чем объединение из двух слов, ср. *доми́к* 'маленький дом', *ста́рень* 'становиться старым', *дождли́вый* 'сопровожаемый частыми дождями' и т.п.¹⁰

Классическим определением производного слова можно по праву считать определение Г.О. Винокура, который впервые подчеркнул роль исходного, или мотивирующего слова в формировании семантики слова мотивированного, или производного, и который указал, что "значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем

⁷ См.: Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., "Наука", 1974, с. 66.

⁸ См.: Виноградов В. В. Указ. соч., с. 175.

⁹ Подробнее об этих понятиях, предложенных М. Докулилом, см.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 60.

¹⁰ В дефиниции русских примеров мы следуем определениям, данным в "Словаре русского языка" С. И. Ожегова, нередко используя, однако, более сокращенные варианты определений.

именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов¹¹. Это определение легло в основу большинства концепций советских лингвистов, развивающих теорию словообразования, и послужило отправным пунктом многих исследований¹².

Как следует из определения Г.О. Винокура, специфику значения производного слова необходимо искать в первую очередь в том, что оно как бы отсылает нас к семантике другого знака, принятого за исходный, т.е. может быть воспринято при необходимости *via* другой знак, через семантику другого знака. Можно, однако, подчеркнуть и иную сторону этого положения, диалектическое единство собственного индивидуального значения производного слова и семантики, заимствованной этим словом у другого знака.

Действительно, производное слово, в отличие от простого слова, передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова. Так, слова *селянка*, *вельма* и пр., обозначая вполне определенные реалии и понятия о них, наводят на мысль о тех действиях, которые ими производятся (*селять*, *вельть*) и как бы отсылают нас к этим действиям и их обозначениям. В этом смысле они выступают как вторичные, обусловленные другими знаками языка. Они опознаются нами, поскольку мы знакомы с этими первичными обозначениями.

То, что производные слова представляют собой, по терминологии Г.О. Винокура, "мотивированные обозначения действительности"¹³, объясняет суть термина "производное" и заставляет обратить особое внимание в теории словообразования на вопрос, что от чего произведено и какие отношения фиксируются в языке между производящей и производными единицами. Эта сторона дела привела к разработке понятия отношений словообразовательной производности¹⁴ и к разграничению мотивированных и мотивирующих единиц.

---

¹¹ Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. — В кн.: Винокур Г.О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 421.

¹² Ср., например: Крылов Н.А. Типы основ в русском языке. — Филолог. науки, 1963, № 2, с. 34; Волоцкая З.М. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы. — В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966, с. 57; Земская Е.А. Указ. соч., с. 10–11; Кубрякова Е.О. Основы морфологического анализа. М., 1974, с. 202–203; Улуханов И.О. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977, с. 126.

¹³ См.: Винокур Г.О. Указ. соч., с. 421.

Положение Р.А. Будагова о том, что "нельзя считать, что наше сознание, а вслед за ним и наш язык, не различают основных и производных форм каждого отдельного слова"¹⁵, полностью распространяется и на единицы, связанные отношениями словообразовательной производности, в которых одни, основные единицы воспринимаются как исходные и мотивирующие, а другие — как мотивированные и производные.

Поскольку наше сознание и язык, действительно, различают первичные и вторичные единицы, область значения мотивированных слов может быть описана через область значения исходных для них единиц. Это значит, что семантическая дефиниция производного слова не только сложна по составу, но и то, что она предопределена хотя бы частично мотивирующей единицей, ибо обязательно ее включает, ср. *сеялка* — это, 'то, чем сеют', *обезвоживать* — это 'лишать воды' и т.п. Простые слова не могут быть ни определены, ни описаны таким образом, т.е. при их дефиниции мы не можем использовать однокоренного с ним образования и не можем объяснить их значения референцией к этим образованиям. С формальной точки зрения это находит свое выражение в том, что в морфологической структуре производного всегда содержатся знаки или часть знаков (в зависимости от типа производной единицы), которые входят в базовую или производящую единицу и которые могут быть по этой причине использованы для объяснения единицы производной.

Поэтому при попытке определить область референции производного слова мы сталкиваемся с тем, что можем осуществить его описание самым обычным способом — указанием на тот фрагмент действительности, обозначением которого служит данное слово, безотносительно к другим словам языка. Мы можем, однако, совершить это описание, указав на тот фрагмент действительности, по сравнению с которым или на основе которого было создано данное производное слово.

Так, область референции названия *черника* может быть объяснена рисунком этой ягоды или описанием ее вкусовых качеств, места произрастания и т.п. Но она может быть определена и отсылкой к слову *черная*.

Подобное свойство производного слова иметь и свое собственное, и заимствованное значения одновременно мы называем свой-

¹⁴ Ср.: *Кубрякова В.С.* О словообразовательной системе языка и отношениях словообразовательной производности. — В кн.: *День Артура Озола. Проблемы словообразования в современном языкознании.* Рига, 1969, с. 3 и сл.; *Соболева П.А.* О трансформационном анализе словообразовательных отношений. — В кн.: *Трансформационный метод в структурной лингвистике.* М., "Наука", 1964, с. 114 и сл.

¹⁵ См.: *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке. — ВЯ, 1978, № 4, с. 15.

ством двойной референции: референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации. Первое отражает наличие у производного слова индивидуального лексического значения, второе указывает на источник этого значения и особую форму его существования. Первое объясняет, почему запоминание и использование производного слова может носить такой же характер, что и запоминание и применение простого слова; второе помогает понять, почему функционирование производных слов может принимать принципиально иную форму.

Простые слова референтны только по отношению к миру действительности, производные обращены к миру действительности и к миру слов. Ассоциации между простыми словами тоже разнообразны, но обычно они вызываются либо сходными звучаниями, либо ассоциациями стоящих за ними понятий или реалий. Ассоциации между производными и их исходными единицами могут иметь и другой характер, отражая не только экстралингвистические, но и чисто лингвистические связи между однокорневыми словами или же словами, построенными по одинаковой словообразовательной модели.

Так, интуитивное знание того, что слова *соль* и *соленый*, *изучать* и *изучение*, *дождь* и *дождливый* как-то между собой связаны, а слова *соль* и *изучать* или *соленый* и *изучение* — нет, составляет неотъемлемую часть сведений говорящих о русском языке, и этот факт должен найти свое отражение как в его научном описании, так и в практике его преподавания.

Пренебрежение такими связями ставилось справедливо в упрек некоторым представителям генеративной грамматики и вызвало к жизни полемику о том, как следует отражать при описании языка системные связи слов, обнаруживаемые в лексиконе, и к какому компоненту грамматики должно быть отнесено подобное описание¹⁶. Однако нельзя не отметить, что излишне расширительное истолкование самого факта связанности некоторых однокорневых образований, не учитывающее существования строгих синхронных границ в определении единиц, находящихся в отношениях словообразовательной производности, приводит к достаточно нереальному требованию констатации всех правил, относящихся к образованию вторичных единиц от одного и того же корня вне зависимости от времени образования этих единиц в языке¹⁷. По-видимому, однако, при исследовании отношений словообразовательной производности фактор времени не может не быть принят во внимание, и синхронное описание этих отношений предполагает, что они устанавливаются для единиц,

¹⁶ См., например: *Jackendoff R. Morphological and semantic regularities in the lexicon. — Language, 1975, v. 51, N 3; Hudson R.A. Lexical insertion in a transformational grammar. — Foundations of Language, 1976, v. 14, N 1.*

¹⁷ См.: *Lightner T.M. Op. cit.*

формальные и семантические ассоциации между которыми воспринимаются говорящими как живые и потому воспроизводимые в аналогичной ситуации. Вряд ли, однако, связи между словами genesis генезис, generative генеративный, genetics генетика, genius гений, gender род в английском языке (как, впрочем, и в русском между их переводами) существуют для говорящего на данном языке как живые. Референции к миру слов в таких случаях не существует, а слова, лишенные этой способности, нецелесообразно относить к числу производных.

Отличительным признаком производного слова является именно его связанность с другим словом (словами) и его семантическая обусловленность этим другим словом (словами). Свойство двойной референции производного слова имеет важные последствия для разработки принципов описания семантики производных слов. Наличие собственного лексического значения у производного заставляет считать его отдельным наименованием, которое, именно как особое новое слово, нуждается в принятии его обществом и которое может затем запоминаться говорящим как самостоятельный номинативный знак. Это ведет также к необходимости зафиксировать производное слово в словаре и дать ему лексикографическое, т.е. интерпретационное истолкование (ср. *дождевик*₁ 'определенный вид верхней одежды, служащей для защиты от дождя' и *дождевик*₂ 'определенный вид грибов, появляющихся после дождя').

В то же время сама возможность объяснить индивидуальное значение данного слова через другое слово (понятие) и через отношение к обозначенной этим последним реалии ставит вопрос о необходимости описания таких фактов в виде системных, т.е. отражающих регулярно повторяющиеся семантические связи между однокорневыми образованиями. Отсюда проблема рационального истолкования производных слов через мотивирующие их единицы и установления таких общих правил, которые обеспечивали бы одинаковые стандартные формулы значений для описания однотипных производных и которые отразили бы наиболее типичные и частые случаи семантических ассоциаций одного слова с другим.

Итак, если наличие своего собственного значения у производного слова вынуждает рассматривать его как более или менее самостоятельную лексическую единицу, наличие у него референтного (отсылающего к другому референту) значения заставляет, напротив, рассматривать дериваты в числе вторичных единиц номинации и предусмотреть упрощение их семантического описания путем отсылки к первичным для них знакам, например, путем создания своеобразной системы типовых отсылок.

Подобно тому, как в словаре нет необходимости приводить при каждом отдельном слове все реализующие его словоформы, если только они образуются регулярным способом, нет необходимости приводить и все его дериваты и, главное, объяснять значения последних, если они тоже регулярны. В языке со сложной морфологической системой лексикографы прибегают к целому ряду условных

приемов, обеспечивающих правильное образование форм данного слова (например, указанием на его тип склонения или спряжения и т.д.). Такая же система отсылок может служить характеристике значений производных от одного и того же слова. В таком случае словари могут фиксировать у производных слов только то, что свойственно им как индивидуальным лексическим единицам, и определение словаря как полного набора нерегулярных черт языка (the full set of irregularities)¹⁸ приобретает более строгий характер.

При подаче производных слов в словаре до сих пор преобладали, по-видимому, семантические объяснения. Однако такое содержательное, понятийное истолкование производного должно быть сообразовано более полно с его "словообразовательным" истолкованием. На необходимость пересмотра словарных дефиниций производных слов в этом отношении справедливо указала еще в 1974 г. Е.А. Земская¹⁹, и нельзя не согласиться с И.С. Улухановым, который в этой связи подчеркивает, что "толкования мотивированных слов, не включающие в свой состав мотивирующих слов, не могут быть признаны адекватными"²⁰.

Словообразовательное истолкование производного слова связано поэтому с представлением его смысловой структуры такой дефиницией, которая включает в качестве своей составной части мотивирующее слово. Оно коррелирует с основой производного слова. Дефиниция производного включает, помимо мотивирующего слова, и

¹⁸ См.: *Chomsky N. Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, Mass., 1965, с. 142; ср. также: *Chomsky N. Remarks on nominalization*. — In: *Readings in English transformational grammar*. Cambridge, Mass., 1970.

¹⁹ *Земская Е. А.* О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования. — В кн.: *Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докл.* М., 1974, с. 80–81; *Она же.* Производные слова в толковых словарях русского языка. — В кн.: *Современная русская лексикография* 1976. Л., 1977.

²⁰ *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика..., с. 245; *Волоцкая З. М.* О некоторых проблемах словообразования. — В кн.: *Актуальные проблемы русского словообразования*, 2 (далее АПРС). Ташкент, 1976, с. 218–219; *Моисеев А. И.* Наименования лиц по профессии и толковые словари современного русского языка. — В кн.: *Современность и словари*. Л., "Наука", 1978, с. 157; *Влинова О. И.* О мотивационном словаре диалекта. — В кн.: *Вопросы лексикологии*. Новосибирск, 1977, с. 95; *Косолапов В. И.* Словарные дефиниции и компонентный анализ значений производящих и производных слов. — В кн.: *Семантика и производство лингвистических единиц (проблемы деривации)*. Пермь, 1979, с. 87.

другие компоненты, представляя собой такую перифразу производного, которая семантически ему эквивалентна и которая выявляет все его значения в форме расчлененной эксплицитной номинации. Производное и его дефиниция, будучи семантически тождественными, содержит зачастую разное количество разных по своему статусу компонентов. Вместе с тем основе или основам производного слова в его дефиниции должны соответствовать слова с тем же корнем, а его аффиксам — слова, объясняющие их значение.

Формальная повторяемость одного и того же корня (основы, или нескольких основ, или заместителей этих основ в виде усеченной основы и т.п.) в мотивирующем и мотивированном словах создает материальную базу для поддержания семантической ассоциации между ними, однако, она отнюдь не свидетельствует однозначно о ее характере. Так, услышав слово *дождевик*, мы можем не догадаться сразу, о чем идет речь — о разновидностях ли грибов или об одежде, но мы можем быть уверены в том, что описывается нечто, имеющее отношение к дождю и с ним именно связанное. Ясно поэтому, что семантическая дефиниция не полна и без указания на тот тип связи, который фиксирует производное слово относительно производящего.

При объяснении, например, производного типа *школьник*, мы должны прибегнуть к дефиниции 'тот, кто учится в школе' (а не, скажем, 'учащийся школы'), ибо должны отразить в ней не столько факт наличия связи со школой, сколько тип этого отношения (учится — где) и его характер (в школе — учится). В итоге мы можем констатировать, что цельноформленное образование *школьник* передает расчлененное содержание. Утверждая, *он — школьник*, мы утверждаем тем самым нечто, равносильное высказыванию *он учится в школе*, и, значит, производное отражает в свернутом виде тот же тип связи, что выражен и в высказывании. Содержание, передаваемое производным, расчленено, поскольку предметное значение выражено суф.-*ник*, а основа *школь-* указывает на место производимого действия.

Приведенный пример помогает понять, какую важную роль играют в семантической интерпретации производного компоненты, не находящиеся в его собственной морфологической структуре никакого материального выражения. Из этого следует, однако, что адекватное определение мотивированной единицы не может быть исчерпано простой отсылкой к мотивирующей единице, т.е. сведено к указанию на наличие отношений между ними. Ведь и *черноша*, и *черныла*, и *черника* равно отсылают к прилагательному *черный*, а слова *школьник* и *школяр* — к существительному *школа*. Каждое производное имеет собственное значение именно потому, что оно выражает особое отношение к мотивирующему слову. Это свидетельствует о том, что при характеристике семантической структуры производного слова мы должны каким-то образом учитывать не только само наличие связи, но и конкретизируемый производным словом тип этой связи или ее направление.

Указание Г.О. Винокура на то, что производные слова существуют как обозначающие предметы "через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими"²¹ представляется нам весьма важным именно потому, что оно заставляет обратить внимание при анализе семантики производного уже не только на непосредственно мотивирующую единицу, что, конечно, тоже обязательно, но и на характер связи, фиксируемый производным по отношению к производящему.

Если изучение всех возможных типов соотносительности мотивирующих и мотивированных единиц позволило существенно продвинуть вперед разработку теории мотивации (ср. в этом плане исследования И.С. Улуханова и А.Н. Тихонова), то, по-видимому, анализ того, как происходит установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими, становится средством познать природу и сущность словообразовательного значения.

Производным является такое наименование со статусом слова, которое, будучи обусловлено другим знаком (другими знаками) языка, демонстрирует специфическую смысловую структуру, описываемую не через отсылку к исходному знаку (знакам), но с помощью построенной по особым правилам, дефиниции.

Эта дефиниция выявляет, во-первых, непосредственно мотивирующее слово и, во-вторых, характер его связи с обозначаемым предметом или явлением действительности.

Поскольку словообразование существует прежде всего как область моделирования производных наименований, его роль заключается и в том, чтобы упорядочить и обобщить типы связей, наблюдаемые в окружающей нас действительности, и выработать специальные формальные средства для отражения этих связей.

Значения, повторяющиеся в семантических дефинициях однотипных по своей структуре производных, могут рассматриваться как лежащие в основе единых формул мотивации, действенных в пределах определенных словообразовательных моделей. В каждой из таких моделей формальные средства словообразования служат прежде всего для того, чтобы указать на ракурс использования предмета мысли, выбранного в качестве признака наименования, или на тип связи между ним и предметом, подлежащим обозначению.

В предлагаемой трактовке производного слова регламентируется не только необходимость его объяснения через непосредственно мотивирующее слово (отсылкой к нему) и значения аффиксов, но и вложение мотивирующего слова в определенную формулу мотивации, повторяющуюся для всей серии однотипных образований в одном словообразовательном ряду и обладающую своей собственной заданной структурой, служащей расчлененному отображению определенного типа связи между указанными единицами. Введение в дефиницию производного слова критерия его соответствия определенной формуле мотивации имеет несколько серьезных последствий.

²¹ См.: Винокур Г.О., Указ. соч., с. 421.

Во-первых, этим подчеркивается не случайный, но регламентированный и моделируемый характер семантики производного наименования, которое в акте своего образования создается как строящееся по определенной словообразовательной модели. Это обеспечивает возможность создания новых названий по имеющемуся готовому образцу, т.е. по аналогии. Во-вторых, этим указывается на системный характер семантики производного слова, выступающего как представитель "своей" серии форм, упорядоченных и в отношении их структурной организации, и по отношению к источникам их образования. Это позволяет поставить вопрос о предсказуемости значений новых производных (что очень важно для терминологии) и упрощении их описания (это важно для лексикографии). Наконец, в-третьих, здесь обращается особое внимание на значимость для построения смысловой структуры производного не только его конкретного источника (непосредственно мотивирующего слова, далее просто — мотивирующего), но и той модели, по которой эта структура организуется, а следовательно, места мотивирующего слова внутри модели, его окружения, его соотношения с другими компонентами модели.

Можно полагать поэтому, что данное определение производного отражает более всего тот факт, что производное слово является не только выразителем индивидуальной (лексической) семантики, но и не только заимствующим определенную часть своего значения из другого источника, но и представителем серии слов с аналогичной смысловой структурой, представителем такого класса слов как словообразовательный ряд. Условия же образования словообразовательного ряда можно попытаться описать правилом, подобно тому, как мы описываем правилом условия образования той или иной парадигмы в языке.

Естественно, что при таком понимании производного слова его главный признак, его мотивированность, получает несколько более широкий смысл, чем это обычно принято. Ведь производный знак считается мотивированным не только потому, что он повторяет какие-то значения исходной единицы, но и потому, что морфологическая структура знака приближена к его "внутренней форме". Это позволяет объяснить "прочтение" целого ряда просторечных или жаргонных производных по их внутренней форме (ср. *стащить*, *спереть*, *стибрить*, *сламзить* и пр.).

Составной частью самого понятия мотивированности в этом более широком варианте можно считать знание модели как знание того, в каком ракурсе рассматривается исходное наименование, когда оно становится основой для обозначения нового предмета мысли. Формула мотивации — и следование этой формуле в момент создания нового обозначения — предполагает, однако, существование не только самого мотивирующего слова, но и выполнение им определенной синтаксической роли внутри дефиниции как особого типа высказывания. За производным словом стоит такая дефиниция, в которой мотивирующее слово занимает определенную синтаксическую позицию.

В смысловой структуре производного четко противопоставлены две части. Одна из них связывает данное обозначение, например, *дождевик*, с мотивирующим словом (*дождем*) и, таким образом, отсылает нас к известному из предыдущего опыта источнику деривации. Коррелируя по форме и содержанию с формой и содержанием мотивирующего слова, эта часть повторяет необходимые для нового наименования категориальные и лексические значения источника деривации и служит их сохранению в смысловой структуре производного. Эту часть производного мы предлагаем называть отсылочной, ибо она отсылает нас непосредственно к структурно-семантическим характеристикам мотивирующей единицы, к области ее референции, и обеспечивает возможность хотя бы частичного угадывания значения производного на основе знания семантики его источника.

Отсылочная часть производного слова совпадает с тем, что Ф.Ф. Фортунатов называл материальной принадлежностью слова.

Отсылочной части в структуре производного четко противопоставлена часть, отражающая определенную формальную операцию, которой был подвергнут источник деривации при образовании производного и благодаря которой он и преобразуется в желательном направлении соответственно коммуникативному заданию говорящего. Эту часть в структуре производного можно назвать формирующей, или формантной²².

Формирующей мы называем эту часть потому, что именно она связана, во-первых, с реализацией того, что Ф.Ф. Фортунатов обозначал термином "формальная принадлежность слова", и, во-вторых, с формированием нового значения или новой функции у производного слова сравнительно с тем словом, на основе которого оно было создано.

Можно утверждать, что смысловая структура производного определяется двумя величинами – выбранным источником деривации и преобразующей его в желаемом направлении формальной операцией. В свою очередь обе эти величины проявляют прямую и непосредственную зависимость от смыслового задания речевого акта, т.е. от коммуникативных потребностей и нужд говорящего. Источник деривации отражается в том или ином виде, и с той или иной степенью полноты, в отсылочной части, а формальная операция – в виде тех или иных материальных следов в формирующей части деривата, зависящих, естественно, от характера использованной формальной операции. Выделив две эти части в структуре производного, уместно поставить вопрос о том, какой вклад вносит каждая из них

---

²² Ср. противопоставление мотивирующей и формантной частей производного в работах В.В. Лопатина и И.С. Улуканова, в которых, правда, понятие формантной части носит статический характер, а также: Немченко В.Н. К определению понятия синхронической словообразовательной производности (деривационной мотивированности) – АПРС, 2, с. 312.

в семантику производного и, в частности, каковы типы "следов", оставляемых в морфологической структуре деривата разными мотивирующими единицами, с одной стороны, и разными формальными операциями, с другой. Перед тем, как перейти к такому описанию, отметим еще одну важную черту производного слова, связанную с описанной двучастностью (бинарностью) и помогающую понять место производного слова в иерархии лингвистических единиц с точки зрения осуществляемых ими номинативных функций.

Этой чертой семантики производного является имплицитруемая им расчлененность передаваемого содержания и ее сложный (составной, комплексный) характер. Расчлененность в передаче содержания производным словом имеет своим следствием его принципиальную неэлементарность как составленность из нескольких значений, два из которых, по крайней мере, обретают здесь специальную форму своего выражения.

В слове *топор*, как и в словах *селлка*, *велька*, *молотилка*, тоже передается орудийное значение "то, чем..." и семантика всех этих слов может быть одинаково описана указанием на то действие, которое данное орудие производит. Однако в морфологической структуре слова *топор* подобное действие (*колоть*, *рубить*) никак не обозначено: лексема передает свое значение нерасчлененно. При разложении значения этого слова на семантические признаки приходится констатировать, что ни один содержательный признак (кроме грамматических) не находит себе специального или отдельного выражения. В этом смысле семантическая структура простого слова количественна, она существует как обозначение такой совокупности признаков, в которой ни одному из них нельзя приписать автономной сущности. Подобная совокупность целостна и интегративна, т.е. она противопоставлена другому аналогичному объединению именно по связанной совокупности признаков. Лексическое значение и значение семантического разряда (орудийных имен) здесь нераздельны.

Напротив, поскольку в словах типа *селлка*, *велька*, *колун* и т.п. предметы и понятия о них обозначены через прямое указание на выполняемое ими действие, а сами значения "действие и орудие действия" выражены по отдельности, наименование предстает как семантически расчлененное. Слово *топор* существует в языке безотносительно к названию осуществляемого им действия, синонимичное же ему *колун*, наоборот, соотносительно с обозначением такого действия. Дефиниция его — 'орудие для колки дров', 'то, чем колот' — показывает на отношение орудия действия к производимому им действию и вызывает (при необходимости) у говорящего или слушающего диктуемые его внутренней формой ассоциации.

В современном языкознании широко представлены концепции, затемняющие указанное различие производных и непроеводных знаков или отрицающие его релевантность. Но ведь эти концепции и направлены более на обнаружение общих семантических черт в словах разных разрядов, чем на анализ их различия, и на установление самого инвентаря элементарных семантических признаков. В

основе генеративной семантики лежит положение У. Вайнрайха, выдвинутое им еще в 1966 г. о том, что "семантическая структура составных [т.е. производных] наименований и семантическая структура простых наименований в принципе представима в одной и той же форме"²³. Если это положение следует понимать как указывающее на возможность представления семантической структуры простых и производных слов в одних и тех же терминах, т.е. отнести слова об одной и той же форме к форме описания, с этим положением можно согласиться. Если же под представлением в одной форме понимать буквально не сведение к одним и тем же элементарным признакам, а тождественность результатов описания, это положение может быть принято только с серьезными оговорками. Несмотря на несомненную возможность выделить в составе простых и производных слов одни и те же семантические признаки (в частности, и atomic predicates), именно форма их представления в структуре простого и производного слов оказывается фундаментально различающейся.

Так, при сравнении английских слов thief 'вор' и inventor 'изобретатель', поддающихся как будто одинаковой дефиниции - 'тот, кто крадет'; 'тот, кто изобретает', обнаруживается, что только во втором случае сема "тот, кто (ANIM)" имеет форму выражения, отдельную от семы "действовать"²⁴. Таким образом, даже с позиции генеративной семантики сравнение простых и производных слов демонстрирует, что их различие лингвистически маркировано в различных способах оформления одного и того же содержания, т.е. различной выраженностью того, что в ином случае передается нераздельно. Эквивалентность перифраз и дефиниций как результата описания не должны затемнять того простого и очевидного факта, что пути к достижению одинакового результата могут быть различными. Так, математическая величина 4 (четыре) остается тождественной самой себе и в том случае, когда она получается в результате умножения 2×2 , и в том, когда она получается в результате сложения $3 + 1$, и в том, когда мы получим ее, вычтя 2 из 6 и т.п. Это не означает, однако, что реальные операции 2×2 или $3 + 1$ или $6 - 2$ тождественны друг другу. Но именно они соответствуют тому, что мы называем разной формой представления одной и той же сущности.

²³ См.: Weinreich U. Explorations in semantic theory. — In: Current trends in linguistics, v. 3. The Hague-Paris, 1966, p. 419.

²⁴ Ср. также: Kastovsky D. Word-formation, case grammar and denominal adjectives. — Anglia, 1974; Bd. 92, H. 1/2; 'On же. Problems of word-formation. — In: Grundbegriffe und Hauptströmungen der Linguistik, Hrsg. von Ch. Gutznecht. Frankfurt, 1977, p. 304; Lippa L. Topicalization, case grammar, and lexical decomposition in English. — Archivum Linguisticum, 1976, v. 7, p. 119 и Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 37 и сл.

Нам кажутся вполне справедливыми замечания Т.В. Булыгиной, когда она говорит в этой связи "о лингвистической и психолингвистической сущности различия между эксплицитным и имплицитным способами выражения одних и тех же семантико-синтаксических компонентов в структуре морфологически сложных и морфологически простых наименований"²⁵. Многочисленные исследования деривационных и морфологических структур слов разных типов неопровержимо свидетельствуют о том, что при всех расхождениях между глубинно-словообразовательной структурой и морфологической (поверхностной) структурой производного слова, выражаемое им значение по необходимости связано со спецификой той морфологической структуры, в которую оно воплощено и которая это значение объективирует. Не вызывает поэтому сомнения тот факт, что ключом к семантическому прочтению и истолкованию любого производного слова оказывается в конечном счете его поверхностная морфологическая структура²⁶. Из этого так же явно следует, что "легче обнаружить семантические признаки, эксплицитно выраженные при помощи морфем поверхностной структуры, чем те, которые проявляются лишь косвенным образом"²⁷.

Более того, есть все основания полагать, что параллели между значениями, выражаемыми в сфере словообразования и давно известными из описаний словообразовательных систем различных языков, и значениями, выделенными генеративистами в качестве элементарных семантических признаков, далеко не случайны, т.е. имеют вполне определенный смысл: они либо универсальны, либо чрезвычайно близки универсальным мыслительным категориям человеческого разума. Из этого следует, однако, что исследование значений, представленных в области словообразования, может иметь далеко идущие последствия и способствовать установлению тех значений, которые находят свое отражение во всех языках мира. Именно потому, что такие значения имеют в системе словообразования собственные формальные средства их выражения, они, подобно грамматическим значениям, устанавливаются с большей степенью объективности, чем значения индивидуальные, лексические. Подобно грамматическим значениям, они, очевидно, отражают и наиболее устоявшиеся и обобщенные категории нашего абстрактного мышления. Важность изучения семантики производного слова определяется поэтому и тем, что оно позволяет подойти вплотную не только к вопросу о природе словообразовательного значения, но и к исследованию вопроса о типах и номенклатуре "универсальных" значений.

²⁵ См.: Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., "Наука", 1977.

²⁶ Иное понимание см.: Хохлячева В.Н. Словообразование существительных в русском языке. Автореф. докт. дис. М., 1976.

²⁷ См.: Kastovsky D. Op. cit., p. 7.

Мотивированность производных слов – главный отличительный признак их смысловой структуры – может быть в подавляющем большинстве случаев соотнесена с их “внутренней формой” и, следовательно, с такой поверхностной репрезентацией глубинных семантических признаков, которая сопряжена с выделением хотя бы части из них непосредственно на уровне морфологической структуры слова. Это создает предпосылки для существования производного как номинативного знака с расчлененным представлением его содержания.

Расчлененный способ представления семантики обозначаемого производными и сложными словами выделяет эти единицы из того класса цельнооформленных слов, к которому они принадлежат по своим структурным и уровневым признакам, и помогает сблизить их с более сложными единицами номинации – несколькословными наименованиями с предикативной (предложение) и непредикативной (словосочетание) связью. На шкале лингвистических единиц производные и сложные наименования занимают вполне определенное место, помещаясь между простыми словами и словосочетаниями. С одной стороны, они завершают ряд “морфема – служебное слово – простое полнозначное слово”, с другой – открывают такой ряд единиц неэлементарной номинации, как “производное слово – сложные слова разных типов – словосочетание – предложение”.

Если по объекту наименования (отдельные явления, предметы, процессы, события и т.д.) производные и сложные слова проявляют черты несомненного сходства с простыми словами (и это объясняет отчасти, почему они вводятся в состав предложения наряду с простыми словами и могут выполнять те же функции, что и эти последние) и если по своим формальным признакам (цельнооформленности) они разделяют характеристики класса слов в целом, то по способу отражения действительности и способу ее представления в расчлененном виде они изоморфны скорее синтаксическим структурам. Они и строятся так, как синтаксические структуры, – путем оформления неких типов связей, а не так, как морфологические структуры большинства словоформ – путем уточнения семантики их составляющих.

Предложение и словосочетание, называя ситуацию или событие, представляют выражаемое им значение в расчлененной форме²⁸. Проявлением этой расчлененности оказывается их составленность и из отдельных слов, благодаря чему семантику подобных единиц возможно считать “композиционной функцией семантики их составляющих и грамматических отношений между ними”²⁹. Производное слово тоже передает свое значение расчлененно, а проявлением этой расчлененности оказывается двучастность семантической структуры, находящая выражение как в противопоставлении ономастологическо-

²⁸ См. подробнее: Колманский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1977, с. 75 и сл.

²⁹ См.: Katz J.J. Recent issues in semantic theory. – Foundations of Language 1967, v. 3, № 2, p. 127.

го базиса ономаσιологическому признаку, так и в противопоставлении отсылочной части формирующей части. Благодаря этому семантику производных слов тоже можно рассматривать как сложную (compositional) функцию семантики их составляющих и грамматических отношений между ними. Чтобы осуществить такое рассмотрение, необходимо обратиться прежде всего к анализу формирования производных слов и уяснить некоторые особенности процессов словообразования как важнейших актов в номинативной деятельности человека.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ РАЗНОГО ТИПА

Каждое производное слово отражает итоги рече-мыслительной, познавательной и номинативной деятельности человека, поэтому, исследуя производные слова *in nascendi*, мы получаем возможность судить о том, каковы особенности этой деятельности и что, в частности, позволяет отличить процессы словообразования от актов номинации другого порядка. Изучавшие словообразование уже обращали внимание на его моделированный характер¹, однако рассмотрение закономерностей моделирования производных слов было долго сосредоточено на анализе их формальных особенностей и констатации правил образования производных по тем или иным словообразовательным моделям. Понимание словообразования как системы моделирования вторичных единиц номинации привлекло внимание исследователей и к другим аспектам создания этих единиц, ибо потребность в новых единицах номинации связана прежде всего с необходимостью выразить языковыми средствами новые значения или новые комплексы значений.

Выбор мотивирующего признака для нового обозначения, выбор адекватной структуры наименования и определенного словообразовательного средства для ее создания, подведение обозначаемого под тот или иной известный класс обозначений данного языка и его грамматическое оформление, — все эти аспекты номинативной деятельности преломляются в сфере словообразования специфическим образом и находят здесь свои устойчивые отличительные признаки. Можно утверждать, что словообразовательные процессы протекают как акты номинации с такими специфическими характеристиками, которые позволяют отличить эти процессы от всех прочих актов номинации на других уровнях строения языка.

¹ См.: Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., "Высшая школа", 1968, с. 147

В самой общей форме можно указать на следующие отличительные признаки процессов словообразования.

1. Создание производного как нового наименования с новой смысловой структурой происходит на базе уже существующих единиц языка, т.е. с использованием готовых знаков. Это отличает словообразование от выдумывания элементарных (непроизводных) слов типа *газ*.

2. Создание производного завершается возникновением новой морфологической структуры, обладающей статусом слова: независимо от протяженности и сложности источника деривации как мотивирующей единицы, наименование возникает как однословное. Это отличает словообразование от создания несколькихсловных наименований типа *транспортные средства, железная дорога* и пр. Можно поэтому противопоставлять синтетическое словообразование так называемой аналитической деривации.

3. В структуре производного наименования всегда повторяются знак или знаки, или части знаков, содержащиеся в исходной мотивирующей единице, и поэтому слова, связанные отношениями словообразовательной производности, содержат общие черты. Это отличает подлинное словообразование от супплетивного, где подобная материальная повторяемость знаков (как в случаях типа *стирать-прачка*) отсутствует.

4. Повторяемость знаков может иметь самую разную форму, начиная от полного повторения исходного знака в мотивированной единице (например, при конверсии типа англ. *sail* 'парус' → *to sail* 'идти под парусами') до повторения в мотивированной единице одних заглавных букв в словах, мотивирующих данную (ср. *ОША* и *Соединенные Штаты Америки*); наличие таких "следов" исходной единицы в морфологической структуре производного наименования позволяет говорить о мотивированности последнего. В то же время расхождения в типах таких "следов" позволяют объективную классификацию производных слов по количеству полнозначных единиц в их структурах (ср. противопоставление аффиксальных производных сложным словам) и типам полнозначных последовательностей в этих структурах (ср. противопоставление сложных слов аббревиатурам и сложно-сокращенным наименованиям разного типа). Указанное качество отличает производные как вторичные мотивированные единицы от простых, непроизводных, немотивированных слов.

5. Производное наименование представляет собой новое слово, поэтому его формальные характеристики не повторяют в своей совокупности тех, которые присущи исходному слову (ср., например, изменение парадигматических характеристик слова при конверсии или так называемой безаффиксальной транспозиции). Это позволяет отличить подлинное словообразование от так называемого семантического словообразования, при котором деривация значений происходит как бы внутри данного слова — ср. *леса*₁ 'род животного' и *леса*₂ 'хитрец' — при которой семантическому переосмыслению подвергается уже имеющееся в языке слово;

6. Создание производного всегда осуществляется в ходе применения определенной формальной операции к источнику деривации, которая обеспечивает его преобразование и переосмысление, а также окончательное грамматическое оформление производного наименования. Если сохранением следов полнозначных единиц из источника деривации в морфологической структуре производного достигается формирование отсылочной части, воздействие формальной операции на исходную единицу отражается в виде создания ее формирующей части. Поскольку общее число возможных в данном языке формальных операций конечно и исчислимо, а их типы устанавливаются на основе объективных критериев, словообразовательные модели могут классифицироваться и по типам примененных формальных операций (ср. аффиксацию, словосложение и т.п.). Связанность процессов словообразований с определенными формальными средствами позволяет представить эти процессы как моделирование единиц номинации по определенным правилам и тем самым сблизить их с чисто грамматическими преобразованиями слов.

7. Выбор необходимой для образования конкретного наименования формальной операции обуславливается, как и весь акт словообразования, его смысловым заданием, и потому находится в тесной связи с тем, какая единица принимается за исходную и служит его мотивирующим признаком. Аффиксация, словосложение, конверсия и прочие формальные операции вводятся в действие согласно своей собственной ономаσιологической направленности и в соответствии с протяженностью, урвневным статусом и типом мотивирующей единицы, подлежащей преобразованию. Роль формальной операции тесно связана, таким образом, со смысловым заданием акта номинации и подчиняется в конечном счете требованию выразить в новой единице наименования новое необходимое значение (понятие).

Соответственно сформулированным правилам можно отграничить словообразование от всех прочих актов номинации в языке и показать, чем оно отличается от таких смежных явлений, как аналитическая деривация, супплетивизм и т.п. Можно дать и более развернутое определение производного слова как такой единицы наименования, которая вторична, так как опирается на готовые знаки языка, мотивирована потому, что содержит в своей морфологической структуре какие-то из исходных знаков, расчлененно отражает передаваемое ею содержание и которая в целом может рассматриваться как выводимая единица номинации со статусом слова (универба).

Классификацию процессов словообразования можно осуществить почти по всем разобраным параметрам. Естественно, однако, что в настоящем исследовании нас интересуют лишь классификации, которые так или иначе связаны с освещением семантических аспектов словообразования. Наиболее известной из таких классификаций является классификация процессов словообразования по их семантическим результатам, зависящая от того, на формирование какого нового типа значения — синтаксического или лексического — эти процессы направлены. Другая классификация (ср. работы И.С.Уту

ханова) основывается на разграничении разных типов мотивации одного слова другим (другими).

В настоящей главе мы сосредоточим свое внимание на более общей классификации процессов словообразования, основанной на разграничении разного механизма этих процессов в лингвистическом и психолингвистическом отношении. В этой классификации учитываются не столько особенности готовых производных слов и их семантики, сколько само протекание процесса создания производного слова и, главное, его ориентация на ту или иную мотивирующую единицу.

Мы уже подчеркивали тот факт, что семантическая эквивалентность производного и его развернутой дефиниции не означает, что образование этих единиц шло по одним и тем же законам. Это чрезвычайно важно, ибо и относительно одной лингвистической единицы нельзя утверждать, что её создание в языке (и её воспроизведение) всегда происходило тождественным образом. А.А. Леонтьев справедливо указывает, например, что "вообще нет никаких свидетельств в пользу того, что одно и то же (лингвистически) речевое высказывание должно быть порождено обязательно одним и тем же (психолингвистическим) способом"². Еще более определенно говорит об этом А.Н.Соколов, отмечая, что "между значениями и процессами нет строго фиксированных отношений; одно и то же значение может быть представлено различными сенсомоторными процессами"³.

К выражению одного и того же значения можно прийти разными путями и использовать при этом разные лингвистические средства. Это общее положение распространяется, естественно, и на образование производных слов, поскольку и здесь действует принцип эквивалентности⁴; одно и то же производное слово может иметь разную деривационную историю. Ясно в то же время, что адекватное описание языка предполагает знание любого из этих возможных процессов, а также, что не менее важно, знание того, какой именно из этих процессов предпочитается в определенной ситуации и почему выбирается именно он.

В словообразовании указанная проблема рассматривалась только в одном ракурсе: отмечали, что одно и то же производное (например, *модничать*) может быть мотивировано, с одной стороны, словом *модник*, и в этом случае значение производного должно пере-

² См.: Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., "Просвещение", 1969, с. 150

³ См.: Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., "Просвещение", 1967, с. 33.

⁴ Ср.: Туркин В.В. О стохастическом характере естественной лингвистической генерации. - Учен. зап. МОПИ им. Н.К.Крупской, 1971, т. 249, вып. 25, с. 9.

даваться дефиницией вести себя подобно моднику'. С другой стороны, его можно связать со словом *мода*, и тогда его значение более адекватно передается дефиницией 'следовать моде'. Множественность мотивации изучалась, таким образом, как явление, способствующее возникновению многозначности производного слова. В таком случае, следовательно, речь шла не столько о различии процессов, приводящих к одним и тем же следствиям, сколько о своеобразной словообразовательной омонимии и выражению одной и той же последовательностью разных значений из-за совпадения формальных результатов разных деривационных процессов. В отличие от этого нас интересует именно вопрос о том, в результате каких процессов словообразования могут быть созданы производные, совпадающие по своим значениям, и более широко — каков механизм процессов словообразования.

Наблюдения за живой разговорной речью, за речью детей, за формированием производных слов в реально засвидетельствованных текстах дают богатейший материал для анализа деривационных процессов и для заключений о характере имеющего здесь место моделирования единиц. Результаты этого анализа дают нам основания утверждать, что словообразовательные процессы неоднородны и что они протекают в разных случаях нетождественным образом. Подводя итоги исследования, мы можем говорить о существовании, по крайней мере, трех разных типов словообразовательных процессов: аналогическом, корреляционном и дефиниционном⁵.

Модели этих процессов можно противопоставить: 1) по уровневому статусу источника деривации, а также по его форме и протяженности; 2) по механизму перехода от исходной единицы к результирующей и количеству необходимых для этого перехода операций; 3) по принципам структурной организации самого словообразовательного процесса.

Однако, главное в описании данных процессов, касается выявления их разных семантических возможностей и, как следствие, возможностей расширения значений и функций для целого класса производных. Это значит, что если в некоторых ситуациях три рассматриваемых ниже типа процессов словообразования служат, действительно, одним и тем же целям и приводят к созданию смысловых структур с тождественным содержанием, то в других ситуациях они обретают способность расширить семантические возможности производного слова и выполняемых ими функций.

При аналогическом словообразовании создание производного слова происходит при ориентации на существующий лексический

⁵ См. подробнее: *Кубрякова Е.О.* Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования. — В кн.: Предмет и методы синтаксической семантики. М., 1977, с. 129 и сл. *Kubryakowa E.* On the theory of word-formation. — In: *Kurzfassungen des XII. Internationalen Linguisten-Kongress; Wien, 1977.*

образец. В этих словообразовательных процессах по аналогии механизмом процесса является копирование готового образца, причем образцом для подражания становится знакомая лексическая единица с определенной внутренней формой, которую и повторяет говорящий в акте номинации. Так, в современном русском языке по аналогии со словами *светлолюбивый*, *тенелюбивый* в советский период появляется слово *влаголюбивый*⁶, а по аналогии со словами *чаинка*, *изюминка* – слова *хитринка*, *лукавинка*⁷.

При аналогическом словообразовании воспроизводится модель слова, его морфологической структуры, только "заполняются" они новым лексическим материалом, ср. нем. *zweisam* как *einsam*⁸ и др.; ср. так же: ... с яркими навесами выплеснувшихся на тротуары *кабушек* и *пивнушек* (А.Крон. Бессоница. – Новый мир, 1977, № 6, с. 9);

In addition to recording a man's *fingerprints*, a record should be made of his *footprints* (M. Uppfield. *The devil's steps*. N.-Y., 1956, p. 142).

The dividing line between American *law-makers* and *law-breakers* has always been tenuous. (*Morning Star*, 1974, Aug. 3, p. 2).

Протогипом нового названия может служить как отдельная лексическая единица, так и несколько однотипных структурно образований; нередко при этом аналогические производные выстраиваются в своеобразный словообразовательный ряд:

Настанет день – печальный, говорят! –
Отцарствуют, отплачут, отгорят, –
Остужены чужими пятаками, –
Мои глаза, подвижные как пламя

(М., Цветаева. Избранное. М., ГИХЛ, 1961, с. 41).

A *fantasy* is a "*dusk-dream*", lying halfway between a *day-dream* and a *night-dream* (J. Stone, *The passion of the mind*. N.-Y., 1971, p. 398)

... ему все казалось, что надо что-то доделать: *допить, доесть, дообъявить* или же *дорулаться*... (Ю. Трифонов, *Другая жизнь*. – Новый мир, 1970, № 8, с. 75);

⁶ См.: Литвиненко А.И. О некоторых видах сложных слов с первой составной частью *лаго...*, *космо...* – В кн.: Современность и словарь. Л., 1978, с. 142.

⁷ Ср.: Шмелев Д.Н. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке (существительные с суффиксом *-ИНКА*), – В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963; Лопатин В.В. Рождение слова. М., 1973.

⁸ См.: Motsch W. Ein Plädoyer für die Beschreibung von Wortbildungen auf der Grundlage des Lexikons. – In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977, S. 187; ср.: Яценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 201 и сл.

I'm homeless, childless, middle-aged, loveless, Hooper (E. Waugh. *Brideshead revisited*. Boston, 1945, p. 350).

Ориентация словообразовательного акта на имеющийся лексический образец или ряд таких образцов свидетельствует о том, что при необходимости в новом наименовании говорящий может обратиться к лексикону языка и что уже знание словаря (а не правил его образования) может явиться источником деривации⁹. Следствием такого процесса является — с формальной точки зрения — повторяемость не корневого элемента непосредственно мотивирующего слова, а схемы его строения с повторением одного из компонентов мотивирующего слова при словосложении, или же повторением представленного в исходной морфологической структуре аффикса или аффиксов.

Подобный прием широко используется в стилистических целях, ср.:

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная *боль* затаенной печали,
Безвыходность горя, *безгласность*, *безбрежность*,
Холодная *высь*, *уходящие дали*...
Глубокая *тишь*... *Безглагольность* покоя.

(К.Д.Бальмонт. Стихотворения. Л., 1969, с. 293).

Противопоставлением двух столь различных структур, из которых одна предельно свернута (*боль, высь, тишь, даль*), а другая, напротив, протяженна и даже громоздка (*безвыходность, безбрежность* и т.д.), одна — сжата, а другая — семантически расчленена, создается воистину поэтическая картина русской природы.

Прием повтора однотипных производных образований используется и в знаменитой эпиграмме А.С.Пушкина на М.С.Воронцова, которого он в письмах своих именует *полу-Милордом*:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще *полу-подлец!*..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полным будет наконец.

(Изд. под ред. С.А.Венгерова. Пушкин, т. II; С.-Петербург, 1908, с. 210).

В те времена люди научились понимать друг друга не только с *полуслова*, но даже с *полувзгляда, полувздоха, с полумолчания* (В.Катаев. Трава забвения. — Новый мир, 1967, № 3, с. 69).

⁹ Г.Брекле говорит о возможности противопоставить инвентарь лексических единиц, знакомых говорящему, и инвентарь знакомых ему правил словообразования (Brekke H, Reflections on the conditions for the coining, use and understanding of nominal compounds. — In: Proceedings of the twelfth International Congress of Linguists. Innsbruck, 1978, p. 69).

I got a quick impression of him — a man of *halfqualities* who lived in a *half-world*; he was *half-handsome, half-lost, half-spoiled, half-smart, half-dangerous*. (Ross Macdonald. The chill. Lnd., 1974, p. 154).

С семантической точки зрения процессы образования слов по аналогии отличаются тем, что у мотивирующей единицы заимствуется не ее лексическое значение, а некое общее значение модели, обычно связываемое с представленными в ней словообразовательными элементами. Значение нового производного здесь предсказуемо, и в контексте оно легко угадывается по окружению, т.е. потому, что оно повторяет значение своего образца. Слово, созданное по аналогии, строится семантически так же как его прототип, и в этом смысле его смысловая структура обычно ограничена вполне определенным и легко определяемым значением.

Учет процессов словообразования этого рода помогает объяснить случай типа *снегование* как *скирдование*, не прибегая к понятию чресступенчатого словообразования и не возводя *снегование* к несуществующему глаголу **снеговать*¹⁰.

Явления аналогического словообразования широко распространены в речи детей, где они свидетельствуют, по-видимому, о способности ребенка к осуществлению морфологического анализа, предшествующего появлению новой комбинации морфем по образцу старой¹¹; что особенно важно, эти процессы происходят у ребенка уже в то время, когда подлинные правила словообразования ему еще не известны, и когда творческие способности связаны главным образом с потребностями расширить словарный запас за счет перераспределения и новой комбинаторики известного к тому времени материала.

В целом можно полагать, что за словообразованием по аналогии лежит знание словообразовательной модели словообразовательного ряда как ряда относительно структурно-семантических образований, объединенного общностью того или другого аффикса или схемы построения производных этого ряда, а также понимание отдельного лексического образца, удовлетворяющего тем же условиям построения, как представителя этого ряда и носителя единого для всего ряда значения. Явления аналогического словообразования позволяют предположить достоверность синтеза производного слова по образцу и подобию других членимых единиц языка и их "сборки" путем заполнения знакомой словообразовательной модели новым лексическим материалом.

В основе корреляционного словообразования тоже лежит в

10 Ср.: Ханнира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. — В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1968, с. 158.

11 Ср.: Шахмарович А.М. Роль наглядного представления в овладении средствами общения. — В кн.: Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976, с. 88.

конечном счете аналогия, однако аналогия более сложного характера: внутренним ее механизмом является то, что Г. Пауль называл "решением пропорционального уравнения"¹². Так, *стол: столик/дом: домик/х:хтик* и т.д. Процессы словообразования этого типа мы именуем корреляционными, поскольку сама исходная пропорция оказывается представляющей пару слов, находящихся в отношениях словообразовательной производности, и потому демонстрирующей принятые в данном языке словообразовательные корреляции слов. Поскольку в языках с развитыми системами словообразования цепочки слов, связанных отношениями словообразовательной производности и объединенные общностью корня или основы, могут носить более протяженный характер (отсюда понятие словообразовательной парадигмы и словообразовательного гнезда), на самом деле мы наблюдаем здесь либо восстановление (заполнение) пропущенных звеньев парадигмы или гнезда, либо создание новых членов этих объединений. В этом смысле можно было бы именовать словообразовательные процессы данного типа парадигматическими, ибо по механизму своего протекания они явно напоминают то, что в морфологии рассматривается как парадигматическое выравнивание форм.

При корреляционном словообразовании повторяются модели отношений между глаголом и производными от него именами действия, между названиями действий и их производителей, между существительным и произведенным от него относительным прилагательным и т.п., т.е. обычно наиболее продуктивные и распространенные модели словообразования.

Как показывают примеры, непосредственное связывание однокорневых образований — типичнейший случай как для возникновения новых производных, так и для функционирования имеющихся, т.е. для поддержания словообразовательных отношений в качестве живых и, следовательно, синхронно-релевантных, ср.:

He smiled his slow smile (A Christie, *Sleeping murder*, N.Y., 1976, p. 99);

Now I am not a critic and it is not my business to criticize ...
(Предисловие С. Мосма к сб. рассказов: D. Parker. *Variations on a theme*. Viking Press, 1944, p. 14-15);

Ich fürchte mich. Gegen die Furcht muß man etwas tun (R.M. Rilke. *Werke*, Bd. II. Berlin, 1959, S. 19).

Человек *уходит*, его *уход* из мира сопровождается эманацией в форме боли... (Ю. Трифионов. *Другая жизнь*, с. 59).

Многочисленные контексты этого рода явно распадаются на две группы: в первой из них исходное слово предворяет слово производное, так что семантика производного вступает как своеобразное развитие, продолжение, уточнение значений, заданных мотивирующей единицей, ср.:

¹² См.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 132.

А ведь ей казалось, что она *достаточно, сверхдостаточно* знает о нем (Там же, с. 68).

И все это *блеф* или, точнее сказать, *самоблеф*? (Там же, с. 58).
Die Straße war zu *leer*, ihre *Leere* langweilte sich (R.M. Rilke. Werke, Bd. II, S. 10).

Во второй группе использование производного предшествует появлению исходной для него единицы, и последняя появляется после деривата для объяснения его семантики, ср.:

"You can't ask a professional *singer* to *sing*", murmured Mr. S. — "Can one ask a professional *detective* to *detect*?" (A. Christie. A three-act tragedy, London, 1957, p. 26);

"Ach, ich muß noch *autoklavieren*". Sie erhob sich... und trat an den Labortisch, auf dem neben Kolben... der *Autoklav* stand (M. Wendland. Mit falscher Münze. Berlin, 1978, S. 88).

Семантика производных при корреляционном типе словообразования предопределяется тем значением, в котором исходное слово использовано в данном контексте, т.е. при однозначности исходного слова производное реализует лексическое значение мотивирующей единицы, отличаясь от последней своей синтаксической функцией. При многозначности мотивирующей единицы (например, в поэтическом тексте) производное может "впитать" в себя разные значения исходной единицы. Ср., например, неологизм *пошалевать*: *Шалай моя! Пошалевали /досыта с тобою!* (М. Цветаева. Избранное, М., 1961, с. 139), который может быть понят в данном контексте как обозначающий 'вели себя как шальные', 'поступали подобно шальным' и т.п.

Во всех контекстах такого рода семантика мотивированной и мотивирующей единиц тоже выступает как коррелятивная, соотносительная: ... a grandmother is sometimes the answer to the *baby-sitter problem*, but this hardly justifies her in making *baby-sitting* a career... (Mr. Parkinson's Law. London, 1971, p. 112).

Наиболее широко представлены в речи парные корреляции¹³; нередко, однако, текст организуется не только за счет введения в него какой-либо одной мотивирующей и мотивированной единиц, но и за счет связывания большого количества однокорневых образований. Это особенно типично для научного текста, ср.: We have thus abandoned the standard view that *the lexicon* is memorized and only *the syntax* is creative. In its place we have a somewhat more flexible theory of *linguistic creativity*. Both *creativity* and *memorization* take place in both *the syntactic* and the *lexical* component (R. Jackendoff, p. 668 — см. сн. 16 с. 13), а также возможный русский перевод этого отрывка: 'Итак, мы распространились с обычным мнением

¹³ См., например: *Конечная В.П.* О сочетаемости глагола с однокоренным существительным в английском языке. — В кн.: Исследования по лексикологии и фразеологии. — Сб. Трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1976, с. 161.

о том, что лексикон запоминается и только синтаксис имеет творческий характер. Взамен этого мы обладаем более гибкой теорией лингвистического творчества. И творчество, и запоминание равно имеют место и в лексическом, и синтаксическом компонентах языка'.

Засвидетельствованы в языке и такие случаи, когда в тексте представлены одновременно несколько производных от одного корня. Образование таких однокоренных производных становится часто стилистическим приемом, обеспечивающим проведение сквозной темы через все произведение, как бы его лейтмотив. Исходная единица деривации оказывается при этом ключевым понятием, облегчающим понимание последующего текста, ср.: "Эти два магических Г - Гофман и Гоголь - стали нашими кумирами, Все явления действительности предстали перед нами как бы сквозь магический кристалл гоголевско-гофманской фантазии... Это он [синеглазый] пустил в ход словечко "гофманиада", которым определялось каждое невероятное происшествие" (В. Катаев. Алмазный мой венец. - Новый мир, 1978, № 6, с. 43). Здесь слово *гофманиада* повторяется еще четыре раза, в предпоследнем случае - в высказывании, ярко отображающем процесс аналогического словообразования у М. Булгакова: "Одна из его сатирических книг по аналогии с *гофманиадой* так и называлась "Дьяволиада", что в прошлом веке, вероятно, было бы названо более по-русски "Чертовщина"...

Ср. также предисловие к сборнику юмористических рассказов Дж. Тёрбера, где утверждается, что *Thurberites* - and they are many - hardly need reminding that the classic *Thurberisms* are preserved in *The Thurber Carnival*, *The Thurber Album*, *Thurber's Dog's* and many more like-minded collections (J. Thurber, *Alarms and Diversions*, Penguin Books., London, 1962), т.е. что *Терберитам* (поклонникам Тёрбера) - а их немало - вряд ли надо напоминать, что классические *терберизмы* содержатся в таких сборниках рассказов как *терберовский "Карнавал"*, *терберовский "Альбом"*, сборнике *"Собаки" Тёрбера* и многих аналогичных публикациях'.

Типичным образом вовлечения в единый текст целого гнезда слов от одного корня является стихотворение В. Маяковского "Евпатория".

При коррелятивном словообразовании появление одного из партнеров регулярной корреляции влечет за собой создание или воспроизведение другого, поэтому действующей пружиной процесса можно считать ассоциативное связывание однокорневых образований. Образцом для установления подобной связи оказывается обычно одна из регулярных словообразовательных корреляций данного языка. В основе процессов этого типа лежит интуитивное знание того, что при многих глаголах есть соответствующее ему название осуществляемого им действия или его производителя, что от многих существительных с предметно-вещественным значением легко образуются уменьшительные, а иногда и увеличительные формы и т.д.

Очевидно, что при создании новых производных этим способом говорящие используют свои знания словообразовательных правил,

причем правил простейшего порядка и связанных с использованием самых распространенных словообразовательных средств (аффиксов).

Возможность ориентации на некую модель отношений между словами указывает на то, что прототипом наименования оказывается один из членов обычной словообразовательной пары или парадигмы, что здесь имеет место заполнение одной из позиций гринберговского квадрата¹⁴.

Знание моделей словообразовательных отношений порождает явления так называемой обратной деривации, т.е. подобно тому, как слово *разумный* ассоциируют со словом *разум*, слово *интимный* начинают связывать со словом *интим*. Можно утверждать поэтому, что если в языке регулярно встречаются словообразовательные отношения типа $A \rightarrow A_1$, то мы можем встретить в том же языке и обратное направление мотивации и потому отношения типа $A_1 \rightarrow A$ (ср. англ. to televise от television и др. аналогичные примеры). Процессы обратной деривации могут вследствие этого по праву рассматриваться как частный случай корреляционного словообразования.

¹⁴ См.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. III, М., 1963, с. 81 и сл.; Сахарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке). Докт. дис. ЛГУ, 1980.

О словообразовательной парадигме см. подробнее: Дюрович Л. Относительные прилагательные в славянских языках. — В кн.: The Slavic Word. The Hague—Paris, 1970; Манучарян Р. С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий. — В кн.: Проблемы семантики (материалы конференции ин-та востоковедения АН СССР, 1971), М., 1974; Кубрякова Е. С. О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках. — В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М. "Наука", 1972; Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании. — В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., "Наука", 1978; Кубрякова Е. С., Соболева Н. А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М. "Наука", 1979; Манучарян Р. С. Словообразовательно-семантическая парадигма. — В кн.: Словообразование и фразообразование. Тезисы докл. научной конференции. М., 1979. Мурашов Р. З. О словообразовательных парадигмах — Там же; Харитончик З. А. Стадъективная словообразовательная парадигма. — Там же; Веллева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М., "Высшая школа", 1979; Морозова Т. С. Структура словообразовательных парадигм русского глагола. Автореф. канд. дис. М., 1980.

Процессы корреляционного словообразования широко представлены в речи детей, ср.: "Я такой *рассказыватель*"; что хотите *раскажу*" или "Я — *писатель*"; умею разные буквы *писать*". Ср. также *ложу* от *ложки*, *смороду* от *смородины* и пр.

Рассматриваемый тип словообразования близок формообразованию: одна и та же основа воспринимается как лежащая в качестве ядра определенной парадигмы, а все ее видоизменения — обычно они соответствуют применению не более чем одной формальной операции — легко описываются в линейных терминах "расширения" или "развертывания", ср. *стол* → *столта* и *стол* → *столтик*.

Нельзя не отметить, что традиционное словообразование оперировало обычно как раз этими простейшими случаями создания производных слов, простейшими как в силу своих формальных, так и семантических свойств. В семантике производного не появлялось ничего, что бы уже не было заложено в семантике исходной единицы или же не было связано прямолинейно с присоединенным аффиксом (или другой одношаговой формальной операцией). Теория словообразования основывалась преимущественно на тех наблюдениях, которые относились к корреляционному словообразованию.

Отсюда шло представление о большей структурной сложности производного слова по сравнению с исходным, о правомерности и целесообразности непосредственного сравнения семантики соотносительных основ — производной и производящей, а также неизменности направления в отношениях словообразовательной производности определенного типа, т.е. все те положения теории словообразования, которые при более глубокой ее разработке оказались нуждающимися в серьезных коррективах и пересмотре.

При всей важности аналогического и корреляционного словообразования следует признать, что ядро словообразовательной системы складывается и возникает по-иному. Для того чтобы аналогическое и корреляционное словообразование вступили в свои права, в языке уже должны существовать и производные единицы, и способы их создания с помощью специальных средств, и сама противопоставленность первичных и вторичных единиц номинации. Чтобы создавать новые наименования по образцу старых, надо иметь эти образцы. Но тогда вполне естественно возникает вопрос, в ходе каких имен-

15 Более подробно о детской речи в этом отношении: *Цейтлин С.* Жил король со своей королицей. — *Наука и жизнь*, 1976, № 7; *Она же.* Возвратные глаголы и детская речь. — В кн.: *Проблемы теории грамматического залога*. Л., "Наука", 1978; *Тамбовцева А. Г., Шапирович А. М.* Роль семантических факторов в овладении словообразованием в детской речи. — В кн.: *Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*. М., 1978, с. 190; *Шапирович А. М., Краевская Н. А.* Семантические аспекты онтогенеза словообразования. — В кн.: *Словообразование и фразообразование. Тезисы докл. научной конференции*. М., 1979, с. 115.

но процессов происходило становление системы словообразования и какие из них обладали генетическим приоритетом.

Хотя рассмотрение истоков словообразования выходит далеко за рамки настоящей работы, а три типа процессов словообразования описываются лишь для того, чтобы осветить особенности семантических аспектов каждого из них, мы можем отметить, что исследование дефиниционного словообразования, или словообразования на синтаксической основе, помогает пролить свет и на генезис словообразовательной системы. По-видимому, у истоков этих систем стояло прежде всего словосложение.

Примыкание двух слов или их основ, постепенное переосмысление первого или второго компонента такого комплекса за счет появления у него более обобщенных и более абстрактных значений и постепенное превращение таких компонентов в аффиксы — таков был, по-видимому, долгий и длившийся тысячелетия путь развития системы, главной целью которой становилось обеспечение говорящих новыми средствами номинации. Но исследование этой эволюции — дело будущего, а пока мы можем указать только на некоторые данные, которые, как будто бы, свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы. Это и наблюдения индоевропейцев за фактами несомненной связи словосложения и синтаксиса¹⁶, и описание путей превращения наречий и превербов перед глаголами в префиксы¹⁷, и немногочисленные пока исследования о происхождении аффиксов¹⁸. Однако в тесной связи с синтаксисом могут изучаться не только сложные слова.

Уже в 1924 г. О.Есперсен указывает на деривационные связи конструкций *I saw the doctor's arrival* и *I saw that the doctor arrived*, ср. рус.: *Я увидел возвращение доктора* и *Я увидел, что доктор возвратился* или *I doubt the doctor's cleverness* и *I doubt that the doctor is clever*, ср. рус.: *Я сомневаюсь в опытности доктора* и *Я сомневаюсь опытен ли доктор*¹⁹. В 1930 г. В.Порциг предлагает рассматривать абстрактные существительные как резюмирующие целые предложения с соответствующим сказуемым и

16 См. подробнее: *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование. — В кн.: *Языковая номинация (Виды наименований)*. М., "Наука", 1977, с. 229.

17 См., например, *Кубрякова Е. С.* Именное словообразование в германских языках. — В кн.: *Сравнительная грамматика германских языков*, т. III. М., 1963, с. 56 и сл.; *Гузман М. М.* Словообразование посредством превербов. — Там же, т. IV. М., 1966, с. 207; *Сизова И. А.* Становление германского глагольного словообразования. На материале готского языка. М., "Наука", 1978.

18 См.: *Майтинская Е. Ш.* Словообразование в старо- и средневенгерском языке. М., 1965 (ротапринт).

19 *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 131, 154-155.

потому как синтаксические субстантиваты, в основе которых лежит либо глагол, либо прилагательное²⁰.

В 1949 г. Е.Курилович, развивая свою теорию частей речи, выдвигает положение о том, что эти "классы связаны между собой процессами деривации", и описывает возникновение производного типа фр. *blancheur* 'белизна' через стадии: *blanc* 'белый' → *être blanc* 'быть белым' → *le fait d'être blanc* 'факт бытия белого' → *blancheur* 'белизна'. "Чтобы образовать абстрактное существительное от соответствующего прилагательного, — указывает Курилович, — необходимо пройти через именную часть сказуемого и имя действия"²¹.

В 1944 г., т.е. ранее Е.Куриловича, Ш.Балли обращает внимание на параллелизм в строении предложения и производного слова, усматривая его в синтагматическом характере того и другого²². Вместе с тем, как правильно отмечают Г.Брекле и Д.Кастовский, идеи о связи предложения с производными и сложными единицами не получали особого развития вплоть до того момента, когда со становлением такого направления как генеративная грамматика, высказывание стало рассматриваться не просто как помогающее раскрыть смысл производного или сложного слов, но и как их непосредственный источник²³.

Начиная с работы Р.Лиза 1960 г.²⁴, поток исследований, связанный с проблемой "словообразование и синтаксис", стал настолько мощным, что один обзор этой литературы потребовал бы специальной монографии²⁵. Не останавливаясь далее на рассмотрении всех взглядов и мнений, относящихся к названной проблеме, мы осветим лишь те характеристики словообразования на синтаксической основе, которые отличают его от аналогического и корреляционного словообразования и которые важны для понимания всего хода

²⁰ См.: Porzig W. Die Leistung der Abstrakta in der Sprache. — *Blätter für Deutsche Philosophie, Zeitschrift der Deutschen Philosophischen Gesellschaft, 1930/1931, Bd. R, S. 66–77.*

²¹ Курилович Е. Понятие изоморфизма. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике М., 1962, с. 29, 30.

²² См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 119 и сл.

²³ Brekle H.E., Kastovsky D. Wortbildungsforschung: Entwicklung und Positionen. — In: *Perspektiven der Wortbildungsforschung.* Bonn, 1977, S. 13.

²⁴ См.: Lees R.B. *The grammar of English nominalizations.* Bloomington, 1960.

²⁵ Этот пробел восполняется частично оригинальной монографией Е.Л.Гинзбурга. Словообразование и синтаксис. М., "Наука", 1979. Здесь многие из этих публикаций подвергаются рассмотрению и критическому анализу (см. с. 33).

наших дальнейших рассуждений. Естественно, однако, что по мере необходимости мы будем вынуждены привлекать к анализу те из публикаций, которые оказали, как мы считаем, наибольшее влияние на направление исследований в данной области.

Процессы словообразования на синтаксической основе имеют место тогда, когда наречению предмета или другого явления действительности предшествует вынесение суждения о нем, основанного на приписывании ему определенных признаков и свойств. В акте речемыслительной деятельности предмет, подлежащий обозначению, сравнивается с другими предметами, классифицируется, подводится под какой-то уже известный из предыдущего опыта человека класс предметов и вследствие этого получает определенную дефиницию. Новое наименование формируется как мотивированный знак именно потому, что в основу этого наименования кладется некий признак, уже обнаруженный в другом предмете и имеющий свое название. Формируясь, производное слово проходит путь от знака-сообщения к знаку-наименованию, и в процессе этого превращения, или перехода, оно должно "впитать" в себя все значения знака-сообщения, релевантные для обозначаемого. Подобно любому понятию, понятие, фиксируемое производным словом, строится на определенном суждении о предмете или даже на ряде таких суждений.

При словообразовании на синтаксической основе созданию единицы номинации предшествует высказывание об обозначаемом и в отличие от аналогического и корреляционного словообразования, в которых новое слово мотивируется тоже словом, дефиниционное словообразование предполагает мотивацию не словом, а суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета. В мотивирующем суждении непосредственно мотивирующее слово занимает только часть суждения, т.е. выступает в качестве лишь одного из его членов. Использование или образование производного происходит в этом случае как бы в ответ на мысленно поставленный самому себе вопрос о сути обозначаемого и его главных признаках. Ср.: *Лицо у Зики было ничего, круглое, свеженькое, всегда слегка улыбающееся, в белокурых кудряшках. Простоватое личико* (Ю. Трифонов. Другая жизнь, с. 29).

Ясно что наречению лица Зики словом *личико* здесь предшествует определенное его описание, что и делает акт наречения итогом вынесения суждения о нем и его своеобразной дефиниции.

О том, как реально протекают акты наречения и как складывается при этом семантика производного слова, мы можем судить на основании текстов, образцы которых мы приведем ниже. Хочется только обратить в них внимание на эксплицитный характер мотивации создаваемого слова, при котором оно мотивируется не столько непосредственно мотивирующим словом, сколько семантикой той конструкции, в которую оно входит и в которой оно само играет, выполняя определенную синтаксическую функцию, определенную семантическую роль.

Ср., например, диалог между двумя действующими лицами рассказа, позволяющий восстановить словообразовательный акт наречения героя рассказа – фальшивомонетчика прозвищем *Хруститель*:

"and we are out to get The Crackler and we will get him good".

"Did you say The Cackler or The Crackler?"

"The Crackler".

"Oh, what is a Crackler?"

"A new word that I have coined", said Tommy.

"Descriptive of one who passes false notes into circulation.

Bank notes crackle, therefore he is called a Crackler. Nothing could be more simple".

"That is rather a good idea... I like The Rustler myself. Much more descriptive and sinister".

"No, said Tommy, "I said The Crackler first and I stick to it"

(A. Christie. Partners in crime. N.Y., Dell, 1975, p. 116–117).

Как следует из этого текста, *Хрустителем* называют не просто того, кто хрустит, но того, кто хрустит банкнотами, да еще и фальшивыми.

Ср. также отрывок из юмористического рассказа:

"He was a goldfish-holder"

"What do you mean, a goldfish-holder", I demanded.

"Cammery had been a professional billiard-player. ... Once... he caught up one of the fish from the bowl ... and held it ... He got to snatching up goldfish and holding them, wherever he went. At length he had to have a bowl of them beside the table when he played his billiard-matches..."

(G. Thurber. The middle-aged man on the flying trapeze. N.Y., 1935, p. 27).

Формирование таких смысловых структур, мотивированных целыми суждениями, подчиняется сложным правилам. Единственная возможность установить их – выйти за пределы сравнения мотивированного слова со словом мотивирующим и обратиться к последовательному сопоставлению производных слов разных типов с мотивирующими их синтаксическими конструкциями. Только этим путем мы можем установить, какая семантика исходной синтаксической конструкции регулярно закрепляется за производным словом и находит постоянное отражение в его смысловой структуре, а в конечном счете и то, что сближает и что, напротив, различает производное слово и соответствующее ему семантически синтаксическое целое, предложение.

При окказиональном словообразовании на синтаксической основе семантика новообразования может быть объяснена лишь путем возвращения к ее источнику, т.е. ссылкой на мотивирующее суждение; ср.:

– She was an ether-drinker.

– A what?

– She drank ether. She was quite used to it. She could drink five hundred grammes a day ... (E. Amler. A kind of anger. London, 1970, p. 48).

В случаях этого типа, как и в приведенных примерах, особенно ясно, что производное кумулирует не только значения непосредственно мотивирующих слов, но и их окружения. Задачей словообразовательного анализа является поэтому обнаружение таких черт этого окружения, которые становятся составной частью значения словообразовательной модели, т.е. оказываются не столько принадлежностью отдельно взятого производного слова, сколько принадлежностью словообразовательного ряда, формируемого с помощью данной модели. Освещению этих проблем и будет посвящено несколько специальных глав.

При анализе словообразования на синтаксической основе важно, таким образом, отметить, что производные и сложные слова, созданные этим способом, развивают семантические структуры более сложного порядка, чем те, которые образуются при аналогии или корреляции. Эта сложность вызывается, с одной стороны, тем, что в ходе своего образования они должны приобрести значения, выходящие за рамки тех, которые передаются мотивирующими словами; с другой — если бы производные и сложные слова могли впитать в себя всю пропозитивную семантику неограниченного числа исходных конкретных высказываний, они бы выступали в языке исключительно в качестве неких условных сокращений конструируемого в этих высказываниях. Эта точка зрения совершенно неприемлема.

Родившись как новые единицы наименования, производные слова перестают быть простыми дублетами мотивировавших их высказываний и начинают свое собственное существование, подчиняясь тем закономерностям, которые характерны для класса слов вообще. Продолжается и их семантическое развитие, как и развитие всей той словообразовательной модели, по которой они первоначально были созданы. В результате этого синтаксические конструкции, мотивировавшие производные и сложные слова определенного типа, семантически обособляются от этих последних, и оба класса выступают как классы противопоставленных друг другу единиц номинации.

Лишь незначительное число синтаксических конструкций продолжает сохранять живые деривационные связи с однословными наименованиями, и в каждом отдельно взятом языке фиксируются свои собственные типы номинализаций — превращения развернутого синтаксического целого в единое наименование, универб²⁶. Правила этого рода должны стать неотъемлемой чертой описания словообразовательных систем отдельных языков, а из этого следует, что и словообразовательные процессы, происходящие на синтаксической

---

²⁶ См. также: Сахарный Л. В. Словообразование как синтаксический процесс. — В кн.: Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974; *Он же*. Структура слова-универба и контекст. — В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977; *Он же*. Словообразование в речевой деятельности. Автореф. докт. дис. 1980, с. 31.

основе, должны учитываться как в конкретных описаниях языков, так и при дальнейшей разработке теории словообразования.

Выделение разных типов процессов словообразования важно прежде всего для исследования семантических аспектов словообразования. Так, в рамках аналогического и корреляционного словообразования трудно понять причины лексикализации производного слова, наличие в его структуре невыраженных эксплицитно сем, условия появления в этой структуре "приращенных" значений и т.д.

Можно отметить также, что обращение к динамическому аспекту словообразования при изучении процессов словообразования важно, по-видимому, и потому, что этот подход позволяет рассмотреть подробнее, как формируется новое значение в возникающем производном или сложном слове, и что позволяет, в конечном итоге, говорить об этом новом значении как о новом типе значения.

Сравнение трех типов словообразовательных процессов способствует, наконец, пониманию принципиальных различий в возможностях моделирования семантики языковых единиц, и определению механизма процессов деривации и синтеза таких единиц в более широком плане: в частности, с точки зрения тех знаний, которыми обладает говорящий, и которые приводятся им в движение во время речевой деятельности.

Как следует из изложенного, первый словообразовательный процесс обеспечивается знанием модели словообразовательного ряда, второй — знанием регулярных словообразовательных корреляций, третий — знанием модели перехода от суждения о предмете к его имени. Во всех этих случаях различен характер мотивации, ибо не одинаковы сами мотивирующие единицы и их уровневой статус. Во время как процессы первого и второго типов протекают в пределах одного уровня, процессы третьего типа связывают морфологию и синтаксис: развернутая синтаксическая конструкция, служащая источником мотивации, должна превратиться в универб, репрезентируемый определенной морфологической структурой, и превратиться тем самым в новую единицу номинации. Таким образом, третий тип словообразовательных процессов может обеспечиваться лишь знанием межуровневых связей единиц, знанием моделей преобразования единицы синтаксического уровня в единицу номинации, слово.

То, что в системе языка выступает с течением времени в виде отработанной словообразовательной модели, стоящей за актами номинации, которую мы для простоты описываем как итог связывания двух слов, типа *школа* → *школьник* или *семя* → *сеялка*, на самом деле является обобщенной, типизированной формулой преобразования неких высказываний о предмете в их названия: тот, кто учится в школе, называется школьником; то, чем сеят семена злаков, называется сеялкой и т.д. Словообразовательные модели можно в принципе трактовать как принятые обществом способы трансформации суждений об обозначаемых в их названиях.

В трех указанных процессах словообразования семантика производного слова по-разному отражает его источник. Если в процессах

первого и второго типа можно предположить достаточно простое повторение значений исходного образца и предсказуемое отличие производного от исходного слова, в процессах третьего типа механизм семантического преобразования суждения в название, как мы уже пытались продемонстрировать выше, гораздо сложнее, и он должен стать таким же предметом специального анализа, каким являлась когда-то аффиксация, словосложение и пр.

Так, в первом типе процессов, при повторении значения словообразовательной модели, производное слово отличается от исходного своим лексическим наполнением (ср. *вполглаза* и *вполрта*, *азродром* и *танкодром* и т.п.), а во втором, при повторении корня или основы исходной единицы, последняя отличается от производного слова отсутствием того значения, которое в производном связано с прибавлением аффиксов или другого формального средства.

Мы уже подчеркнули, что одно и то же производное слово может выступать как результат разных процессов словообразования (см. с. 24). Так, слово типа *германист* можно рассматривать как образованное по аналогии с такими словами, как *латинист*, *романист*; можно считать, однако, что оно повторило при своем возникновении корреляцию типа *романский*:*романист* или *латинский*:*латинист*; не исключено также, что оно явилось следствием универбализации словосочетания *тот, кто занимается германскими языками и литературами*. Разграничены эти процессы только в речевой деятельности; интересно отметить, что это же относится и к онтогенезу детской речи: об этом свидетельствуют, в частности, те мотивировки, которые дают сами дети своим окказионализмам. Ср. *покупатель* и *продаватель* (аналогия), *у меня мизинчик, а у тебя мизин* (обратная деривация при корреляционном словообразовании); ср. также ответ на вопрос *Что это такое — ломатель? Который ломает, он ломает* (универбализация).

Нельзя отрицать, что во всех трех процессах важную роль играет аналогия: ведь и преобразование предложения в универб можно трактовать как процесс аналогии в широком смысле слова. Очевидно, однако, что предлагаемые названия процессов отражают тот факт, что образцом для повторения при корреляционном словообразовании служит корреляция однокорневых слов, а при дефиниционном — типовая схема дефиниции. Усложняются прототипы производных — усложняется и механизм аналогии. Вместе с тем у каждого процесса есть и свои собственные способы вовлечения разноуровневых единиц в акт номинации, благодаря чему реально ассоциируются разные языковые единицы.

Поскольку при дефиниционном или синтаксическом словообразовании каждая словообразовательная модель утверждает наличие определенного признака, свойства у обозначаемого, а это утверждение базируется на определенном суждении (ср. *он занимается* → *он занан*; *He is like a child* → *he is childish*, *He arrived* → *his arrival* и пр.), анализ словообразования на синтаксической основе вызывает к жизни

ни целый ряд проблем, решение которых уводит нас в область синтаксиса. Так, и без специальных исследований очевидно, что отнюдь не все синтаксические конструкции могут стать источником новых наименований и что наборы значений, в одних языках легко передаваемые производными и сложными словами, в других могут быть выражены только сложными синтаксическими оборотами и т.п. Для того чтобы установить, какие именно синтаксические структуры связаны отношениями трансформации со сложными и производными словами, надо предварительно исчислить сами эти структуры, а для того чтобы описать сходства и различия в семантике сравниваемых единиц, надо точно знать, что представляет собой семантика синтаксического целого. По-видимому, не на все из этих вопросов наша наука может дать ответ на современном этапе ее развития, и в дальнейшем своем изложении мы осветим лишь часть подобных проблем.

Еще в начале 70-х годов Дин Уорт, очерчивая рамки анализа производных аффиксального типа, справедливо отмечал, что "отношения синтаксических структур к словообразовательным моделям почти не изучались"²⁴. Конечно, с тех пор положение изменилось, ибо сопоставление производных и сложных с их синтаксическими источниками приобрело чрезвычайно широкий размах. И все же методика подобного анализа еще далека от совершенства. Быть может, дело в том, что увлеченные поисками синтаксических соответствий для каждого отдельного типа производных и сложных единиц, а также стремлением увидеть за каждой такой парой сравнительных единиц одну и ту же глубинную семантическую структуру, исследователи ушли несколько в сторону от решения проблемы, которая нам представляется центральной — проблемы формирования в процессах словообразования нового типа значения — словообразовательного.

Мы хотим подчеркнуть, что хотя словообразовательное значение присуще каждому производному слову вне зависимости от того, в ходе какого словообразовательного процесса оно создано, наблюдать за его возникновением и описать его специфику целесообразнее всего именно на материале процессов словообразования на синтаксической основе. Перед тем, как обратиться непосредственно к освещению проблемы словообразовательного значения, мы остановились подробно на характеристике процессов словообразования, как части номинативной деятельности человека и выделения главных типов этих процессов.

²⁴ См. рец. Уорта на кн.: *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971 — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, v. 16. The Hague, 1973, p. 203.

МЕТОДИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В НАСТОЯЩЕМ ИССЛЕДОВАНИИ

В предыдущей главе мы пытались обосновать классификацию процессов словообразования, разграничивая их как процессы, протекающие по разным семантическим моделям. Иначе, мы дифференцировали эти процессы в зависимости от того, какая семантическая схема связывания единиц номинации лежала в их основе. Одна семантическая схема предполагала воспроизведение значения существующего лексического образца, другая – воспроизведение модели отношений между двумя родственными словами, третья – применение правила перекодирования единицы номинации одного уровня в единицу номинации другого. Если механизмом первых двух словообразовательных процессов была ассоциация, которую психологи определяют как связи в коре головного мозга, которые "отражают связи предметов и явлений по смежности в пространстве и во времени, отношения по сходству и различию и, наконец, связи причинно-следственные"¹, эти процессы можно считать результатом деятельности мозга, которая свидетельствует о том, что предметы и явления (и слова, их обозначающие), запоминаются и воспроизводятся не изолированно друг от друга, а в определенной взаимосвязи и взаимодействии².

Механизмом третьего процесса являлись, по-видимому, логические операции другого типа – более непосредственно связанные с умозаключениями и своеобразным решением лингвистической задачи по преобразованию развернутого суждения о предмете в его обозначение. С задачами аналогичного рода говорящий встречается на протяжении всей речевой деятельности и они напоминают определенные упражнения в учебниках по языку, когда изучающего просят поставить вопрос к зафиксированному утверждению, или когда от него требуют превращения активного оборота в пассивный, или утвердительного предложения – в отрицательное.

Соответственно разным семантическим схемам установления связи между производящими и производными единицами производное слово заимствовало по-разному те значения из источника своей мотивации, которые затем по завершению акта словообразования, продолжали существовать в его собственной смысловой структуре. При словообразовании по аналогии повторялось значение исходного образца, а новым оказывалось его лексическое заполнение (ср. *влюбивый* и *тепелюбивый*); при корреляционном словообразовании структура производного строилась аддитивно: производное сохраняло пол-

¹ См., например: Курс психологии. Под ред. М.В. Гамезо. М., 1967, с. 126; Рубинштейн С. И. О мышлении и путях его исследования. М., 1959, с. 431 и др.

² Ср.: Шубин Э. П., Троицкая Н. В. Дефиниционно-ассоциативная теория внутренней структуры слова (на материале английского языка). Калинин, 1971, с. 22.

ностью лексическое значение своего партнера, а новым оказывалось лишь то значение, которое можно было связать непосредственно с использованным деривационным средством (главным образом аффиксом, прибавленным в акте словообразования). Наконец, при дефиниционном словообразовании дополнительно к сложению смыслов, характерному для корреляционного словообразования, в семантической структуре деривата фиксировались и другие значения исходной дефиниции, не сводимые ни к значению непосредственно мотивирующего слова, ни к значению используемого словообразовательного средства, ср., например, *германист*, и тот кто занимается германскими языками и литературами.

По-видимому, методика семантического анализа первых двух типов словообразования не может быть вполне тождественна той, которая должна быть использована при анализе словообразования на синтаксической основе. Если в одном случае нас интересует прежде всего вопрос о новых значениях в производных словах и их номенклатуре, а также вопрос о конкретных значениях, появляющихся в результате использования определенных формальных операций а следовательно, прежде всего вопрос о значениях самих словообразовательных средств³, то в последнем случае нас интересует более характер приращенных, но не выраженных значений, и сами правила сохранения в семантике словообразовательной модели определенных семантических черт пропозитивной семантики исходного суждения. В этом последнем случае сравнения слова производного только со словом производящим явно недостаточно, и для преодоления ограниченности подобного сопоставления требуется выработать иную методику семантического анализа — отличную от той, которая базируется на непосредственном сравнении смысловых структур исходной и результитивной единиц.

Можно полагать поэтому, что методика семантического анализа должна варьироваться в зависимости от того, на какие объекты направлен этот анализ и каковы его конечные цели и задачи. Если семантический анализ производного слова направлен на то, чтобы установить системные связи слов в словаре и охарактеризовать регулярные возможности существующих в данном конкретном языке словообразовательных средств, если он связан с изучением путей мотивации одного слова другим и т.п., в силе остается та методика, которая была выработана на материале сопоставления пары слов⁴. Если, однако, семантический анализ направлен на исследо-

³ См., например: Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения (на материале сопоставления русского и армянского языков). Автореф. докт. дис. Ереван, 1975.

⁴ В разработку этой методики значительный вклад внес И.С. Улуханов. См., например: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Автореф. докт. дис. М., 1975. Большой интерес в этой связи представляют работы Е.А. Земской, А.Н. Тихонова, З.М. Володкиной, Р.С. Манучаряна, П.М. Карашука и др.

вание смысловой структуры производного на более высоком уровне абстракции, если он связан с восстановлением пути образования подобной структуры, если он связан с установлением ее особенностей по сравнению с единицами номинации другого порядка, — форма его проведения должна быть видоизменена.

При сравнении производного с непосредственно мотивировавшим его словом было, например, правильно установлено, что "...многочисленные случаи семантической соотносительности производящих и производимых слов могут быть сведены к нескольким основным типам: производное слово может быть связано с производящим лишь частью своих значений (имея либо больший объем значения, чем производное, либо меньший) или же повторять значение производящего полностью"⁵. Как видно, при таком подходе центр тяжести анализа приходился на установление того, какие из лексических значений исходных единиц используются (заимствуются у производящего) в акте словообразования, а какие как бы не получают дальнейшего развития и уточнения в языке. Идя этим путем, было, однако, трудно установить более общие закономерности подобного использования, кроме тех, что наиболее часто в актах словообразования участвуют прямые, или главные значения исходных единиц и что выбор всех остальных значений более ограничен и более случаен.

Методика семантического анализа производных слов, базирующаяся на анализе словообразовательной пары, сыграла, несомненно, положительную роль. Так, она способствовала определению компонентов значения в членимом слове⁶ и весьма обстоятельному рассмотрению особенностей лексической семантики производных слов⁷. Она привела также к выделению и классификации разных типов формально-семантических отношений слов в словообразовательном гнезде⁸ и т.п.

В работах этого направления был впервые поставлен и вопрос о словообразовательном значении, и многие признаки значения этого типа получили здесь адекватное отображение. В то же время, как правильно отметил В.М. Никитевич, словообразовательные значения

⁵ См.: Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. Автореф. докт. дис. М., 1974, с. 13.

⁶ См.: Улужанов И.С. Компоненты значения членимых слов. — ВЯ, 1974, № 2.

⁷ См., например: Ерманова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Автореф. докт. дис. М., 1977; Каращук П.М. Производное слово в лексико-семантической системе английского языка. Автореф. докт. дис. М.; 1974.

⁸ См.: Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.

с большим трудом могут быть объяснены и систематизированы посредством оппозиции⁹. Предложения же дополнить анализ синтагматическим способом за счет данных парадигматического анализа¹⁰ распространения, как будто, не получили. В целом проблема словообразовательного значения не могла считаться окончательно решенной. Исследователи продемонстрировали трудности реального отличия словообразовательных значений от лексических ввиду их тесного переплетения между собой¹¹, необходимость подобной дифференциации, и уже это явилось серьезным достижением теории словообразования. Очевидно также, что все последующие изыскания в области семантики производного слова были органически связаны с методикой сравнения производящего с производным, хотя они и показали впоследствии, что эта методика необходима, но недостаточна.

Приемы семантического исследования, о которых мы говорили выше, складывались в основном тогда, когда к производному слову подходили как к известной данности, т.е. статически. "Мы всегда оперируем известным значением известного нам слова. Известное нам значение слова по-разному раскладывается, распределяется между составляющими: в одном случае без остатка, в другом с остатком. Такой подход невозможен при подходе к производному слову с точки зрения его синтеза"¹². Естественно, однако, что выведение правил словообразования — а именно это является одной из центральных задач при описании словообразования, — требует рассмотрения производного слова как единицы, конструируемой в ходе акта словообразования и, следовательно, воссоздания этого динамического процесса синтеза слова¹³. При такой постановке проблемы цели и задачи семантического анализа существенно меняются: он должен дать ответ на вопрос о том, знаем ли мы способы объективации опеределенного смыслового задания, возникающего перед говорящим, с помощью словообразовательного моделирования и как именно осуществляется переход от этого задания к его реализации производным словом. Из этого следует также, что для разрешения поставленных задач методика семантического анализа должна быть сбли-

⁹ Никитевич В. М. Номинативный (позиционный ряд) в интерпретации поля. — В кн.: Русское языкознание. Сб. статей, вып. 2. Алма-Ата, 1970, с. 184.

¹⁰ Ср.: Крылов Н. А. О некоторых параллелях между фонетическим и морфематическим анализом. — Филолог. науки, 1970, № 2.

¹¹ См.: Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. — В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963.

¹² См.: Ермакова О. П. Указ. соч., с. 13.

¹³ Ср.: Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

жена с реальными процессами образования языковых единиц и, применительно к производному слову, что она должна быть соотнесена каким-то образом с особенностями формирования этой единицы в акте словообразования.

Порождающая грамматика и порождающая семантика внесли свой заметный вклад в теорию словообразования уже потому, что они привлекли внимание исследователей к разным этапам формирования производного слова и к его участию в сфере деривационных отношений между языковыми единицами разных уровней. В конечном счете это вылилось в создание многочисленных методик сопоставления производного слова с синтаксическими конструкциями разных типов и разной протяженности и в попытки рассмотреть семантику производного слова на фоне тех или иных "объяснительных трансформаций"¹⁴.

Процедуры сопоставления производного слова с разными его перифразами вырабатывались как в тесной связи с разработкой методов трансформационного анализа, так и в меньшей зависимости от него¹⁵. При этом в качестве "подстановочной" единицы, объясняющей производное слово, предлагались разные типы субститутов, начиная от ядерного предложения у Р. Лиза¹⁶, до придаточных предложений разного типа у З. Вендлера¹⁷ или еще более сложных абстрактных структур логического синтаксиса у Г. Брекле¹⁸.

---

¹⁴ См.: Арнольд И. В. Семантическая структура слова. - Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 295, 1966.

¹⁵ См., например: *Соболева П. А.* О трансформационном анализе словообразовательных отношений. - В кн.: Трансформационный метод в структурной лингвистике. М., 1964; *Степанова М. Д.* О трансформационных моделях сложных слов в современном немецком языке. - В кн.: Ин. яз. в высшей школе. М., 1962; *Волоцкая З. М.* Установление отношений производности между словами (опыт применения трансформационного метода). - ВЯ, 1960, № 3; ср. также: *Шубин Э. Л.* Ассоциативная структура слова. Учен. зап. Калининского ГПИ, т. 64, вып. 2, 1969, с. 18. *Никитевич В. М.* Словообразование и деривационная грамматика, ч. I. Алма-Ата, 1978.

¹⁶ См.: *Lees R. B.* The Grammar of English nominalizations. 2-nd pr. The Hague, 1963; *Chomsky N.* Remarks on nominalization. In: Readings in English transformational grammar. Cambridge, Mass., 1970.

¹⁷ *Vendler Z.* Adjectives and nominalizations. The Hague-Paris, 1968; см. анализ его взглядов: *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 63.

¹⁸ См.: *Brekle H. E.* Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition. München, 1970.

В основе всех этих процедур могло лежать либо представление о том, что перифраза, приписываемая производному слову, является одновременно и реальным источником его порождения либо представление о том, что такое описание, и, не являясь отражением пути синхронного формирования производного, помогает тем не менее прояснить особенности его семантики. Нередко, однако, в проведении семантического анализа этим путем известное выдавалось за неизвестное и напротив: ведь то, что еще только подлежало описанию (семантика производного слова), оказывалось заранее отождествленным. Так, в отношениях единиц, объединяемых деривационными связями, априорно усматривали сохранение каких-то смыслов, но доказательства этого положения специально не приводились. Не вызывает, однако, сомнения, что обороты *Рабочие строят дом; Дом строится рабочими; Строительство дома рабочими* и пр. могут в одних отношениях рассматриваются как семантически эквивалентные, но в других (так же безусловно) как неэквивалентные. В сущности полемика вокруг этой проблемы так и не может считаться завершенной¹⁹.

Разделяя полностью мнение о том, что изучение номинализаций многих типов входит в сферу словообразования и что рассмотрение оборотов типа *Его приезд, Чтение книги мальчиком* и пр. на фоне конструкций *Он приехал* или *Мальчик читает книгу* представляет значительный интерес для теории словообразования, мы бы хотели подчеркнуть, что признание деривационной связи между теми или иными единицами языка не может быть априорным доказательством их семантической эквивалентности.

В ходе любого преобразования, в том числе и любой стандартной трансформации, меняющей форму и/или структуру исходной единицы, наблюдаются обязательно те моделируемые изменения в ее значении, которые привели ее в действие и составили реальную цель и задачу подобных преобразований. Так, активный оборот преобразуется в пассивный (или — может быть заменен этим оборотом) именно для того, чтобы подчеркнуть разную точку зрения на положение дел: при том, что роли участников ситуации не меняются, наше понимание этих ролей различно. "Равнозначность" сравниваемых конструкций обуславливается лишь тем, что прагматический

¹⁹ Ср.: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., "Наука", 1975, с. 93; Блох М. Я. Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале английского языка). Автореф. докт. дис. М., 1977, с. 11; Гак В. Г. О семантическом инварианте и синонимии предложения. — В кн.: Предмет и методы синтаксической семантики. М., 1977; Бархударов Л. С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте. — Там же, с. 39 и сл.; Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., "Высшая школа", 1974, с. 99 и сл.; Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.

исход разного обозначения ситуации не зависит от того, какой участник этой ситуации воспринимается нами как адресат действия, какой — как его производитель. Подобная практическая, а, возможно, и денотативная равнозначность не тождественны все же сигнификативной (как общему понятию о данной ситуации). Еще менее означают они буквальную равнозаменяемость конструкций в тех или иных условиях речевых актов. В этом смысле вряд ли можно говорить об установлении абсолютного лингвистического тождества между единицами с разной лингвистической формой. Аналогичное положение наблюдается и в области словообразования.

Любая трансформация исходного знака, оставляющая хотя бы часть значений этого знака незатронутой и приводящая к возникновению на его основе другого однословного наименования, может считаться *sui generis* направленной на изменение семантики этого знака. Показателем отношений словообразовательной производности может считаться исключительно семантический сдвиг, наблюдаемый в производной единице по сравнению с производящей и всегда коррелятивный примененной к исходному знаку какой-либо из возможных формальных операций данного языка²⁰. Если констатировать этот семантический сдвиг не удастся, отношений словообразовательной производности просто не существует. Таким образом, как для анализа отношений словообразовательной производности, так и для исследования семантического аспекта словообразовательных процессов главное заключается в том, чтобы убедиться в осуществлении семантического сдвига, во-первых, и определить природу этого семантического сдвига, во-вторых.

Характер наступившего семантического сдвига целесообразнее всего описывать в терминах синтаксической и лексической деривации (см. подробнее с. 145 и сл. настоящей книги), и здесь в силу вступает снова сравнение семантических структур исходной и результирующей единиц. Однако чтобы убедиться в наличии самого семантического сдвига, прямолинейного сопоставления этих единиц недостаточно. Так, свойства взаимозаменяемости единиц обнаруживаются лишь в контексте и при рассмотрении единиц в изолированном употреблении они не могут быть выявленными достоверно.

Между производным и его перифразой часто нет свойств обратимости; так, черника — это черная ягода, но черной ягодой может быть и смородина, и виноград. Не каждый описательный оборот или суждение можно обратить в однословное наименование и, напротив, не каждое производное слово может быть заменено в тексте его дефиницией (ср. нелепость предложения *Пойдем в лес за черными ягодами*). Из этого следует, что отношения между производным и вполне корректной его дефиницией не так просты. Говорить поэтому о полном лингвистическом тождестве производного и его перифразы можно только с величайшей осторожностью.

²⁰ См.: Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. Докт. дис. М., 1971, с. 64.

С излагаемой точки зрения ясно, почему мы полагаем, что каждое словообразовательное правило (как и правила трансформации вообще) должно фиксировать прежде всего то новое значение, которым производное отличается от мотивированной его единицы и, поскольку в качестве такой единицы могут выступать последовательности разной протяженности и разной уровневой принадлежности, мы должны уметь определять и смысловое расстояние между отдельными словами, и — что не менее важно — между словами и синтаксическими конструкциями. Пути изучения семантических сдвигов, осуществляемых в актах словообразования, связаны, таким образом, с восстановлением общей картины деривационных отношений изучаемого языка. А эта общая картина предполагает воссоздание не только межсловных деривационных связей, но и связей межуровневых.

Выход за рамки сравнения слова со словом же означает серьезное расширение границ словообразовательного анализа и делает необходимым в его проведении привлечение данных семантики синтаксиса²¹. В конечном счете это требует также ответа на вопрос о сути соотношения единиц синтаксиса и единиц словообразования, на который до сих пор исследователи дают прямо противоположные ответы. С одной стороны, здесь распространено мнение о том, что все производные знаки создаются (или были когда-то созданы) синтаксическим путем. С другой стороны, многие исследователи полагают, что единицы номинации в области синтаксиса и в области словообразования бытуют более как сосуществующие синонимичные единицы, чем как единицы, связываемые буквально деривационными отношениями. В пользу того, и другого мнения можно привести разные доказательства, и окончательно этот вопрос не может считаться решенным.

Думается, что истина лежит где-то посередине и что принятие одной из этих крайних точек зрения неоправданно. Признание неоднородности и нетождественности процессов словообразования может, между прочим, рассматриваться и как доказательство неприемлемости крайних взглядов в указанном отношении. Если действительно, как мы пытались показать выше, в языке реально пред-

---

²¹ См. подробнее: *Кубрякова Е. С.* Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования. — В кн.: Предмет и методы синтаксической семантики. М., 1977; *Гинзбург Е. Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979; Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977; *Сахарный Л. В.* Словообразование как синтаксический процесс. — В кн.: Проблема структуры слова и предложения. Пермь, 1974; *Абрамов В. А.* О связи словообразования и синтаксиса. — В кн.: Словообразование и фразообразование. М., 1979; *Почепцов Г. Г.* К проблеме взаимодействия словообразования и синтаксиса. — Там же, с. 74, а также работы, указываемые в данной главе в сн. 25 и др.

ставлены процессы аналогического и корреляционного словообразования, то это означает, что отнюдь не все типы производных создаются на синтаксической основе.

По-видимому, к этому же мнению, хотя и на совсем иных основаниях, склоняются и многие теоретики словообразования за рубежом. "Существует непроходимая пропасть между предположением о том, что словообразование может быть описано синтаксически, т.е. с помощью тех же методов, что и в синтаксисе, и утверждением о том, что производные слова — это редуцированные предложения"²². В последнем случае словообразованию надо было бы приписать не функцию пополнения словаря новыми лексическими единицами, а функцию редуционизма, сводимости более полных и развернутых форм к их редуцированным вариантам. Такая функция была бы, однако, исключительно заместительной, а это явно противоречит реальному положению дел.

Примерно в то же время, когда появилась монография Р. Лиза, положившая начало последовательным сопоставлениям сложных и производных слов с синтаксическими конструкциями, аналогичные взгляды развивал в серии своих публикаций и один из самых крупных специалистов в области английского словообразования и теории синхронного словообразования Г. Маршан²³. В 1966 г. он выдвинул тезис о том, что "морфологически составные единицы (сложные слова, производные суффиксального и префиксального типов) — это редуцированные предложения в субстантивной, адъективной или глагольной форме и как таковые они объяснимы на основе полных предложений"²⁴. Немало специальных работ было, однако, посвящено впоследствии тому, чтобы так или иначе опровергнуть этот тезис, т.е. чтобы доказать — образование целого ряда производных происходит за счет применения правил, существенно отличающихся от обычных трансформационных правил²⁵. Результатом всех этих на-

²² См.: Stein G. The place of word-formation in linguistic description. — In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977, S. 219.

²³ См. подробнее: Арутюнова Н.Д. Статьи Г. Маршанда по теории синхронного словообразования. — ВЯ, 1959, № 2.

²⁴ См.: Marchand H. On the analysis of substantive compounds and suffixal derivatives not containing a verbal element. — Indogermanische Forschungen, 1966, Bd. 70, p. 117.

²⁵ См.: например: Motsch W. Analyse von Komposita mit zwei nominalen Elementen. — In: Progress in Linguistics. Ed. by M. Bierwisch und K.E. Heidolph. The Hague, 1970, S. 210, прим. 4; Botha R.P. The function of the lexicon in transformational generative Grammar. The Hague, 1968; Penz F.G.C. Non-uniqueness in the treatment of the separability of semantics and syntax in linguistic phrases. — In: Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists, Ed. by L. Heilmann. Bologna, 1974, c. 409.

блюдений явилась и обширная литература, относящаяся к уяснению специфических особенностей словообразовательных правил²⁶, как характеризующихся ограниченной применимостью²⁷, или же проявляющих зависимость от гораздо большего количества факторов и явлений разных уровней, чем собственно трансформационные правила²⁸.

Обзор этой литературы увел бы нас далеко в сторону от основной темы настоящего исследования, но интересно отметить, что большинство лингвистов выразили свое несогласие по этому вопросу с мнением Н. Хомского о том, что в словообразовании очень высока степень неупорядоченности явлений и что в силу их идиосинкратичности их описание подлежит ведению лексикологии²⁹. Это несогласие вынуждает признать специалистов в области словообразования, что здесь проявляется гораздо больше регулярных черт, чем это до сих пор считалось³⁰. Именно эта точка зрения определяла, впрочем, традиционное для отечественного языкознания отнесение словообразования скорее к грамматике, чем к лексике языка. Существование же у словообразования двух разных аспектов – грамматического и лексического – служило у нас краеугольным камнем теории словообразования еще со времени основополагающей работы В.В. Виноградова³¹.

²⁶ См. также по этому поводу полемику между М. Халле и его критиками: *Halle M. Morphology in a generative grammar.* – In: *Proceedings...*, p. 695; *Boas H.U. On Halle's "prolegomena to a theory of word formation" or what is a linguistic generalization.* – *Linguistics*, 1974, v. 134; *Carroll J.M., Tanenhaus M.K. Prolegomena to a functional theory of word formation.* – In: *Papers from the parasession on functionalism. April 17, 1975.* Ed. by R.E. Grossman, L.J. San. T.J. Vance. Chicago Linguistic Society, Chicago, 1975, и рец. П. Шахтера на указ. соч. Р. Лиза в *IJAL*, 1962, v. 28, N2, p. 146.

²⁷ Ср., например: *Rose J.H. Principled limitations on productivity in denominal verbs.* – *Foundations of Language*, 1973, v. 10, N4; *Pennanen E. Current views of word-formation.* – *Neuphilologische Mitteilungen*, 1972, Bd. 73, №2, с. 306.

²⁸ См.: *Dressler W. Elements of a polycentric theory of word formation.* *Wiener Linguistische Gazette*, 1977, N. 5; см. также сн. 25.

²⁹ Ср.: *Хомский Н. Язык и мышление.* М., 1972, с. 51, где указывается: "Лексическая запись некоторой единицы должна задавать только те свойства, которые идиосинкратичны, которые не задаются языковым правилом".

³⁰ См.: *Brekle H.E., Kastovsky D. Wortbildungsforschung...*, с. 14.

³¹ См.: *Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии.* – В кн.: *Вопросы теории и истории языка.* М., 1952.

Вполне очевидно, что если бы правила словообразования не знали никаких ограничений, а синтез производных слов протекал бы в соответствии с такими же строгими закономерностями, какие можно установить для образования как грамматических форм, так и для образования синтаксических конструкций, эти правила вошли бы в трансформационный компонент грамматики или, в других терминах, рассматривались бы как часть грамматики слова. Напротив, если бы правила словообразования носили исключительно хаотический характер или если бы каждое правило действовало только в пределах узких группировок слов и небольшого количества производных, а общее число правил было бы чрезмерно большим, эти правила было бы рациональнее считать принадлежащими лексикологии. Поскольку, по мнению Н. Хомского, в словообразовании преобладают несистемные отношения, а они типичны для лексики, которая и носит случайный характер (*rather accidental character*)³², все словообразование следует описывать в лексическом компоненте такого описания.

Однако опыт исследования словообразовательных систем разных языков свидетельствует о том, что закономерности в этой области существуют и что, по крайней мере для ядра этой системы, можно указать на такие же регулярные черты образования вторичных единиц деривации, как, например, и в области морфологии. Конечно, не вполне ясно, при какой степени регулярности словообразовательных моделей их следует описывать с помощью правила, а не списка. Однако там, где такая возможность налицо, мы не можем пренебрегать ею. Всюду, где мы можем констатировать возникновение предсказуемого значения, хотя бы в определенном диапазоне возможных значений, т.е. частично предсказуемого, мы должны отказаться от идеи фиксировать списки единиц без правил их образования. В конечном счете это и упирается в вопрос о том, умеем ли мы определить словообразовательное значение и предсказать его появление в случае применения определенной формальной операции к определенному источнику мотивации.

Исследователей словообразовательных отношений долго интересовал вопрос, что заставляет считать единицы, связанные отношениями этого типа, семантически родственными, близкими и что позволяет рассматривать одну из них как семантически обусловленную другой. Теория мотивации должна была выдвинуть свое объяснение общих причин семантической обусловленности одного знака другим и очертить возможные границы этой обусловленности. С ономастологической точки зрения эта проблема выступает в несколько ином ракурсе: что следует сделать с исходным знаком, чтобы он мог выразить новое необходимое значение и какой исходный знак следует для этого предпочесть, какую формальную операцию надлежит

32

См.: *Chomsky N. Remarks on nominalization; Kastovsky D. Word-formation, or: at the crossroads of morphology, syntax, semantics, and the lexicon. — Folia Linguistica. Den Haag, 1977, v. X, N 1/2.*

при этом использовать и т.п. Если же нас интересуют способы и средства выражения новых значений, мы по необходимости придем к ответу на поставленные вопросы, проанализировав не только то, что сближает производное и производящее, но и что их различает.

Еще в 1934 г. Б.А. Ларин писал: "Слова *торговец, служащий* можно заменить выражениями: "тот, кто торгует, кто служит", вместо *хвостизм* — "склонность оставаться в хвосте", вместо *мошеничество* — "проделки мошенников", слово *пожарище* равносильно сочетанию "место (недавнего) пожара" и т.д. Эти замены, конечно, не всегда удобны, довольно мало употребительны, но и они имеют ценность в тех случаях, когда нужно максимально уточнить и расчленить выражение мысли"³³. Как логически следует из этого, производные слова могут быть противопоставлены соответствующим оборотам по степени расчлененности описываемой ситуации, а также полноте или точности ее описания. Вопросы о том, каковы подобные различия и насколько полно могут передавать производные связанные с ними значения, до какого предела может доходить степень нерасчлененности значений и т.п., еще специально не исследовались.

Интуитивно ощущаемое отличие между, казалось бы, синонимичными единицами номинации разной структуры, в частности между синтаксической конструкцией и производным словом, отмечали и другие лингвисты³⁴, но специальным предметом лингвистического анализа это отличие, как будто, еще не являлось. Перед тем, как посвятить рассмотрению этого вопроса следующую главу, остановимся на методике семантического анализа, применяемого с этой целью.

Итак, нашей задачей является анализ "претерпеваний" исходной единицы в процессе синтеза производного слова и вопрос о том, как и что именно меняется в исходной единице в процессе преобразования одной единицы в другую. Процедура такого анализа связана для нас, естественно, уже не с сопоставлением производного слова с родственным ему по корню и более простым по структуре словом, засвидетельствованным с ним одновременно, и даже не с методом замены производного его перифразой, стандартной для всех производных одного типа. Взамен этих приемов мы прибегаем к спосо-

³³ См.: Ларин Б.А. Словообразование. — Литературная учеба. Л., 1934, № 3, с. 100.

³⁴ Ср.: Крылов Н.А. О некоторых вопросах морфематики. — Учен. зап. МПТИ им. В.И. Ленина, № 353, 1970, с. 31; Немченко В.Н. Словообразовательная структура имен прилагательных в современном русском языке. Горький, 1973, с. 120; Степанова М.Д. К вопросу семантических корреляций синтаксических и словообразовательных структур. — В кн.: Предмет и методы синтаксической семантики. М., 1977, с. 140.

тавлению производного слова с его дефиницией. Это равносильно включению производного в такую диагностическую рамку, которая описывается формулой "X называется Y" или "X есть Y", где X – производное слово, а Y – его описательно-классифицирующая дефиниция³⁵, содержащая в качестве своей обязательной части непосредственно мотивирующее слово, и которая сама называется мотивирующим суждением (или мотивирующим высказыванием).

Поскольку дефиниция определяется как описательно-классифицирующая, она должна содержать слово-идентификатор, указывающий в классе существительных на его родовую принадлежность (в смысле установления родо-видовых отношений между предметом, обозначенным мотивирующим словом, и предметом, обозначаемым мотивированным знаком), а в классе признаков слов (глаголов и прилагательных) – на их принадлежность к тому или иному семантическому разряду слов.

Предлагаемая процедура анализа семантики производного слова представляет собой такой прием ее описания, при котором все значения данного слова отражаются в эксплицитном виде. Отсылочной и формирующей частям производного ставятся в соответствие не элементарные морфемные единицы, но единицы, имеющие в языке самостоятельный статус существования в виде отдельного слова. Помимо них, при необходимости дефиниция дополняется теми модификаторами или квантификаторами, которые имплицитно употребляются данным словом, ср. *комковатый* ' [изобилующий] комками' или 'содержащий [много] комков' (здесь и далее в квадратные скобки заключены те части дефиниции, которые не имеют прямого соответствия в морфологической структуре деривата).

Целью сопоставления является выведение корреляции между поверхностной структурой деривата с отдельными ее компонентами и автономными частями дефиниции как определенными совокупностями семантических признаков или отдельным семантическим признаком. Корреляции, устанавливаемые для однотипных производных, подлежат далее сравнению для того, чтобы установить, какие из значений, приписываемых данным производным, повторяются постоянно, а какие – нет, какие из этих значений находят регулярное отражение в морфологической структуре производных, а какие – не нахо-

35

Иногда эти типы дефиниции различаются и противопоставляются (см., например: *Шубин Э.П.* Указ. соч., с. 18). Нам, однако, важно совмещение указания на класс обозначаемого и идентифицирующий его признак. Подобная дефиниция в целом соответствует тому, что А.А.Потебня называл "ближайшим" значением слова и не может считаться поэтому энциклопедической, т.е. отражающей специальные и научные знания о предмете. См. подробнее: *Стапанов Ю.С.* Номинация, семантика, семиология (Виды семантических определений в современной лексикологии). В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 308.

дят, какие из значений постоянно связываются со значениями непосредственно мотивирующего слова и т.д.

Можно полагать, что сопоставляя производное слово с его полным семантическим описанием, а также обобщая результаты исследования производных одного формального типа, а далее — и всех словообразовательных моделей, засвидетельствованных в данном языке, мы можем прийти к новым выводам относительно строения смысловой структуры производного слова как структуры, характеризующейся особыми способами сохранения исходной информации об обозначаемом в свернутом, редуцированном и потому имплицитном виде, — структуры, служащей семантической компрессии, и главное, интеграции тех значений, которые приписывались обозначаемому в момент его наречения. Очевидно, что интересной проблемой оказывается при таком подходе проблема моделирования скрытых значений³⁶.

В терминах одного из направлений генеративной грамматики и генеративной семантики такой подход означал бы, что дефиниция производного — это его глубинная семантическая структура, содержащая в эксплицитном виде всю информацию, манифестируемую на поверхности при использовании деривата в составе высказывания. Однако запись этой информации для нас вполне обычна, т.е. ее метаязыком служит естественное высказывание. Поэтому мы полагаем, что дефиниция производного — такая структура, синтаксическое строение которой и заполнившие ее лексические единицы обеспечивают правильное семантическое "прочтение" деривата, т.е. его нормальное понимание. Мы также не вступаем в полемику о том, как происходит порождение (синтез) производного слова — путем перехода от моделируемой синтаксической структуры с последующим заполнением ее лексическими единицами и семантической интерпретацией целого, или же путем перехода от заданных единиц смысла к их постепенной объективации теми или иными лингвистическими единицами и путем постепенной "сборки" отдельных атомарных смыслов в иерархически упорядоченные целостные единицы, хотя именно этот второй путь кажется нам более соответствующим действительному положению дел. Мы берем дефиницию в том виде, в каком может быть представлено простейшее суждение об обозначаемом и в каком это суждение отражает знание обычного говорящего/слушающего о называемом предмете.

³⁶ Ср.: Кубрякова Е.С. Части речи в ономастологическом освещении. М. "Наука", 1978, с. 88; Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление, с. 78; Мельников Г.П. Скрытая смысловая деривация с позиций системной лингвистики. — В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке, с. 64-66; Мурзин Л.Н. Компрессия и семантика языка. — В кн.: Семантика и производство лингвистических единиц. Пермь, 1979.

Двойственная суть такой дефиниции слова заключается в том, что отдельные зафиксированные в ней единицы продолжают свое существование в том же виде и тогда, когда сумма их значений уже упорядочена и организована в новое обозначение.оборот *специалист по ядерной физике* может быть использован в качестве единицы номинации и после того, как совокупность связанных с ним значений передана специальным словом *ядерщик*. Диалектическое противоречие дефиниции состоит в том, что, с одной стороны, она может и должна рассматриваться как обычное лексикографическое средство фиксации значений данного слова (ср. замечание А.И. Смирницкого о том, что "лексическое" и значит "словарное"³⁷), с другой стороны, эти дефиниции могут рассматриваться и как источник мотивации в том смысле, что говорящий, выразив первоначально свое знание о предмете в виде суждения о нем, счел далее нецелесообразным пользоваться при референции к предмету столь неудобной и громоздкой в этих целях единицей номинации, как предложение. Ведь в том случае, когда суждение выносится об отдельной реалии, об отдельно наблюдаемом явлении и процессе, когда оно отнесено к предмету или явлению, постоянно встречающемуся в практике данного коллектива, когда в нем отражена часть знаний этого коллектива, отражающая его повседневный опыт и т.д., возникает необходимость заменить развернутое суждение о предмете его кратким и емким обозначением.

Таким образом, в качестве источника мотивации семантическая дефиниция может рассматриваться и потому, что создание производного слова и его принятие обществом косвенно свидетельствуют о том, что некий комплекс значений, который может быть, конечно, выражен и расчлененным способом, нуждается в специальном наименовании из-за константности и постоянной повторяемости данного комплекса в неизменном виде, т.е. в силу его важности для говорящих на данном языке или отнесенности к отдельной реалии.

Необходимость в отдельном "термине" для отражения определенной совокупности знаний, восприятие этой совокупности как отдельной и целостной — это важнейший стимул в словообразовании, приводящий в действие те или иные механизмы номинации и ведущий к преобразованию суждения в имя. Связывание двух этих разных по своей структуре единиц номинации представляется поэтому вполне правомерным. Вместе с тем сближение этих единиц не означает, что мы пренебрегаем их различиями.

Рассмотрение семантических дефиниций производных слов вместе с их партнерами показывает, что здесь могут быть противопоставлены разные случаи:

1) когда расчлененности значения в дефиниции соответствует морфологическая членимость деривата и когда все представленные

³⁷ См.: Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 15.

в дефиниции части коррелятивны частям производного (ср. *дом-ик* 'маленький дом', *худож-ница* 'женщина-художник', *стар-еть* 'становиться старым' и пр.);

2) когда в дефиниции производного фиксируются значения, не находящие соответствия в морфологической структуре деривата (ср. *мятежник* 'тот, кто [участвует] в мятеже', *школьник* 'тот, кто [учится] в школе', *чайник* 'сосуд для [заварки] чая' и пр.).

В последнем случае целесообразно разграничивать две его возможные разновидности: невыраженность значения, с одной стороны, и его невыводимость – с другой. Производные с невыраженными значениями принадлежат к группе лексикализованных, производные с невыводимыми значениями – к группе идиоматичных или фразеологизированных.

В случае лексикализации появление нового значения возникает по формуле: "предсказуемое данной словообразовательной моделью значение + уточнитель этого значения", ср. *проходная* 'место прохода [людей в учреждение]' или *спальня* 'место, где спят [люди в квартире]', или формуле, предполагающей замещение фиксируемого моделью абстрактного значения его конкретизатором (ср. *школьник* 'тот, кто имеет отношение к школе') при естественной замене смысла "иметь отношение" на смысл "учиться" (ср. также *барабанщик* 'тот, кто связан с барабаном') при конкретизации этой связи как объектной: на барабанах играют.

В случае фразеологизации такая замена абстрактного смысла, диктуемого моделью, конкретным – непредсказуема. Так, *подберезовик*, конечно, предмет, находящийся под березой, но почему этот предмет отождествляется с грибом, до акта наречения представляется необязательным.

Сами термины "лексикализация" или "фразеологизация", возможно, условны³⁸, но указанное разграничение кажется нам необходимым. Оба явления чрезвычайно типичны для актов словообразования, и они маркируют самые распространенные производные слова.

"Значение слова фразеологично, – пишет, например, О.П. Ермакова, – если оно не равно простому соединению значений морфем, образующих его"³⁹. Однако, подобное неравенство может быть следствием разных причин, и типы неравенств лучше, по возможности, различать.

Так, многие названия производителей действия могут быть отнесены только к лицам, производящим эти действия профессионально – *свинопас* – это не просто 'тот, кто пасет свиней', а тот, для кого это занятие является постоянным или профессиональным. Это значе-

³⁸ Ср.: Земская Е.А., Кубрякова Е.О. Проблемы словообразования на современном этапе. – ВЯ, 1978, № 6, с. 117–118.

³⁹ См.: Ермакова О.П. Идиоматичность семантики и членимость слова. ÷ АПРС, 2, с. 105.

ние не выражено прямо, оно лишь подразумевается, но оно характеризует обычно модель в целом, и именно это приращение значений мы называем лексикализацией⁴⁰. Невыраженные значения обычно легко восстанавливаются говорящими и составляют, как правило, принадлежность данной словообразовательной модели. Это заставляет предполагать, что невыраженность значения моделируется: строение модели и ее состав подсказывают, какие значения здесь подразумеваются.

В значениях производных на *-ник* не выражено значение производимого действия: *школьник* – 'тот, кто учится в школе', а *мясник* – 'тот, кто рубит или продает мясо'; в словах на *-тель* не выражено значение объекта, на который направлено действие, ср. *водитель*, *выключатель*⁴¹. Знание исходного слова, а главное, стоящего за ним фрагмента действительности, обеспечивает понимание этих невыраженных значений, а следовательно, и возможность их устранения из источника деривации в момент создания соответствующего производного слова, а, значит, естественность семантической компрессии.

В отличие от этого понятие фразеологизованных производных может быть отнесено к тем из них, общее значение которых невозможно предсказать по значению составных частей и формуле их соединения: конечно, и здесь мы имеем дело с невыраженными значениями, однако достигается эта невыраженность не за счет легко подразумеваемого понятия, устраненного из источника мотивации, а, по-видимому, за счет качественного преобразования всей исходной единицы интегрированием ее частей.

В структуре слова *песчанка* не содержится никакого другого указания, кроме указания на предмет, каким-то образом ассоциирующийся с песком, но то, что этот предмет в одном случае оказывается птицей с оперением цвета песка (куликом), в другом – грызуном, водящимся в песчаных степях, а в третьем – морской рыбой на песчаном грунте, непредсказуемо и ярко отражает фразеологичный характер указанных обозначений⁴².

Таким образом, обращение к семантическим дефинициям производных помогает понять неоднородность их семантических структур и разные типы соответствия или же несоответствия этих структур формальной организации производного. В ходе сравнения отчетливо

⁴⁰ См.: Милославский И.С. О регулярном приращении значения при словообразовании. – ВЯ, 1975, № 6, с. 65 и сл., Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики..., с. 17.

⁴¹ Ср.: Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973, с. 247.

⁴² Ср.: Милославский И.Г. Производное слово как фразеологическая единица. – В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., "Наука", 1978, с. 46.

определяется способность производного являться названием со скрытыми семантическими компонентами, с невыраженными значениями. Вопрос, который возникает в связи с этим, можно сформулировать следующим образом: как узнает говорящий эти невыраженные значения, как угадывает их слушающий – так же, как значения простых, немотивированных знаков, запоминая их? Если бы ответы на эти вопросы были однозначны и понимание производного слова было бы аналогичным пониманию непродвиженных слов (т.е. в том, и другом случае говорящий должен был бы знать значение слова до его употребления), рубеж между классами этих знаков не был бы столь резким. Но тогда говорящий вынужден был бы помнить значения многих и многих сотен слов безотносительно к их связям друг с другом и знать как бы отдельные названия для всего того, что окружает его. Однако способность человека к запоминанию знаков (storage capacity) не безгранична⁴³, безгранична лишь его способность строить новые знаки на основе старых.

Поскольку в словообразовании, понимаемом в его процессуальном аспекте, новые значения возникают на базе имеющихся, мы должны в ходе его исследования уметь определить точно: 1) какие значения источника мотивации сохраняются производным; 2) какие устраняются и могут быть устраненными без нарушения естественности и легкости процесса коммуникации; 3) какие значения возникают как новые. Единственно возможным ответом на этот последний вопрос может быть положение о том, что если в одних случаях в словообразовании (как, наверное, и на всех других уровнях строения языка) мы имеем дело со сложением знаков и с возникновением новых значений по аддитивному принципу (т.е. суммированием значений), то в других случаях мы столь же очевидно имеем дело с качественным скачком, наблюдаемым тогда, когда новые значения появляются в результате взаимодействия сочетающихся смыслов вплоть до достижения этим путем интегративного целого. О таких различных трансформаций, преобразований в буквальном смысле слова, и формаций, простых расширений исходных знаков путем их соединения с другими знаками, хорошо известно и в области синтаксиса⁴⁴.

Идеи о том, что в языке широко представлены правила "сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы" развивались в советском языкознании весьма плодотворно еще со времен Л.В. Щербы⁴⁵. Положение о том, что и слово не представляет собой

⁴³ Ср., *Voas Y.U.* Указ. соч., с. 7 и сл.

⁴⁴ См.: *Влох М.Я.* Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале английского языка). Докт. дис. М., 1976, с. 131.

⁴⁵ См.: *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. – В кн.: *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974; *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, с. 230; *Кацнельсон С.Д.* Порождающая грамматика и процесс синтаксической деривации. – В кн.: *Progress in Linguistics.* The Hague, 1970, с. 112–113.

простого сложения составляющих его частей и что оно в этом смысле изоморфно другим лингвистическим единицам⁴⁶, каждая из которых представляет собой по отношению к единицам нижележащего уровня интегративное целое⁴⁷, распространяется, конечно, и на производное слово. Процесс возникновения новых смыслов и фразеологизации единицы здесь наблюдается с особенной очевидностью. Интересно рассмотреть более подробно, что отличает единицы номинации разной структуры и какими типами значений знаменуется производное слово как противопоставленное синтаксической конструкции.

Если бы в языке наблюдались только процессы непосредственной мотивации одного знака другим, словообразование носило бы по преимуществу характер сложения смыслов и среди производных явно преобладали бы простые формации. Поскольку, как мы пытались показать выше, в языке вполне реально представлены и другие процессы, обуславливающие мотивацию знака совокупностью знаков в мотивирующем суждении или другой синтаксической конструкции⁴⁸, среди производных огромную их массу составляют единицы трансформационного порядка, существенно преобразующие свой источник. Процессы универбации, стяжения в одно слово мотивировавшей конструкции, превращения знака-сообщения в знак-наименования, сос-

⁴⁶ Ср.: *Панов М.В.* О слове как единице языка. - Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина, т. 51. М., 1956, с. 146; *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., "Наука", 1974, с. 79; *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения. - В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971, с. 7.

⁴⁷ См.: *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа. - В кн.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 133; *Звегинцев В.А.* Указ. соч., с. 116; ср. также: *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 48-53; *Милославский И.Г.* Производное слово как фразеологическая единица, с. 44-46.

⁴⁸ Ср. также описание сходных процессов: *Мильшин П.К.* В.И. Ленин о процессе наименования. - В кн.: Вопросы русского языка и стиля. Пятигорск, 1975; *Малева М.О.* Словообразовательный аспект исследования роли вербального контекста и его типология. - В кн.: Вопросы лексикологии современного русского языка. Орел, 1974; *Сахарный Л.В.* Структура слова-универба и контекст. - В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке, с. 29; *Кубрякова Е.С.* Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта. - Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза, 1976, вып. 103; *Карачук П.М.* Словообразование английского языка. М., "Высшая школа", 1977, с. 262; *Яценецкая М.Н.* Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 210 и др.

твляют поэтому важнейшую часть номинативной деятельности человека на уровне слова.

Цель таких процессов – сохранить старый опыт и связать его с новым, донести в сжатом, компрессированном виде, но вместе с тем и в достаточно прозрачной форме, необходимую по тем или иным соображениям информацию. Таким образом, мы полагаем, что сравнение семантической структуры производного и его дефиниции помогает хотя бы отчасти восстановить акты наречения, которым предшествует полусознательная, полубессознательная работа ума по наблюдению за обозначаемым и вынесению суждения о его отличительных признаках и общей категоризации⁴⁹. В какой-то мере можно представить, что производное слово фиксирует и объективизирует в особой лингвистической форме суждение о предмете, которое – по завершению словообразовательного акта – остается в языке в виде уже становящегося индивидуальным значения, связываемого именно с данным словом.

Устанавливая типы семантических корреляций между производными и производящими в широком понимании этого термина, мы, следуя описанной процедуре, выявляем прежде всего регулярные и закономерные соответствия между элементами исходной пропозиции, элементами результитивной морфологической структуры и ее отдельными значениями (значением). Так мы приходим к своеобразным "правилам переписи", перекодирования единиц одного уровня в другие; эти re-writing rules и составляют основу правил словообразования.

Определяя типы корреляций, обобщая наблюдения за ними, мы приходим и к выводам о том, какое значение может рассматриваться в качестве словообразовательного. Изучение различий в семантике единиц номинации, относящихся в целом к одним и тем же денотатам, имеет поэтому важное значение не только для семантического анализа самих этих единиц, но и для установления нового типа языкового значения.

Представляется, что именно при таком подходе с наибольшей очевидностью раскрывается главная "тайна" производного слова: его способность к выражению естественно подразумеваемых, "намекаемых" значений, его способность передать в краткой и емкой форме моделируемого типа определенным образом структурированное и организованное значение. Каркасом его, остовом, на основе которого формируются все прочие значения производного, является словообразовательное значение. Предпосылки его выделения выявляются уже при тщательном сличении производного с его семантической дефиницией, или (что в известной мере одно и то же) при сопоставлении развернутых синтаксических конструкций и производных, служащих целям номинации одного и того же денотата. Перейдем к рассмотрению этих единиц.

⁴⁹ См.: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 141.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕДИНИЦ НОМИНАЦИИ РАЗНЫХ СТРУКТУР И ПРЕДПОСЫЛКИ УСТАНОВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ПРОИЗВОДНОМ СЛОВЕ

На определенном уровне абстракции производное слово и его дефиниция могут рассматриваться как семантически тождественные единицы. Несомненно, что как единицы номинации они отнюдь не эквивалентны. Никому не придет в голову заменять удобные названия обиходных предметов их развернутыми дефинициями в живой речи. Этот лингвистический парадокс ощущается в еще большей мере, если признавать, что в принципе разные по своей структуре формы сигнализируют о разных значениях¹. Таким образом, тождество семантики единиц номинации разных структур констатируется весьма условно, и значение одной единицы характеризуется через значение других единиц прежде всего с объяснительной целью. В лингвистическом же анализе таких единиц существенно определить не только то, что их сближает, но и то, что их различает.

В словообразовании эта задача преломляется в виде вопроса о том, что характеризует связи единиц, объединяемых отношениями словообразовательной производности, или шире — источник деривации и его результат. В более ранних исследованиях по словообразованию этот вопрос решался прежде всего за счет установления критериев, позволяющих отличить сложное слово от словосочетания, с одной стороны, и от простого слова — с другой, или найти границы между сложным словом и фразеологической единицей. Не останавливаясь на перечислении этих критериев, мы рассмотрим лишь те из них, которые позволяют увидеть семантические особенности единиц номинации разной структуры и тем самым подойти к выявлению специфики производного слова в тех аспектах его организации, которые до сих пор еще не получали в нашей работе специального освещения.

По-видимому, наиболее типичной чертой сложного слова в его отличии от соответствующего ему синтаксического оборота является то, что синтаксические отношения в композите устранены и показатели этих отношений изъяты². Нем. *Papierkorb* может быть вследствие этого интерпретировано и как *Korb für Papier*, и как *Korb aus Papier*, и как *Korb mit Papier* 'корзинка для бумаг, из бумаги или

¹ Ср.: например, высказывания по этому поводу В. Чейфа в кн.: *Discussing language*. Ed. by H. Parret. The Hague-Paris, 1974, p. 23.

² Ср., например: *Brinkmann H. Zie Zusammensetzung im Deutschen. — Sprachforum, 1957, H. 3/4.*

же с бумагой'³. Синтаксический оборот точен и однозначен, сложное слово – неопределенно в своем значении. Проигрывая в точности обозначения, сложное слово выигрывает одновременно в степени обобщенности и развивает тем самым способность покрывать более широкий и более разнообразный круг значений. Оно отходит от обозначения конкретной связи между предметами, зато приобретает возможность отразить наличие связи как таковой, без ее спецификации.

Фактически *Papierkorb* может обрести в тексте любое из указанных значений, хотя в словаре за ним закрепляется значение 'мусорная корзина для бумаг', из чего следует, что первоначальная мотивация была связана с закреплением одного из возможных отношений, отношением "для". Итак, при образовании сложного слова на синтаксической основе примыкание двух полнозначных компонентов друг к другу (иногда при помощи соединительного элемента, интерфейкса, выражающего идею соединения⁴) становится средством неконкретизированного указания на их связь.

Объясняя внутренний смысл замены синтаксического целого производным или сложным словом, Э. Бенвенист подчеркивал, что это делает возможным "употреблять целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения"⁵. Такой тип преобразования характеризуется с формально-семантической точки зрения тем, что "предикация переходит в латентное состояние"⁶.

Единственным способом маркирования таких латентных предикатов становится само построение словообразовательной модели. Так, в английском языке морфологическая структура, строящаяся путем сочетания основы прилагательного с основой существительного и суф. -ed, служит выражению отношений принадлежности и обладания сложным признаком; ср. *blue-eyed* 'голубоглазый', *two-storeyed* 'двухэтажный'. Морфологическая же структура, строящаяся путем соединения основы существительного с глагольной основой и суф.

³ См.: *Coseriu E. Inhaltliche Wortbildungslehre. (am Beispiel des Typs "coupe-papier")*. – In: *Perspektiven der Wortbildungsforschung*. Bonn, 1977, S. 50–51.

⁴ Ср.: *Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии*. М., 1959, с. 108–109; *Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика*. М., 1976, с. 14–15.

⁵ *Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения*. – В кн.: *Бенвенист Э. Общая лингвистика*. М., 1974, с. 256. Еще раньше об этом писал Г. Суит, что комментирует О. Есперсен. См., *Есперсен О. Философия грамматики*. М., 1958, с. 153–154.

⁶ *Бенвенист Э. Указ. соч.*, с. 255; *Отепанов Ю.С. Современные связи лингвистики и логики*. – ВЯ, 1973, № 4, с. 67–68.

-ed, фиксирует иной, инструментальный тип отношений: ср. hand-embroidered 'вышитый руками', sun-burned 'выжженный солнцем' и пр. Связи, обозначенные в источнике мотивации по-разному (ср. with blue eyes 'с голубыми глазами', но burned by sun 'выжжено солнцем'), здесь одинаково обозначены примыканием полнозначных основ, последняя из которых оформляется суф. -ed, так что разные значения этих моделей могут быть соотношены только с различием их полнозначных компонентов, т.е. за счет противопоставления основ разного типа. Этот и подобные факты ясно свидетельствуют о том, что различие морфологических структур значаще и что полное "прочтение" сложного слова связано с обращением к его морфологической структуре, которая моделирует не только формально выраженные, но и формально не выраженные значения.

Сложное слово всегда постулирует наличие связи между обозначенными сущностями (вернее, как всегда в языке, между стоящими за этими обозначениями объектами действительности), а о характере связи судят, опираясь на знание естественной логики вещей. Сложное слово как особая единица номинации свидетельствует прежде всего о том, что достаточно говорящему назвать два связанных между собой объекта, чтобы слушающий мог самостоятельно угадать тот тип связи, который и имел в виду говорящий. В этом смысле сложное слово служит не столько называнию связи, сколько возбуждению представления о ее существовании.

Конкретизация связи, имеющая место при номинации развернутым синтаксическим целым, в словосложении уступает место простой фиксации ее существования между называемыми объектами, поэтому узнавание ее характера проявляет сложную зависимость от тесного переплетения лингвистического и экстралингвистического опыта человека. Оно обуславливается как знанием мира реальных, так и знанием семантического образа данной модели, создаваемого определенной морфологической структурой. Человек легко устанавливает разные типы отношений в словах *бомбоубежище* и *овощехранилище*, ибо он знает, убежище служит защитой от бомб, а хранилище — помещением для хранения чего-либо.

Семантические образы моделей, включающих разные компоненты, оказываются, естественно, не тождественными: так, сложные слова, включающие второй глагольный компонент, позволяют более простое восстановление предиката исходной конструкции, а значит, и более легкое прочтение модели. Ср. *свинопас* 'тот, кто пасет свиней' или *трубочист* 'тот, кто чистит трубы' или *зверолов* 'тот, кто ловит зверей', точно так же в англ. car-driver 'one who drives a car' или shoe-maker 'one, who makes shoes' и т.д.

Латентная предикация и здесь, конечно, отлична от той актуальной, которая наблюдается в исходном синтаксическом обороте, но ее характер очевиден, поскольку полной форме глагола в мотивирующем суждении в структуре деривата соответствует глагольная

основа от того же корня⁷. Отсылочная часть сложного слова формируется как за счет этой глагольной основы как представителя предиката исходной единицы, так и за счет отнесенной к ней второй полнозначной основы, которая при помещении ее в препозицию оказывается представителем прямого дополнения исходной единицы (в рассматриваемых выше случаях — представителем объекта действия). Интересно, что объект действия, как и любой другой показатель ролевой структуры слова в высказывании, попадающий в первую позицию, в сложных словах русского и английского языков, воспринимается в широком смысле этого термина как признак (модификатор, уточнитель) совершаемого действия.

Омонимия сложных слов типа *газород* легко снимается благодаря тому, что возможные отношения между данным глаголом и определенным приписываемым ему признакам хотя и могут быть разнообразными, на самом деле не безграничны: так, *газород* может быть "ходом для газа", может быть средством передвижения с помощью газа, но вряд ли чем-нибудь еще, так что, взятое изолированно, оно понимается либо по аналогии со словом *парород*, либо по аналогии со словом *дымород*.

Поскольку предикат исходной конструкции совершенно ясен, степень мотивированности подобных сложных слов очень высока, и это можно объяснить как особой релевантностью предикатов при обозначении типа связей между предметами, близостью ономастического базиса (опорного слова композита) к позиции главного члена предложения мотивирующего суждения, так, разумеется, и наличием в морфологической структуре сложного слова эксплицитно оформленных базиса и признака.

Интересно отметить, что появление сложных слов указанного типа отнюдь не препятствует параллельному использованию равнозначного мотивировавшего его оборота, и они нередко встречаются в одном и том же контексте, ср.: ... my mother, Alma Sophia, was a true hausfrau. She moved the furniture a lot ... To this day, if she catches me moving furniture (I am an inveterate furniture mover myself), she will scold me ... (A.E. Hotchner. Doris Day, Her own story. N.Y., 1976, с.11) "моя мать... была настоящей домашней хозяйкой. Она постоянно передвигала мебель ... Но до сегодняшнего дня, если она ловит меня на том, что я передвигаю мебель (а я сама — закоренелый передвигальщик мебели), она бранит меня".

Ср. также The Russians drink tea and they'd surpass those coffee-drinking Turks long ago, if the tea-drinking English hadn't kept

⁷ Это побуждает рассматривать синтаксическую конструкцию и сложное слово как разные трансформации одной "глубинной" единицы, ср. Kürschner W. Zur syntaktischen Beschreibung Deutscher Nominalkomposita. Tübingen, Niemeyer, 1974.

'em from it (W.D. Howells. A modern instance. N.Y., 1964, с. 103)

русские пьют чай, и они давно превзошли бы в этом кофе-пьющих турок, если бы только не чае-пьющие англичане⁸; где то же значение можно было бы передать в начале предложения так, как оно передано в его конце, т.е. The Russians are tea-drinkers или The Russian adore tea-drinking⁸.

В сложениях именного типа более четко выражен признаковый характер первого компонента композита, зато менее ясны типы связи между первым и вторым компонентом. Имеется ли в виду сочинительная связь двух объектов или же связь подчинительная, сказать иногда трудно. В английском сложном слове a girl-friend фиксируются отношения тождества: the girl is at the same time a friend, или The friend is at the same time a girl; в сущности, однако, родо-видовые отношения при этих разных объяснениях не совсем совпадают: в одном случае из класса друзей выбирается тот, который оказывается особой женского пола, в другом — из класса лиц женского рода выбирается та, которая одновременно является другом. Ср. рус. *зубробизон*, а также перевертыши типа *блюболлиз* и *лизоблюд*. Англ. *wolf-dog* может поэтому иметь два значения: 'собако-волк' или же 'собака, в чем-то похожая на волка', т.е. соответствовать выражению отношений двух разных типов: тождества или же сходства. В принципе, однако, и здесь *tertium non datur*.

Итак, сложные слова разных типов моделируются как семантические структуры, служащие расчлененному описанию обозначаемого предмета, процесса или явления, поскольку они эксплицитно указывают на класс предметов и его признак по отдельности, но указание на характер соотношения ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака может остаться невыраженным. Ср. также англ. *grass-green* 'зеленый как трава', букв. *травно-зеленый* или *ice-cold* 'холодный как лед', *ледяно-холодный* и пр.

Семантическим каркасом сложных слов, схемой их семантического строения, оказывается название двух величин, между которыми, благодаря их непосредственному соположению друг с другом, постулируется наличие определенной связи: каким конкретным образом происходит приписывание этого признака объекту остается неопределенным. Лишь в сложных словах с глагольным компонентом характер подобной связи вполне очевиден и получает свое обозначение. Предпосылки установления словообразовательного значения как особого значения, характерного для всех членов ряда, построенного по одной и той же модели, здесь коренятся, следовательно, в описании и анализе самих этих семанти-

⁸ Аналогичные примеры см.: *Поротиков В.И.* Сложные и сложнопроизводные существительные с глагольным элементом в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1974. См. также сн. 48, с. 60.

ческих схем⁹ и в интерпретации их с помощью особого мета-языка.

Отличие сложного слова от мотивирующего его суждения (или же от его семантической дефиниции) заключается прежде всего в ином способе отражения отношений предикации и переводе актуальной предикации в латентную. Если, несмотря на этот очевидный факт, сложное слово может передавать ту же информацию, что и синтаксический оборот, и реально передает ее, это может значить только одно: семантический образ модели включает представление о способе приписывания признака его носителю и маркирует четко позиции признака и того объекта, которому он приписывается. Так, в английском языке первая позиция в композите отводится для передачи ономаσιологического признака, а вторая — для выражения базиса, опорного ядра композита. Это предопределяет разные значения композитов типа *school-grammar* и *grammar-school*, *iron steel* и *steel-iron* и пр.; *drinking-water* по правилу прочтения этих моделей может означать только разновидность воды, т.е. питьевую воду, а *water-drinking* — только разновидность питья, т.е. питье, воды (ср. с приводимыми примерами *tea-drinking* 'чаепития', и *coffee-drinking* 'кофепития').

Способы разного отражения предикации предопределяют, следовательно, неравнозначность композита и соответствующего ему суждения. Все это, конечно, подкрепляется и поддерживается и разными приемами оформления знаков в сравниваемых конструкциях. В синтаксическом целом знаки грамматически оформлены в соответствии с морфологическими правилами данного языка, в сложном слове морфологические показатели синтаксических отношений устранились. Устраняются нередко и, казалось бы, значащие морфемы: ср. сложные слова, обнаруженные на нескольких страницах одной и той же книги — *the heavy redfigured drapes* 'тяжелые занавески с красными фигурками' (мн. число *figures*); *the regular trial-watchers* 'те, кто регулярно следят за судебными процессами' (мн. число *trials*); *red-chequered tables* 'столы, покрытые материей в красную клетку' (мн. число — *chequers*), а *thick-shouldered man* 'широкочелый мужчина', т.е. 'с широкими плечами' (мн.

⁹ Отмечая недостаточную разработанность принципов выявления словообразовательных значений сложных слов, некоторые исследователи приходят к выводу о том, что "для выявления словообразовательного значения сложного слова необходим учет не только частеречевой характеристики и семантики сочетающихся компонентов, но также и их структурной характеристики... необходим также учет смысловых отношений между первыми и вторыми компонентами сложных существительных" (Пунченко В.В., Коржева Н.П. К вопросу о словообразовательном значении сложных слов в английском языке. — В кн.: Лексикология и стилистика английского языка. Пятигорск, 1976, с. 77, 82).

число shoulders) и пр. (см.: Ross Macdonald. The chill. London, 1974, p. 5, 7).

При сравнении таких единиц лучше, по-видимому, говорить не столько о разных способах представления "одного и того же"¹⁰, сколько об объективных различиях описываемого в изображении одной ситуации, поскольку на деле внимание говорящего привлекается к разным деталям такой ситуации, да и степень детализации и точность описания здесь явно не одинаковы.

В 1966 г. У. Вайрайх¹¹, а в 1970 г. М. Бирвиш¹², формулируя главный тезис будущей генеративной семантики, подчеркнули, что "внутренняя организация семантической структуры лексических единиц в принципе тождественна той, которая наблюдается у синонимичного ей синтаксического оборота"¹³, точнее, предложения¹⁴. Если отвлечься от того, что можно считать синтаксическим оборотом, синонимичным слову, и как его правильно определить (в качестве комбинаторики элементарных смыслов, организованных в синтаксическое целое, по всей видимости), представляется, что это положение хорошо согласуется с тем, что можно сказать о внутренней организации сложного слова с одной существенной оговоркой. Она касается того, что если в синтаксическом целом все смыслы выражены эксплицитно, а их отношение к другим смыслам выявлено в очевидной форме, внутренняя организация

¹⁰ См.: Павлов В.М. Субстантивное словосложение в немецком языке. Автореф. докт. дис. Л., 1973, с. 27, 32; а также: Pavlov V.M. Die substantivische Zusammensetzung im Deutschen als syntaktisches Problem. München, 1972, где примеры параллельного использования сложного слова и коррелятивного ему синтаксического оборота используются для доказательства неидиоматичности многих сложных слов и исследования таких приемов "организации контекста, благодаря которым достигается, либо находит недвусмысленное внешнее выражение актуализация аналитической стороны композитных образований". Очевидно, что в контекстах этого типа развертывание структуры сложного слова происходит в целях эксплицитной демонстрации отношений между членами композита или, напротив, как прием резюмирования сообщаемого в аналитической форме последующим сложным словом.

¹¹ См.: Weinreich U. Explorations in semantic theory. — In: Current trends in linguistics, 3. The Hague, 1966.

¹² См.: Bierwisch M. Fehler-Linguistik. — Linguistic Inquiry, 1970, N 1.

¹³ Там же, с. 404.

¹⁴ Weinreich U. Op. cit., p. 446; ср. также: Kastovsky D. Wordformation, or: at the crossroads of morphology, syntax, semantics, and the lexicon. — Folia Linguistica, 1977, v. 10, N 1/2, p. 3.

сложного слова как такового держится за счет скрытых семантических компонентов. Говорящему они понятны, с одной стороны, из-за знания отношений в экстралингвистическом мире, благодаря чему он может легко "реконструировать" при необходимости пропущенные семантические звенья деривации. С другой стороны, он не раз встречал отражение тех же типов отношений в определенной словообразовательной модели и, значит, догадывается о содержании данного слова по принципу *pattern congruity*. Наконец, лингвистические знания обеспечивают и еще одну возможность.

Знание общего значения модели всегда подкреплено экстралингвистическими и лингвистическими знаниями об исходном слове или словах, благодаря чему подсказывается и их естественное окружение. Так, значение слова типа нем. *Holzdiebstahl* разъясняется оборотом *Diebstahl von Holz aus dem Wald* 'кража дров из леса', что подсказывается самой ассоциацией слов *Holz* и *Wald*. В синонимичном сложному слову обороте значение *aus dem Wald* относится к числу явно выраженных; в структуре сложного слова оно принадлежит к числу "приращенных", скрытых, "пропущенных" звеньев деривации.

Итак, с одной стороны, сложное слово оказывается носителем скрытых значения, с другой — они угадываются и связываются непосредственно со строением и морфологической структурой этого слова, с семантической схемой его организации. Очевидно, что эти два аспекта внутренней организации семантики сложного слова коррелированы. Скрытые семы обнаруживаются здесь потому, что они составляют неотъемлемую часть модели.

В словах типа *очеркист, фельетонист, гитарист, виолончелист, танкист* семантическая схема производного держится на назывании действующего лица суф. *-ист* и объекта его действия производящей основой. Скрытым значением является указание на направление действия и на его конкретный характер. В целом значение модели может быть описано формулой: "тот, кто направляет определенное действие на ...". Но "направлять действие" на гитару — значит играть на ней, на фельетон — значит писать его, а на танк — водить его. Объяснение таких примеров ведет к выделению словообразовательного значения как значения, каким-то образом связанного с пониманием и установлением скрытых, или латентных, компонентов словообразовательной модели.

Аналогичные выводы можно сделать и при рассмотрении производных другого типа.

Уже просто организованное сложное слово демонстрирует, что внутри слова все служебные элементы исходной конструкции как бы "поглощены" и сняты, что внутренняя связь элементов достигается их соположением, в котором порядок следования компонентов значащ и т.д. Несмотря на наличие семантической компрессии, значение сложного слова обычно прозрачно из-за весомости полнозначных компонентов композита; и ономасиологический базис его, и ономасиологический признак передаются основами полнозначных слов.

Все перечисленные признаки сводятся до минимума в аббревиатурах и сложно-сокращенных наименованиях. Не только от служебных показателей не остается никаких следов, но и полнозначные элементы редуцируются до неузнаваемости, и следы, оставляемые ими, в производных рассматриваемого типа варьируются от инициальных слогов мотивирующих слов до его обозначения одной только заглавной буквой. Ср.: *США* и *Соединенные Штаты Америки*, *ФРГ* и *Федеративная Республика Германии*; *brunch* из *breakfast* и *lunch*, *Oxbridge* из *Oxford* и *Cambridge*; *комсомол*, *колхоз*, *физкультура* и т.п.

Сравнение таких образований с их источником приводит некоторых исследователей к выводу, что в силу полной семантической эквивалентности исходного несколькословного наименования и аббревиатуры отношений словообразовательной производности здесь постулировать нельзя: признак семантического сдвига как показатель отношений производности отсутствует¹⁵.

Мы думаем, однако, что семантический сдвиг имеется и здесь. При всем разнообразии типов аббревиатур, или сращений (*blends*) им всем присуще одно и то же свойство: переход от мотивированного наименования к демотивированному. Предельный случай демотивации демонстрируют единицы типа слова *лазер*, который используется говорящими по-английски и по-русски применительно к одному и тому же денотату, безотносительно к тому факту, что мы совсем не можем расшифровать *laser* как *light amplification by stimulating emission of radiation* и что многие англичане и американцы тоже, по-видимому, такой расшифровки не производят.

Можно сказать поэтому, что способ описания обозначаемого в этих случаях различен: развернутое несколькословное наименование дает точное представление о деталях и характеристиках обозначаемого; аббревиатура же воспринимается скорее как условный знак-заместитель этого наименования.

Семантическое противопоставление полного и сокращенного знаков может принимать разные формы, например, маркировать различие официальной и обыденной или разговорной речи, ср. англ. *doctor* 'доктор' и фамильярное *doc*, рус. *телевизор* и *телик* или *велосипед* и *велик*. Нередко аббревиатуры и их использование маркируют принадлежность говорящего к определенной профессиональной группе или коллективу, и условия их употребления носят специальный характер. Ср. расшифровку аббревиатуры для "непосвященных" в тексте типа: ... они с Андреем Ивановичем бьются над БСС — биологическим стимулятором совместимости (Ю. Трифонов. *Другая жизнь*, с. 57).

¹⁵ Ср., например, мнение Р.И. Могилевского о том, что "в абсолютном большинстве аббревиация занимает особое место в языке, не являясь частью его словообразовательной системы" (*Могилевский Р.И.* Является ли аббревиация словообразованием. — В кн.: АПС, 1, с. 156.

Ср. напротив, использование условных сокращенных наименований вместо их полных двойников при экономии средств коммуникации и особых условиях ее осуществления. Так, Юрий Романенко задал из космоса вопрос: « Не забыли ли положить в "грузовик" кассеты для МКФ ». Его собеседники отлично поняли, что речь идет о доставке грузов на специальном автоматическом грузовом транспортном космическом корабле. В официальных кругах он всегда именуется с помощью этого развернутого наименования, но на его основе космонавты создали свое собственное название для корабля. Точно так же участникам диалога не нужна была расшифровка и аббревиатуры МКФ, которая служит условным заместителем названия многозонального космического фотоаппарата (см.: За рубежом, 1978; № 5, янв., с. 7).

Аббревиатуры оказываются на самой периферии словообразования, на рубеже между мотивированными и немотивированными знаками языка. Вместе с тем и их рассмотрение помогает понять некоторые важные признаки мотивированных знаков, например, достаточность намека на слово называнием его части или даже только его заглавной буквы, ср., англ. H-bomb 'водородная бомба', и X-rays 'рентгеновы лучи', V-shirt 'рубашка с V-образным вырезом' и т.п. Они помогают также понять глубокую связь между мерой эксплицитности в назывании непосредственно мотивирующих слов в рамках сложно-сокращенного названия и степенью членимости этого образования. Между степенью расчлененности в изображении ситуации и степенью мотивированности деривата также складываются вполне определенные корреляции.

Чем большее количество полнозначных элементов в исходной структуре находит отражение в морфологической структуре деривата и чем более полон облик отражаемых элементов, тем легче становится поверхностная структура деривата ключом к его пониманию. Верно и обратное. По-видимому, особую психологическую значимость имеет также в сложно-сокращенных названиях и способ представления его ономаσιологического базиса, ср. *физкультура*, *продналог*, *революционер* и т.п. Признаки легче угадываются по отношению к точно обозначенному предмету. Нельзя забывать и о маркирующей способности фиксированного следования или размещения компонентов аббревиатур в разных их словообразовательных моделях: позиционные характеристики этих элементов составляют важную сторону формирующего компонента модели.

Общий итог изучения сложно-сокращенных названий заключается в выведении важного правила, релевантного для всей системы отношений словообразовательной производности: семантический сдвиг между производящей и производной единицами может сводиться не только к передаче нового значения в буквальном смысле слова, но и к изменению в соотношении эксплицитно и имплицитно выраженных компонентов значения, к преобразованиям в степени расчлененности семантического представления одного и того же. В результате строгие корреляции между производными и произ-

водящими единицами могут существовать в системе словообразования как поддерживаемые моделируемым различием в мере эксплицитности отражения одних и тех же признаков в структуре наименований разного уровня. Итак, акт словообразования имеет место не только тогда, когда вторичная единица номинации отличается от непосредственно мотивировавшего его слова своей семантикой, но и внутренней организацией этой семантики и мерой эксплицитности в выражении отдельных компонентов значения.

Случаи семантической эквивалентности производных и мотивировавших их единиц типа *дождь* → *дождик* или *воздь* → *воздик*, *лиса* → *лисица*, на которые когда-то обратил внимание М.В. Панов¹⁶, попадают под ту же категорию, что и демотивированные производные. Так, употребляя слово *нейлон*, можно не знать, что оно составлено из первых компонентов английских названий городов New York и London. Десемантизацию аффикса можно рассматривать как десемантизацию части слова и как результат его развития в составе данного наименования (семантическое опрощение); случаи *воздик* и пр. могут трактоваться как случаи метонимического переноса уменьшительного названия предмета на предмет в целом. Отсюда и случаи обратного словообразования в речи детей, типа *ложа* от *ложка*. Между производными и непроизводными словами языка можно выделить целый пласт псевдо- или квази-производных как единиц, содержащих квази-аффиксы и квази-корни — квази-морфемы¹⁷.

Создание моделируемого различия между источником деривата и им самим может принимать различные формы именно в зависимости от того, направлено ли оно на различие в семантике этих единиц или же только на различие в способе ее представления. В любом из этих случаев мы наблюдаем устранение средств "внешнего синтаксиса": предлогов, союзов, флективных показателей синтаксических отношений в исходном высказывании — и замену их средствами синтаксиса "внутреннего"¹⁸, внутрисловного, когда центр тяжести возможного смысловозначения приходится на порядок расположения элементов внутри синтагматической цепочки.

Интереснейшим примером маркирования семантических различий средствами позиционного синтаксиса является в английском языке

¹⁶ См.: Панов М.В. Рец. на кн.: Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1970, т. 29, вып. 3.

¹⁷ См.: Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах. — ВЯ, 1970, № 2.

¹⁸ Ср.: Skalická V. Hyposyntax. — Slovo a Slovesnost; Гинзбург Е.Л. Синтаксическая типология сложных слов ("Внутренний" синтаксис сложных). — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1967. М., "Наука", 1968.

противопоставление единиц типа *to stay out* 'оставаться вне дома' и *to outstay* 'пересидеть других гостей, остаться дольше, чем этого хотели бы хозяева', или *a flow-out* 'уток (воды)' — *an outflow* 'вытекание, истечение'.

Часть таких "перевертышей"¹⁹, явно дифференцирована в своих значениях, и это позволяет предположить, что положение частицы в постпозиции и в препозиции по отношению к определяемому ядру выполняет разные семантические роли. С другой стороны, многие перевертыши выступают в качестве семантических дублетов и префиксальное образование явно кажется мотивированным сочетанием того же глагола с той же частицей, ср. *to slide back* и *to backslide* или *to wear out* и *out-wear*²⁰.

Думается, что семантического дублирования нет и здесь и что перевертыши, даже при сходстве на денотативном уровне, акцентрируют разные аспекты значения, "топикализируют" разные части семантических структур сходного или даже одинакового набора значений. При этом префиксы характеризуют в английском языке более оценочные, чем собственно локативные значения (ср., например, значение чрезмерности или интенсивности действия у префикса *over-* или значения превосходства в чем-либо у *out-*). Частицы же неизменно указывают на направленность действия и его ориентацию, а также на его динамизм.

В случае выражения префиксом локативного значения оно обычно сочетается с дополнительным значением неотчуждаемости данного локативного признака для обозначаемого предмета или действия. Так, *overshoe* — это не просто 'обувь, одеваемая поверх другой обуви', а 'галоша', *underground* — не просто 'нечто под землей' а 'метро', ср. также *an outlook* 'мировоззрение', *an outhouse* 'надворное строение', 'служба вне дома' и т.д. В семантике аналитического глагола преобладает значение опорного глагола (ср. *to run in*, *to come in*, *to swim in* = *to enter by coming, running*, или *to enter as if by swimming*); в семантике префиксального глагола преобладает новое значение, т.е. действие, уточненное префиксом, понимается как новое, иное действие — ср. *to override* 'задавить копытами лошади' при *ride* 'ехать верхом', *to understudy* 'дуб-

¹⁹ См.: Кубрякова Е.С. Об инкорпорации в словообразовании современного английского языка. — В кн.: Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978, с. 150 и сл.

²⁰ Ср.: Кубрякова Е.С., Ногина И.В. Проблемы функционирования частиц типа *up* в системе словообразования современного английского языка. — В кн.: Словообразование, вып. 3. Владивосток, 1975; Карасик Л.А. Перевертыши и их место в системе английского языка. — В кн.: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 135. М., 1978; *Lipka L. Semantic structure and word-formation. Verb-particle constructions in Contemporary English. München, Funk, 1972.*

лировать (актера)' при study 'готовиться к каким-либо занятиям', overhead значит не только букв. 'над головой', но и просто 'вверх', 'в небе', 'на верхнем этаже' и т.д.

Трактовку перевертышей не столько как словообразовательных вариантов, сколько как разных единиц номинации следует понимать как результат их рассмотрения с точки зрения различия процессов создания этих единиц. Глагол с частицей есть следствие способа уточнения его значения путем указания на направление движения или его характер. В значительном числе случаев при этом имеет место простое сложение сочетающихся смыслов, т.е. семантическое расширение исходного знака. Отсюда предсказуемость и регулярность образования подобных комплексов даже в тех случаях, когда налицо метафоризация их значений. В отличие от этого соединение глагола с префиксом мотивируется более сложным путем, и на основе буквальных значений префиксов (некогда локативных по своему значению) развиваются новые обобщенные значения. Частицы маркируют динамический характер осуществляемого действия или его фазовые характеристики, на долю префиксов приходится скорее формирование новых значений, моделируемая лексикализация всего деривата в целом.

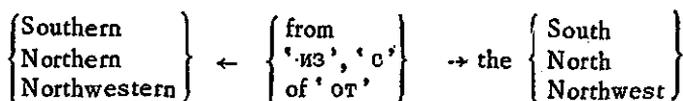
Словообразовательное значение оказывается, таким образом, тесно связанным с порядком следования элементов в рассматриваемой словообразовательной модели, а это заставляет, в свою очередь, предположить, что оно является не функцией какого-то отдельно взятого элемента словообразовательной модели, но функции и самой модели.

В связи с рассмотрением порядка следования элементов как значащего компонента модели, а тем самым как связанного со словообразовательным значением интересно также упомянуть о так называемом законе Грубера, гласящем, что если при образовании производной единицы какая-то часть исходной конструкции начинает выражаться с помощью аффикса, аффикс ставится в позицию, противоположную той, которая занималась его коррелятом²¹. Ср. в англ. little stream 'маленький ручей' или 'маленькая струя' и streamlet 'ручеек', 'струйка'; book 'книга' и booklet 'книжка', 'книжонка', или John — уменьшительное Johnnie, ср. также фр. Journal du Canada и Journal Canadien, système des planètes и système planétaire и т.п.

Ср. также приводимые Т. Гофманом²² примеры образования прилагательных южный, северный и т.п. в английском языке:

²¹ См.: Gruber J. Functions of the lexicon in formal descriptive grammars. Bloomington, 1972.

²² См.: Hofman T.R. Affixation — a new direction in transformation theory. — PEGS Paper, (Mont-Real). N 53, July 18, 1968, где этот закон рассматривается как лингвистическая универсалия и где его действие рассматривается на материале английского, немецкого, арабского, китайского, латинского и др. языков.

Момент структурного перевертывания наблюдается и в ряде моделей образования сложных слов, что как бы заставляет прочитать их в обратном порядке, ср. *трубочист* и 'тот, кто чистит трубы', англ. *car-driver* и *one who drives the car* 'водитель машины', букв. 'машиноводитель', ср. также *grass-green* и *green as grass, black-stained* 'запятнанный черным', букв. 'чернозапятнанный', и т.п.; например: *When I'm doing a routine job that keeps my hand busy, like washing dishes, I slide into a daydream. Now, as usual during dishwashing time, I let myself slide into one ...* (G. Finney. *Time and again*. N. Y., 1970, с. 91). "когда я выполняю обычную работу, которая занимает мои руки, например, мою посуду, я начинаю строить воздушные замки. И вот, как обычно, во время мытья посуды"... (букв. 'посудомытья')...; *The judge said that Mr. Peter Dow had been guilty of time — wasting on a frighting scale'. But yesterday, Lord Justice James said: "There was here no question of misconduct in the sense of any deliberate wasting of time for personal advantage.* (*Morning Star* от 11 дек. 1975, с. 1).

Примеры такого рода показывают, что структурное перевертывание элементов может маркировать словообразовательную модель, способствуя ее обособлению от мотивировавшей ее конструкции (заметьте, что прием структурного перевертывания может сопровождаться также устранением служебных элементов).

Не вызывает, однако, сомнения, что внутренняя организация деривата может достигаться и без этого приема, ср. рус. *железная дорога* и *железнодорожный, за рекой и заречный, до срока* и *досрочный*. Служебные слова как бы инкорпорируются в состав деривата, ср.: *and yet like all children, they want to be thought grown up, and free to do what they think are grown-up things* (A. Christie. *Nemesis*. London, 1971, с. 106—107); *her head and face had been bashed in* — *to delay recognition* и через несколько страниц про то же — *That disfigured face, that battered-in face* (Там же, с. 115 и 183), где прилагательные (или адъективированные причастия) *grown-up* и *battered-in* мотивированы свободными сочетаниями глаголов *to grow up* и *to bash in* и где они инкорпорируют исходные частицы в структуру производного образования без структурного перевертывания.

Словообразовательная модель фиксирует, следовательно, место опорного компонента — ономаσιологического базиса, вследствие чего интерпретация деривата слушающим как бы начинается с опознавания его ядра и восприятия всех прочих компонентов модели как его признаков. Именно это обеспечивает интерпретацию английских перевертышей как разных единиц номинации: *a bird-cage* 'птичья клетка' — это в первую очередь *a cage* 'клетка', *a cage-bird* — ... *bird* 'птица, приспособленная для ее содержания в клетке'.

Во французском языке ономазиологический базис занимает позицию первого компонента сложного слова, благодаря чему poisson-chat — это poisson 'рыба', oiseau-mouche — это oiseau 'птица' и т.д.²³. Сравнение знаков номинации трех разных структур в этих случаях ярко демонстрирует шкалу в степени расчлененности обозначений одного и того же денотата, ср. colibri 'колибри' — oiseau-mouche 'птица-муха' и oiseau qui ressemble á une mouche; 'птица, которая' напоминает [по размеру] муху'; ср. также silure 'сом' — poisson-chat 'сом', букв. 'рыба-кот' и poisson qui ressemble à un chat 'рыба, которая похожа на кога'. Граница между немотивированными и мотивированными знаками здесь вполне отчетлива. В сложных словах, как это ни странно, более явно ощущается метафорический характер наименования, ибо соположение имен не означает здесь тождества соположенных сущностей, но только их сравнение между собой: oiseau-mouche это совсем не oiseau qui est une mouche, т.е. не 'птица, которая есть муха', а 'птица, похожая на муху'.

Все описанные нами признаки отличий организации семантики у единиц номинации разных уровней обнаруживаются так или иначе и при анализе производных аффиксального типа. Здесь, однако, более резко отмечена разница между интеграцией значения в производном слове и передачей того же значения описательным способом (ср. *ватник* и *рабочая одежда, сделанная из простеганной определенной образом ваты*), что часто исключает параллельное использование таких единиц в качестве единиц номинации.

В то же время и здесь показатели синтаксических отношений устранены, характер предикации — латентен для отыменных образований. И здесь налицо замена расчлененного представления деталей обозначаемого явления или ситуации менее расчлененной структурой с той только разницей, что здесь один из самостоятельных элементов исходного мотивирующего суждения заменяется таким абстрактным связанным элементом, как аффикс.

Интересно, что иногда разными единицами номинации оказываются и структурны одного уровня, что описывается как словообразовательное варьирование или словообразовательная синонимия²⁴. Ср. разные трансформации (рис. 1).

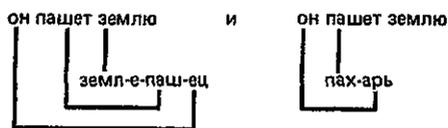

Рис. 1

²³ См.: Бенвенист Э. Указ. соч., с. 243-244.

²⁴ Ср.: Ohnheiser I. Zur Wortbildungssynonymie in der russischen nominalen Wortbildung. — Linguistische Arbeitsberichte, 9, Leipzig, 1974 (Beiträge zur russischen Wortbildungslehre); Шошвили Т.Г. Опыт синхронного и диахронного исследования словообразовательного варьирования в английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1978.

Схемы хорошо демонстрируют переход от расчлененного обозначения ситуации *он пашет землю* к названиям *nomina agentis* с разной степенью эксплицитности отражения в структуре дериватов объекта действия и одинаковыми способами (аффиксацией) обозначения агента действия по глаголу *пахать* суффиксами *-ец* или *-арь*. Наглядно выступает и разная степень семантической компрессии в сложном слове по сравнению с суффиксальным производным. По-видимому, здесь могут быть обнаружены вследствие этого разные словообразовательные значения: 'тот, кто производит действие, направленное на обозначенный объект' и 'тот, кто производит действие, обозначенное производящим глаголом' (ср. *Землярь, пекарь*).

В структуре лексикализованного производного значения объекта действия принадлежит к числу имплицитных, но не выраженных формально; в сложном слове оно, напротив, выражено эксплицитно. Ср. также: "You feel sure, he was just a *hit man* sent by Randolph Wallender?" "Just a *hitter*", Sam said, "whoever sent him" (J. Burke, *Death trick*. London, 1976, с. 115), что по-русски можно было бы передать, используя, правда, не совсем точный эквивалент словам *hit man* и *hitter*, в виде следующего диалога: "И ты уверен, он был простым *наемным убийцей*, посланным Рандольфом, В.?" — "Простым *наемником*, — сказал Сэм, — кто бы его ни послал".

Приведенные примеры помогают понять, почему словообразовательные значения следует определять, по-видимому, не столько номенклатурно, т.е. по конечному результату его использования (ср. названия типа *nomina agentis* — имена действующих лиц, *nomina collectiva* — собирательные имена, *nomina acti* — имена действий и т.п.), сколько путем указания на его строение — с помощью слов-идентификаторов, которые указывают конечные результаты акта наречения, а также характер отношения базиса и признака в данной модели. В противном случае мы должны были бы признать, что у слов типа *hit man* и *hitter*, *watchman* и *watcher* и т.п. — одно и то же словообразовательное значение. Однако *hit man* и *watchman* означают *a man who hits, watches [professionally]*, а *hitter* и *watcher* — *one, who hits smth or smb* и *one who watches smth*. Ср. рус. *сторож* для первого из этих значений и *наблюдатель* для второго.

Таким образом, рассмотрение и этих случаев наречения разными деривационными структурами подводит нас к необходимости считать все производные слова носителями словообразовательного значения и усматривать их различие в нетождественности этого последнего.

Конечно, проведенное нами сравнение семантики единиц номинации разной структуры было значительно облегчено благодаря тому, что мы знали значения производных единиц заранее и потому могли легко поставить им в соответствие такие синтаксические конструкции, которые отражали все эти известные значения дерива-

тов в ясной форме. При такой методике анализа вся информация, фиксируемая в словаре производными словами разных типов, считалась также содержащейся в исходной единице, так что в сущности, мы и могли проанализировать объективно только те расхождения, которые связаны с передачей одного и того же содержания разными лингвистическими средствами. Хотя мы и пытались показать, что при отражении одной ситуации разными единицами номинации происходит на деле ее описание с разной степенью точности, с учетом одних деталей и упущением других, с разными акцентами на тех или иных ее признаках и т.д., речь все же шла о средствах передачи необходимого значения и о возможности фиксировать и объективизировать данную информацию разными структурами.

У рассмотренной проблемы есть, однако, и другие аспекты: пути рождения нового лексического значения у производного по сравнению с производящим, возникновение предсказуемых и непредсказуемых значения и т.п. Исследование этих проблем требует иной методологии и иного подхода.

В связи с широким обсуждением проблемы соотношения словообразования и синтаксиса предлагались и другие процедуры анализа семантики производного слова, например, связанные с попыткой провести параллель между компонентами производного или сложного слова и членами предложения в исходном суждении. По-видимому, первая попытка такого рода принадлежит Г. Маршану: созданное им учение о типах референции, отраженных в структуре дери- вата, связывает отдельные его компоненты с объектом, субъектом, группой обстоятельства места или образа действия и т.п. в мотивирующем предложении²⁵.

Однако уже много лет тому назад, как бы предвосхищая возможность прямолинейного соположения единиц синтаксического уровня с морфемами, образующими дериват, М.Д. Степанова справедливо указывала, что в пределах, например, сложного слова мы имеем дело не столько с синтаксическими, сколько с синтактикоподобными отношениями²⁶.

Сказанное нами о "внутреннем синтаксисе" означает также, что несмотря на наличие аналогий в строении единиц номинации разной структуры, но с одними и теми же опорными компонентами, речь идет не о буквальном повторении в деривате отношений в исходной единице, но о трансформации этих отношений и, следовательно, способах отражения отношений в мотивирующей пропозиции осо-

---

25 См.: *Kašovsky D.* Wordformation, case grammar, and denominal adjectives. — *Anglia*, 1974, Bd 92, H. 1/2, p. 16.

26 См.: *Степанова М.Д.* Словосложение в современном немецком языке. Докт. дис. Л., 1960, с. 64; *Поротников В.И.* Указ. соч., с. 5.

быми лингвистическими средствами²⁷. Нельзя закрывать глаза на такой очевидный факт, что удивительному разнообразию средств выражения связей в синтаксисе противостоит, например, в области словосложения, моделирование, ограничиваемое по природе необходимостью выразить те же отношения простым примыканием полных значных единиц. Ведь одна и та же формальная словообразовательная модель служит выражению самых различных значений и оттенков значения. Так, в работе, посвященной анализу семантики композитов с двумя именными компонентами в немецком языке, В. Мотш указывает на существование чуть ли не 17 подтипов этой модели²⁸.

Секрет обращения с такими моделями заключается, видимо, именно в том, что человек знает, какие отношения могут стоять за двумя названными вещами и, соответственно, за их обозначениями. Знающему немецкий язык нетрудно догадаться, что Honigbienen — соответствует представлению о пчеле, которая дает мед, но что Holzpferd вряд ли означает 'лошадь, которая вырабатывает дерево' ибо естественная логика подсказывает ему иной тип связи между понятиями "лошадь" и "дерево". Загадка "деревянной лошадки" оказывается больше псевдозагадкой для говорящего, хотя она и является достойной обсуждения с лингвистической точки зрения.

В реальной действительности представлены самые разнообразные, многосторонние, сложные и подчас неожиданные связи. При необходимости, однако, все они могут быть описанными в языке. В этом процессе отражения действительности, а затем и ее наречения, явления, подлежащие обозначению, подводятся под тот или иной класс явлений, осмысляются в терминах существующей в данном языке лингвистической классификации. Частью такой классификации являются и устоявшиеся словообразовательные модели. В акте наречения выбор одной из таких моделей предопределяется смысловым заданием этого акта и сообразуется как с экстра-, так и внутрилингвистическими знаниями говорящего.

Используя вместо развернутой единицы номинации производное или сложное слово, говорящий знает, какой тип отношения имелся им в виду при назывании того или иного события, ситуации или предмета через другую знакомую ему лингвистическую единицу. Типы отношений поддаются такому же обобщению и абстракции, как и другие понятия. Результатом этого процесса обобщения наблюдае-

---

²⁷ Ср.: также: Motsch W. Analyse von Komposita mit zwei nominalen Elementen. — In: Progress in Linguistics. The Hague, 1970; Brekle H.E. Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition. München, 1970; Шадрин В.И. Семантико-синтаксическое исследование сложных существительных в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1977.

²⁸ См.: Motsch W. Op. cit., с. 219.

мых типов связей и выработки средств их отражения лингвистическими средствами и есть формирование словообразовательных значений. В процессе подобного формирования есть еще одна примечательная особенность.

Критикуя Р. Лиза, пытавшегося представить все типы сложных слов как трансформацию ядерных предложений и именно так объяснить их семантику, Г. Маршан видит ограниченность этого подхода в том, что она не позволяет объяснить, почему на базе одного и того же предложения возникают разные сложные слова²⁹. Так, и композит *apple-eating* 'съедение яблок', и сложное слово *apple-eater* 'едок яблок' и комплекс *eating apple* 'съедобное яблоко' должны быть, согласно теории Лиза, представлены как мотивированные ядерным предложением *he eats apples* → *он ест яблоки*. Маршан указывает также, что в рамках предлагаемого подхода трудно объяснить появление новых значений: так, на базе предложения *he bakes something* 'он печет' порождается наименование действующего лица — *a baker*, обозначающее на деле не просто того, кто печет, но скорее того, кто выпекает хлеб и другие аналогичные изделия, к тому же профессионально³⁰, ср. рус. *пекарь* (при невозможности сказать: **Я испекла булочки и проявила себя отличным пекарем*). Замечания Маршана вполне справедливы. Истолкование производных только в терминах ядерных предложений явно недостаточно. Ниже мы попытаемся поэтому показать некоторые способы преодолеть эти трудности, рассматривая исходные предложения как реализующие типичную синтаксическую и лексическую сочетаемость мотивирующего слова и как предложения, в которых топикализации может быть подвергнута любая из его составных частей.

Вместе с тем выработка таких процедур анализа связана с попыткой дифференцированно подойти к основному вопросу теории словообразования, вопросу о том, все ли единицы вторичной номинации в этой сфере созданы на синтаксической основе. Как следует из вышеизложенного, мы ответили на этот вопрос отрицательно. Это предопределяет отчасти ответ и на следующий вопрос: какие особенности производных и сложных слов можно объяснить путем обращения к синтаксису, т.е. ответ, реальное содержание которых мы пытались осветить в настоящей главе.

Изучая поведение абстрактных (производных) имен, Н.Д. Арутюнова завершает их рассмотрение вопросом о том, все ли имена

²⁹ См.: *Marchand H. The analysis of verbal nexus substantives. — Indo-germanische Forschungen, 196 |, Bd. 70, N. 1, p. 59.*

³⁰ Ср. обсуждение этого вопроса в работах: *Lipka L. Grammatical categories, lexical items, and word-formation. — Foundations of Language, 1971, v. 7, p. 219; On же. Topicalization, case grammar, and lexical decomposition in English. — Archivum Linguisticum, 1976, v. 7, p. 119—120, 129; Kastovsky D. Wortbildung und Nullmorphem. — Linguistische Berichte, 1969, N 2.*

"входят в область пропозитивной семантики?" и отвечает на него отрицательно³¹. Подчеркивая, что целые классы имен вообще не соотносимы с предикатами, она сравнивает два значения слова *высота* и замечает по этому поводу: "Имя *высота* в дефиниции *Высота* есть вертикальное измерение предмета не выражает пропозитивного значения, а в предложении *Высота горы нас поразила* значение сочетания *высота горы* принадлежит к пропозитивному типу"³². На самом деле оба значения весьма близки друг другу и даже выводимы в пределах одной сложной пропозиции, ср.: *Высота горы нас поразила, и мы захотели ее измерить*, что перифразируется, по-видимому, так: *То, что гора высокая, нас поразило, и мы захотели измерить, насколько она высока*. Разграничение пропозитивных и непропозитивных значений требует поэтому своих процедур анализа, — приемов, которые позволили бы, с одной стороны, убедиться в том, что *высота*₁ и *высота*₂, действительно, различны по своей семантике, и которые, с другой стороны, помогли бы понять, как происходит формирование этих разных значений³³. Интересно отметить, что Э. Бенвенист и Г. Брекле продемонстрировали возможность создания целого ряда производных на синтаксической базе и в то же время — не на базе обычных предложений с четкой схемой пропозиции, а на основе приветствий, восклицаний и прочих речевых формул: ср. лат. *salutare*, которое означает не 'совершать приветствие, сделать поклон', а 'сказать *salus!* привет!', ср. также русск. *выкать* и *выкать* — 'говорить "ты" или "вы"'.³⁴

Представляется, что в анализе всех подобных явлений плодотворен не только синтаксический подход, связанный с восстановлением синтаксического источника мотивации, рамки которого мы очертили в настоящей главе, но и поход, дополняющие его, — подход ономаσιологический, номинативный. Суть последнего мы видим в том, чтобы рассмотреть семантику производного в терминах ономаσιологических, понятийных категорий. А это предполагает изучение способов отражения в структуре производного общекатегориальных значений, значений кардинальных частей речи и их разновидностей, т.е. подход от значений частей речи и главных номинативных функций этих последних в составе высказывания. Таким образом кажется возможным доказать существование прямой зависимости между образованием новой синтагматической последовательности, универба, и выражением ею нового типа языкового значения — словообразовательного.

³¹ См.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976,

³² Там же, с. 80.

³³ См. также: Веперсен О. Философия грамматики, с. 153.

³⁴ Ср.: Бенвенист Э. Делокutive глаголы. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 320 и сл.; Brekle H.E. Delokutive Verben. Ein sprechakttheoretisch fundierter Wortbildungstyp. — Sprachwissenschaft, 1976, Н. 4.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В специальной литературе неоднократно указывалось на то, что понятие словообразовательного значения весьма неопределенно, что оно, к сожалению, еще не имеет удовлетворительного истинности¹. Это можно объяснить несколькими причинами. Одна из них, более общая, заключается в том, что поскольку словообразование является относительно молодой дисциплиной, здесь еще не сложилась окончательно своя собственная система терминов и понятий. Другой объективной причиной является исключительная сложность описания едва ли не всех единиц в области семантики: достаточно напомнить, какие постоянные дискуссии происходят в лингвистике по поводу определения понятия значения.

Существует вместе с тем и причина внутреннего порядка, обусловленная логикой развития самой науки о словообразовании: постепенность в выделении тех или иных признаков словообразовательного значения. Раскрывая одну отличительную особенность словообразовательного значения за другой, лингвисты были долгое время сосредоточены на описании таких черт этого явления, которые были необходимы, но недостаточными. Ведущий, главный признак этого значения, из которого вытекали бы все остальные, кажется, вплоть до недавнего времени так установлен и не был. Представляется немаловажным осветить историю изучения словообразовательного значения в той ее части, которая касается именно установления конституирующих признаков значения этого типа.

Прежде чем перейти к такому анализу, отмечу еще одно важное обстоятельство. Неточность понятия словообразовательного значения обусловлена тем, что этот термин применялся зачастую по отношению к разным объектам. Поскольку на ранних этапах становление словообразования как науки было связано прежде всего с изучением особенностей производных аффиксального типа, а это приходилось по времени на годы преимущественного интереса к морфологии и результатам морфологического анализа, специфику семантики производного слова объясняли главным образом наличием в нем особой деривационной морфемы, аффикса. Характеризуя семантические особенности подобной морфемы, и выдвинули понятие словообразовательного значения как значения, передаваемого префиксом или суффиксом. При таком подходе введение термина "словообразовательное значение" как направленного на деривационную морфему, имело своей целью характеризовать отличия морфем этого рода от других аффиксов.

¹ См., например: Гинзбург Р.С. К вопросу о типологии значения. — В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим в сам языкознания. Тезисы секционных заседаний. М., 1974, с. 149; Хохлачева В.Н. Проблема словообразовательного значения. — В кн.: Грамматика и норма. М., "Наука", 1977, с. 10.

В результате словообразовательное значение (далее СЗ) отождествлялось со значением его минимального носителя, семантические характеристики морфемы распространялись на последовательности морфем и оказывалось, что целые классы дериватов иного типа должны были бы считаться лишенными словообразовательного значения: ведь они строились без участия аффиксальных морфем. В первую очередь это относилось к сложным словам и к разрядам производных, образуемых в ходе так называемых безаффиксальных способов словообразования².

Нередко о словообразовательном значении говорили и как о значении производного слова, но это приводило к смешению лексического значения производного слова с тем серийным, обобщенным значением, которое выражают производные одного словообразовательного ряда, и не оправдывало необходимости в появлении нового термина для отражения именно этого последнего. Думается, что лексические и словообразовательные типы значения должны быть разграничены. Мы постараемся показать, каким способом этого можно достичь.

Интересно отметить, что в зарубежном языкознании понятие словообразовательного значения вообще распространения не имело, у нас же в стране оно имеет хотя и короткую, но весьма примечательную историю. В работах по теории словообразования и в определенных описаниях словообразовательных систем, выполненных за пределами нашей страны, это понятие не используется. В то же время в работах чехословацких и польских ученых было сделано немало на "подступах" к этому понятию, и можно назвать целый ряд исследований, аргументированно подводящих к необходимости ввести его в теорию словообразования как одно из центральных понятий всех теории.

Так, у М. Докулилы и его последователей, внесших значительный вклад в развитие теоретических основ нашей науки, были заложены такие предпосылки для появления этого понятия, которые связаны с ономаσιологическим подходом к явлениям словообразования. Именно здесь зарождается мысль о необходимости представления и описания ономаσιологических словообразовательных категорий с помощью сложных структур, образуемых определенными сочетаниями ономаσιологического базиса с ономаσιологическим признаком³. Термин "словообразовательное значение" ученые этой школы, однако, как правило, не используют.

---

² Ср.: Алексеев А.Я. О словообразовательном значении. — В кн.: Словообразование и фразеобразование. Тезисы докл. научной конференции. М., 1979, с. 7-8.

³ См. подробнее: Dokulil M. Tvořeni slov v češtině, 1. Praha, 1962, p. 196-200, а также рец. Г.П. Нешименко, А.Г. Широковой на эту часть этой книги: ВЯ, 1969, № 6.

Примерно то же можно сказать и о представителях польской лингвистической школы, где особое внимание было уделено проблеме связи словообразования и синтаксиса⁴ и где, вслед за Е. Куриловичем, явления синтаксической и лексической деривации рассматривались на фоне широко понимаемого явления транспозиции⁵. Ведь это влекло за собой естественное признание большой роли словообразования в установлении связей между отдельными частями речи, а следовательно, создавало теоретические предпосылки для осмысления того, как могут значения одной части речи выражаться в значениях другой (гипостаза) и какие комбинации значений возникают в этой связи.

Значительным достижением советского языкознания можно считать поэтому исследования, начатые еще с конца 50-х годов и особенно широко развернувшиеся позднее, в 70-х годах, о природе и сущности словообразовательного значения. Не вдаваясь детально во все частные аспекты этой истории⁶, отметим только, что исследование словообразовательного значения шло по разным направлениям, ибо было подчинено нередко разным задачам и целям в конкретных работах. Вместе с тем в ходе таких исследований, шаг за шагом, устанавливались многие существенные признаки значения этого типа.

Модус существования словообразовательного значения в пределах производного слова позволил предположить, что оно тесно связано с морфологической структурой деривата и что оно носит в силу этого внутрисловный характер⁷. Выделение этого признака не позволяет согласиться с распространением термина "словообразовательное значение" на единицы номинации, большие слова⁸

⁴ См. критический анализ работ этого направления в ст.: *Dokulil M. Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax.* — В кн.: *Travaux linguistique de Prague*, 1. Prague, 1967.

⁵ Помимо с. 145 наст. книги см. *Волоцкая З.М.* К проблеме синхронного словообразования. — В кн.: *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии.* М., 1966.

⁶ См. подробнее: *Кубрякова Е.О.* Основы морфологического анализа. М., 1974, с. 147–165; *Манучарян Р.О.* Словообразовательные значения и словообразовательные категории. — *Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР*, № 12. Ереван, 1974.

⁷ Ср.: *Кубрякова Е.О.* Основы морфологического анализа. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 31; *Улуханов И.О.* Словообразовательная семантика и принципы ее описания в грамматиках славянских языков. — В кн.: *Грамматическое описание славянских языков.* М., 1974, с. 122.

⁸ Ср.: *Манучарян Р.О.* Указ. соч., с. 26 (со ссылкой на ранние работы В.М. Никитевича).

и ведет, напротив, к определению его как неотъемлемого компонента смысловой структуры производного слова и к пониманию известной близости этого типа значения морфологически выражаемым типам значения.

Вторым важным признаком СЗ может поэтому считаться его близость к грамматическим значениям. Подобно грамматическим, СЗ могут быть исчерпывающе представлены списком. Подобно грамматическим значениям, они имеют свои собственные средства его выражения. Несомненен и параллелизм таких материальных средств: как и в сфере грамматики, в сфере словообразования широко используются аффиксация, редупликация и др. способы. В языках с развитыми морфонологическими системами они обычно используются и для формообразования, и для словообразования, так что многие чередования равно маркируют образование как отдельных классов форм слова, так и отдельных классов производных. В языках обычно не наблюдается жестких границ в использовании конкретных материальных средств одного порядка (например, суффиксов) только для словоизменения или только для словообразования. Различен, как правило, только удельный вес подобных средств в той или иной сфере образования вторичных единиц на морфологическом уровне.

Важно и то, что как грамматические, так и словообразовательные значения принадлежат к числу создаваемых в ходе применения определенной формальной операции, а следовательно, и к числу формально выраженных значений⁹, ибо каждая формальная операция оставляет свой след в морфологической структуре деривата, хотя не исключено, что этот след оказывается иногда так называемой *minus-feature*¹⁰. Этот третий признак СЗ хорошо согласуется с определением СЗ как структурно выраженного в образце, по которому создано производное¹¹, хотя в понимании того, как именно происходит такое выражение и с какой конкретной структурной характеристикой оно связано, могут быть серьезные расхождения.

⁹ Ср.: *Кубрякова Е.О.* Основы морфологического анализа. Автореф. докт. дис., с. 31; см. также критику этого положения: *Мануцарян Р.С.* Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения. Автореф. докт. дис. Ереван, 1975, с. 10; см.: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970–1973 гг. Словообразование, М., 1978, с. 13, 18; *Хохлачева В.Н.* Указ. соч., с. 9–10; *Алексеев А.Я.* Указ. соч., с. 7 и др.

¹⁰ См., например: *Bzdega A.Z.* Zur impliziten Ableitung im Deutschen. — *Linguistische Studien*, 56. Berlin, Akad. der Wissenschaften der DDR, 1979, S. 109.

¹¹ Ср.: работы Г.А. Зенкова, Н.А. Янко-Триницкой, В.Н. Хохлачевой и др., подробнее см.: *Зверев А.Д.* Лексическое и словообразовательное значение. — В кн.: *Актуальные проблемы лексикологии.* Минск, 1970.

Если по форме своего существования в языке СЗ разделяет, как будто, свойства грамматических значений, то по своей связанности с предметным миром, по своей нередкой вещественности и конкретности оно скорее приближается к значениям лексическим. Наблюдения этого рода приводили многих исследователей к тому, что СЗ приписывался некий промежуточный характер¹².

При этом справедливо подчеркивали, что если по одним признакам СЗ скорее лексичны, чем грамматичны, по другим, напротив, они скорее грамматичны, чем лексичны¹³. В принципе этот четвертый признак СЗ соответствует диалектически противоречивому и объективно наблюдаемому положению дел. В то же время мысль о возможности разграничить указанных три типа значения по степени или качеству абстракции¹⁴, по-видимому, справедливо вызывает критическое отношение¹⁵. Различны степени и качество абстракции в пределах чисто грамматических и лексических значений.

Промежуточное значение СЗ можно усматривать, однако, не в разной абстрагированности указанных значений или в разной "удаленности" отдельных СЗ от вещественных значений, но в том, какой массив слов оно охватывает.

Думается, был прав М.Докулил, подчеркивая, что если лексические значения принадлежат индивидуальным отдельным словам (т.е. формой их существования являются слова), а грамматические — самым крупным объединениям слов (т.е. формой их существования оказываются такие классы слов, как части речи или их подклассы), то словообразовательные значения принадлежат одинаково всем словам одного и того же словообразовательного ряда внутри грамматических классов слов¹⁶. Формой существования такого значения являются производные од-

12 См.: Лопатин В.В., Улуханов И.С. Построение раздела "Словообразование", — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, с. 51; Алексеев А.Я. Указ. соч. с. 8.

13 См.: Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., "Наука", 1976, с. 226 и сл.

14 См.: Dokulil M. Tvoreni slov ..., с. 193.

15 См.: Гинзбург Р.С. Несколько замечаний о фразеологическом и словообразовательном значении. — В кн.: Вопросы романогерманской филологии. М., 1975, с. 184-185.

16 Ср. Докулил М. К вопросу о морфологической категории. — ВЯ, 1967, № 6, с. 7; Ср. также Dokulil M. Zur Frage der Stellung der Wortbildung im Sprachsystem. — Slovo a Slovesnost, 1968,

ного ряда, т.е. определенная словообразовательная модель. Докулил называл такое значение "типовым" или же "групповым" (Gruppenbedeutung)¹⁷.

Свойство словообразовательного значения выступать, маркируя определенный разряд слов, составляет суть его пятого признака. В отличие от индивидуальных лексических и обязательных для слов данной части речи грамматических значений СЗ представляет собой значение серийное, характерное для класса слов, меньшего, чем часть речи, но существенно большего, чем, например, такое объединение слов, как синонимический ряд. Повторяемость определенно-го, одного и того же СЗ в серии однотипных со структурной точки зрения производных предопределяет способность СЗ служить показателем тождества значений одного словообразовательного ряда¹⁸ или даже (шире) тождества одной словообразовательной категории, одного типа¹⁹.

Одним из самых точных определений СЗ являлось, как нам представляется, то, которое имплицировалось указанием Н.Д. Арутюновой на системную функцию словообразовательной модели, когда она подчеркнула, что словообразовательная конструкция включает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова²⁰ и когда центр тяжести в описании СЗ был перенесен на установлении того общего, что характеризует производные одного словообразовательного ряда, одной модели. Именно эта интерпретация СЗ последовательно проводится Е.А. Земской²¹, и в принципе не вызывает сом-

---

Р. 28, с. 13. Видимо, на это же свойство указывал и Б.Н. Головин (*Головин Б.Н.* Словообразовательная типология русских приставочных глаголов. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1959, с. 139; *Он же.* О словообразовательной типологии русских приставочных глаголов и ее зависимости от семантики производящих коррелятов. — Учен. зап. Горьковского ун-та, серия лингв., 1967, вып. 76. с. 50).

¹⁷ См.: *Докулил М.* К вопросу о морфологической категории.

¹⁸ См., например: *Зенков Г.О.* Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, с. 33; *Максимов В.И.* Пути формирования словообразовательного значения у производных суффиксов. — В кн.: Проблемы общей и романо-германской семасиологии. Владимир, 1973, с. 112–113.

¹⁹ См., например: *Ковалик И.И.* Смысловая структура производного слова. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970; *Хохлачева В.Н.* Указ, соч., с. 5 и др.

²⁰ *Арутюнова Н.Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, с. 33.

²¹ *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 184.

нения тот факт, что, действительно, общее значение, инвариантное для такого класса слов, как однотипные производные и есть словообразовательное значение. Но это определение является необходимым, но недостаточным, ибо оно еще не включает точного указания на *modus vivendi* СЗ.

В то же время шестой признак СЗ — способность фиксировать обобщенную семантику однотипных производных — тесно связан с таким важным свойством СЗ, которое позволяет говорить о систематизирующей роли этих значений в лексиконе языка. Наличием СЗ определенных типов и их способностью проводить инвариантное и достаточно общее значение по целой серии слов обуславливаются классифицирующие функции СЗ, откуда важная роль самих выделяемых значений для типологической характеристики языков²².

Несмотря на тот несомненный факт, что некоторые словообразовательные модели не служат никаким иным целям, кроме целей транспозиции слова из одной части речи в другую (а по мнению многих лингвистов используемые в этих моделях словообразовательные средства асемантчны), несмотря на то что часть словообразовательных моделей не служит никаким иным целям, кроме целей экспрессивного или эмоционального словообразования (а в этом смысле ими тоже не создаются никакие новые значения), производные слова, выражающие одну и ту же обобщенную семантику, противостоят друг другу именно как разные семантические разряды или классы слов. Уже это свидетельствует о том, как тесно связаны понятия словообразовательной модели и понятия словообразовательного значения²³ и как велика роль словообразовательных моделей и их СЗ в категоризации слов данного языка. Можно утверждать поэтому, что седьмым признаком СЗ является его способность выступать в качестве таксономического средства в системе языка в целом, т.е. осуществлять классифицирующую или же категоризирующую роль в языке.

---

²² Ср.: Манучарян Р.С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков). — В кн.: Проблемы семантики. М., "Наука", 1974; Ойхайзер И. О задачах сопоставительного изучения словообразования. — В кн.: Словообразование и фразеобразование. М., 1979, с. 66; Сафаров Ш. О некоторых аспектах конфронтационного изучения словообразовательных систем неродственных языков. — Там же, с. 87.

²³ Ср.: Мурлов Р.З. К понятиям "модель" и "значение" в словообразовании. — В кн.: Вопросы романо-германской филологии. М., 1975, с. 52; Хидекель С.С. Семантические особенности основных единиц словообразовательной модели. — Ин. яз. в школе, 1977, № 4, с. 15.

Если с выделенными сущностными характеристиками СЗ согласятся, по-видимому, большинство специалистов в области словообразования, то с более общим его определением связаны, по-видимому, гораздо более значительные разногласия. В принципе и за определением СЗ как того общего, что объединяет производные одного ряда или одной категории, могут стоять разные концепции. В одной концепции, как мы указывали, общее в семантике производных связывается с наличием в производных одного и того же деривационного средства; в другой (более широко) с наличием одной и той же структурной модели; наконец, в третьей — с тем, что производные и производящие единицы вступают в одинаковые отношения друг с другом, в результате чего и сама производная единица отражает определенный тип отношения к исходному слову.

В концепциях первого рода СЗ определяется структурно—через средство (формант), которое, якобы, им выражается, и, следовательно, чаще всего — сугубо морфологически, ибо самыми распространенными формантами в сфере словообразования обычно оказываются аффиксы, связанные морфемы. Ср., например, утверждение В.И. Максимова о том, что "... все же словообразовательное значение присуще именно аффиксам, а не ряду однородных производных"²⁴.

Это положение не может быть принято без существенных оговорок²⁵. Оно неверно, поскольку феномен наличия СЗ разделяют все производные единицы независимо от способов или средств их соедания: СЗ есть и у сложных слов²⁶, и у производных, созданных путем конверсии²⁷, и у остальных производных, образованных путем безаффиксальной транспозиции²⁸ и т.д.

---

²⁴ Максимов В.И. Указ. соч., с. 113.

²⁵ Как и положение о том, что основным носителем словообразовательного значения является аффикс (дериватор) или аффиксоид ("полуаффикс"). См. Мануچارян Р.С. Словообразовательные значения и словообразовательные категории, с. 26. Как мы постараемся показать дальше, носителем СЗ всегда является более сложная структура.

²⁶ Ср.: Пупченко Б.В., Коржева Н.П. К вопросу о словообразовательном значении сложных слов в английском языке. — В кн.: Лексикология и стилистика английского языка. Пятигорск, 1976, с. 75-76.

²⁷ См., например: Карашук П.М. Производное слово в лексико-семантической системе английского языка. Автореф. докт. дис. М., 1974, с. 11.

²⁸ См.: Кубрякова Е.О. Теория номинации и словообразование. — В кн.: Теория номинации (Виды наименований). М., "Наука", 1977, с. 287-300.

Отождествление СЗ с деривационным элементом приводит к особым натяжкам в тех случаях, когда речь идет о так называемых синтаксических дериватах, в которых, по единогласному мнению специалистов, не фиксируется никакого нового лексического значения сравнительно с лексическим значением исходной единицы и которые создаются как новые единицы со статусом слова в синтаксических целях (для выполнения ими новых синтаксических функций). В производных этого типа деривационный элемент, когда он присутствует, выполняет транспонирующую функцию и как таковой собственной значения лишен. Вряд ли, однако, кому-либо придет в голову утверждать, что все синтаксические дериваты не передают никаких СЗ. Таким образом, отождествление СЗ с деривационной морфемой либо заставляет нас приравнять СЗ к новому синтаксическому значению, что равносильно в конечном счете приравниванию его к категориальным значениям основных частей речи, что бессмысленно, либо заставляет признать отсутствие СЗ у целых классов производных единиц, что тоже неправомерно.

Аналогичные проблемы возникают и при попытке обратиться в отдельных СЗ многозначных аффиксов, когда аффикс может участвовать в создании противопоставлений разного порядка. При рассмотрении словообразовательных пар типа *лес-лесник*, *умный-умник* в отличие от *свекольный-свекольник* или *творот-творожник* В.П. Хохлачева правильно отмечает, что "абстрактные категории и абстрактная семантика, выраженные суффиксом, не есть собственно словообразовательные категории и собственно словообразовательная семантика"²⁹. Действительно, в одном случае в производных фиксируется значение муж. рода (ср. *умник-умница*) и одушевленности (ср. *вижу лесника*, но *вижу творожник*), которые вряд ли можно причислить к числу словообразовательных. Противопоставления в случаях *летчик-летчица*, *учитель-учительница* соответствуют родовым противопоставлениям и каким образом грамматическая оппозиция связана со словообразовательным значением, надо рассмотреть особо.

Из анализа этих примеров следует прежде всего, что определение СЗ может считаться адекватным только в том случае, когда оно окажется пригодным для производных и сложных слов любого типа, т.е. отразит факт наличия этого типа значения и его специфику у класса производных в целом.

К другим расхождениям в понимании словообразовательного значения можно отнести и те два подхода к выделению словообразовательного значения, которые можно обозначить терминами "суммативный" и "разностный"³⁰. Разностная трактовка предпола-

²⁹ См.: Хохлачева В.Ч. Указ, соч., с. 16.

³⁰ См.: Манучарян Р.С. Рец. на кн.: Улукханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. - ВЯ, 1979, № 2, с. 151.

гает определение СЗ как повторяющейся семантической разности производного и производящего, и она справедливо критикуется Р.С. Манучаряном как недостаточная для дифференциальной характеристики синонимичных аффиксов³¹. Суммативная трактовка, быть может и более полна, ибо она направлена на установление повторяющейся суммы значений производящей основы со значением аффикса, и в принципе она более близка пониманию СЗ как пониманию значения словообразовательной модели³², однако и она, как нам кажется, не адекватна объекту опять-таки из-за ее связанности с деривационным аффиксом. В производных безаффиксального типа и, в частности, в образованиях, созданных по конверсии, ничто как будто не суммируется, а все же СЗ здесь явно присутствует.

Все это ведет к необходимости признать, что разгадка природы СЗ коренится не в анализе конкретных значений отдельных словообразовательных средств. Недаром многие специалисты по теории словообразования впадали в другую крайность и вообще отрицали наличие собственного значения у аффикса. Ср., например, утверждение А. Бартошевича о том, что "аффикс, выделяемый в производном слове, не имеет сам по себе никакого лексического значения"³³. Как же тогда, не имея своего собственного значения, он может служить одновременно главным носителем словообразовательного значения? По-видимому, это, действительно, возможно именно потому, что значение аффикса и СЗ — далеко не одно и то же. Объяснение этому обстоятельству мы предложим ниже.

Более плодотворными нам представляются те концепции, в которых СЗ связываются так или иначе с отношениями между мотивированными и мотивирующими единицами. Они могут быть описаны не столько при анализе производного как готовой данности, сколько при его сопоставлении с исходной для него единицей. Так, еще в 1966 г. В.В. Лопатин и И.С. Улуханов отметили, что СЗ отражает общее лексико-грамматическое отношение мотивирующей и мотивированных основ³⁴, а в 1967 г. Б.Н. Головин определял это отношение как различие в области семантики словопроизводной (словообразовательной) пары, способные к стандартному или аналогичному воспроизведению в других словопроизводных парах³⁵.

31 Там же.

32 Во всяком случае здесь учитывают, что очень важно, свойства производящей основы. Ср.: *Валлева Т.М.* О роли основы в суффиксации (на материале английского языка). — *Вестн. ЛГУ*, 1972, № 14.

33 См.: *Бартошевич А.* К определению системы словообразования. — *ВЯ*, 1972, № 2, с. 86.

34 См.: *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Указ. соч., с. 60.

35 См.: *Головин Б.Н.* О словообразовательной типологии..., с. 31.

Небезынтересно отметить, что подобная формулировка представлялась некоторым исследователям "неудачной в самой основе, ибо значение рассматривается не как нечто потенциально присущее суффиксу, а как отношение одного слова к другому"³⁶. Однако все дальнейшее развитие теории словообразования шло по пути уточнения и конкретизации этого положения и преодоления его первоначальной ограниченности. К началу 70-х годов определение СЗ как того общего, "что лежит в основе семантических отношений между производным и исходным словом"³⁷, получает широкое распространение. Однако в применении этого определения к фактам словообразования и здесь снова всплывали два подхода, о которых мы говорили — разностный или суммарный. В то время как первый был больше связан с методикой компонентного анализа, второй принимал во внимание более принципы взаимодействия отдельных компонентов словообразовательной модели. Можно доказать вместе с тем, что оба подхода еще не были в должной мере адекватными своему объекту, ибо они относились к такому уровню абстракции, на котором разграничение лексических и словообразовательных значений оказывалось недоступным.

В ряде случаев при таком анализе трудно было дифференцировать также словообразовательные и собственно грамматические значения. Так, характеризуя СЗ как "отличающее все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих", В.В. Лопатин указывает, что в образованиях типа *снег-снежинка* он усматривает СЗ единичность³⁸. Но ведь то же значение можно усмотреть в противопоставлении *стол-столы*. С другой стороны, если связывать это значение в производном с наличием специального суффикса, возникает вопрос, что отличает его индивидуальное значение от значения нулевой флексии при передаче ею значения единичности. Наконец, рассматривая отношения мотивирующих слов к мотивированным единицам, можно ли утверждать, что *снег-снежинка* демонстрирует тот же тип отношений, что и *соломка-соломинка* или *изюм-изюминка*? Можно ли утверждать, что отличия всех мотивированных от всех мотивирующих только в значении "единичность"? Ср., однако *лукавинка, хитринка*.

Не случайно А.Н. Тихонов, анализируя семантику словообразовательных пар, подчеркивает, что "семантические взаимоотношения производящих и производных слов характеризуются чрезвычайным многообразием"³⁹.

³⁶ См.: Максимов В.И. Указ. соч., с. 112.

³⁷ Ср.: Карашук П.М. Указ. соч., с. 10; Алексеев А.Я. Указ. соч., с. 8; Земская Е.А. Указ. соч., с. 184.

³⁸ См.: Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика (проблемы и принципы описания). Автореф. докт. дис. М., 1976, с.12.

³⁹ См.: Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. Автореф. докт. дис. М., 1974, с.13.

Если свести все это многообразие к определенному инварианту (как в приведенном выше примере), не страдает ли от этого реальное описание словообразовательных отношений? Все-таки *снежинка* — одна, отдельно взятая частица (массы) снега, а *изюминка* — одна отдельная ягода изюма — отдельный представитель своего класса, а *лукавинка* — некий квант лукавства, т.е. отдельный представитель определенного действия, называющего определенное свойство (*лукавить*) и т.д. По-видимому, в описании отличий должны как-то войти и отличия самих исходных основ.

Акцент на разность значений, постоянно повторяющуюся в отношениях словообразовательно связанных слов, делал неясным, сколько раз должно было повториться определенное семантическое различие, чтобы его можно было считать "постоянным" — ведь абсолютная продуктивность и понятие абсолютной повторяемости отношений словообразованию как будто бы чужды. Из-за общеизвестных явлений лексикализации и фразеологизации производного слова в актах словообразования подлинное различие между производной и производящей единицей в одном словообразовательном ряду широко варьирует.

Об этом хорошо сказал И.С. Улуканов: "... семантическую разность между мотивирующим словом *кожаный* и словом *кожанка* образует значение 'пальто или куртка' (*кожанка* — {кожаное пальто или куртка}). Но значение 'пальто или куртка' нельзя приписать суффиксу *-н(а)*: он выступает во многих словах, которые означают другие реалии, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим словом: *овсянка* 'овсяная каша', *дюймовка* 'дюймовая доска', *анисовка* 'анисовая настойка' и т.п. 40

Что же постоянно повторяется в отношениях этих словообразовательных пар? Отношения прилагательного с образованным от него существительным? Или все-таки какой-либо особый тип отношений? Для того чтобы ответить на подобные вопросы, надо было найти такой уровень абстракции, который, с одной стороны, мешал бы смешению СЗ с лексическими (и не приводил бы, скажем, к выделению таких СЗ, как "обозначения одежды", "обозначения продуктов питания или пищи" и пр.), но который, с другой стороны, не сводил бы указанные отношения исключительно к отношениям между частями речи (так произошло позднее в рамках аппликативной порождающей грамматики, см. ниже).

Как известно, первоначально выход из этого положения искали в том, чтобы при описании семантики словообразовательных моделей "разностным" способом найти золотую середину чисто эмпирически и перечислить относительно небольшое количество значений,

40 Улуканов И.С. Компоненты значения членных слов. — ВЯ, 1974, № 2, с. 73.

повторенных в наибольшем количестве производных слов⁴¹. Естественно, однако, что при отсутствии четких и объективных критериев выделения СЗ и при объективной трудности нахождения инвариантного значения в серии варьирующихся значений подобные описания страдали субъективизмом. Как в отношении числа, так и в отношении характера выделяемых значений описания отдельных словообразовательных моделей значительно расходились⁴². Чем дробнее были выделены в материале те или иные СЗ, тем полнее, казалось, отвечало такое описание чисто эмпирическим наблюдениям.

Недостатком описаний, построенных на тех же принципах, являлось, на наш взгляд и то, что они сознательно ориентировались на сравнение производной и производящей основ. Лишь позднее, с осознанием ограниченности подобной методики для целого ряда случаев⁴³, дериватологи переходили постепенно к сравнению пар слов, но и это сужало рамки анализа потому, что при сравнении нередко ориентировались на сравнение прямых номинативных значений сравниваемых единиц, и потому, что всю информацию об исходном слове связывали с его лексическими значениями.

В терминах рассмотренных нами выше словообразовательных процессов это означало также, что предметом словообразовательного анализа служило исключительно аналогическое или же корреляционное словообразование с простейшими типами отношений словообразовательной производности. Не случайно поэтому отдельные специалисты уже указывали на схематизм предлагаемого подхода и на его неоправданную скованность методом прямолинейного бинарного противопоставления⁴⁴, а потому – и на решительную необ-

⁴¹ Ср.: Милославский И.Г. О регулярном приращении значения при словообразовании. – ВЯ, 1975, № 6; Гловинская М.Я. Морфемная членимость слова в связи с его фразеологизацией. – АПРС, 1. Самарканд, 1972, с. 92, где ясно сформулирована задача найти для каждой словообразовательной морфемы "оптимальное число значений"; ср. также Ермакова О.П. Идиоматичность семантики и членимость слова. – АПРС, 2, с. 109.

⁴² Так, при описании семантической структуры производных прилагательных З.А.Харитончик устанавливает семь значений, М.Льюнг – девятнадцать, а Дж. Леви – только пять (см. подробнее с. 176 и сл.).

⁴³ Ср., например: Лихтман Р.И. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? – ВЯ, 1968, № 2, с. 53.

⁴⁴ См., например: предисловие Дина Уорта к словарю: *Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B. Russian derivational dictionary. N.Y., 1970*; Хохлачева В.И. Указ. соч. с. 14–15, где правильно подчеркнуто, что установление СЗ "в условиях сопоставления двух слов, пары слов не может преодолеть границы лексического значения" и подойти к его общему определению.

ходимость выйти в проведении анализа за рамки одних междусловных попарных и, тем более, за рамки внутрисловных отношений⁴⁵.

"Суммативная" концепция в рассмотрении СЗ была в этом смысле менее ограниченной, ибо в центре внимания исследователей постоянно оказывался вопрос о взаимодействии основ и аффиксов или же основ с основами в разных словообразовательных моделях производных и сложных слов.

В отечественном языкознании такой подход (сам по себе очень важный во многих отношениях, а не только для понимания природы словообразовательных значений) исходил из указаний Г.О. Винокура, который еще в 1946 г. писал: "... мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов"⁴⁶.

Как мы попытаемся показать, плодотворность этого положения заключается не только в том, что оно заставляет поставить вопрос о характере отношений между компонентами производного (откуда исследования о взаимодействии и сочетаемости морфем в морфологических структурах дериватов, а также словообразовательной потенции исходной основы и, шире "внутренней валентности" деривата; ср. в этом последнем отношении работы М.Д. Степановой), но пойти и дальше, поставив вопрос о том, какие связи и отношения в экстралингвистической действительности преломляются в виде отношений между знаками, образующими мотивированные единицы.

Учитывая взаимодействие компонентов словообразовательной модели, П.А. Соболева писала о том, что СЗ "является результатом воздействия категориального значения форманта на категориальное и лексическое, т.е. лексико-грамматическое значение производящего слова"⁴⁷. При том, что это определение сыграло свою значительную роль в становлении данного понятия, о чем мы писали в своих более ранних работах⁴⁸, оно оставляло в его содержании много непонятного. Непонятным было, как может воздействовать формант на значение производящего слова (по-видимому, для вступления в

⁴⁵ Кубрякова Е.С. Словообразование и его связи с другими лингвистическими дисциплинами. - В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докл. секционных заседаний. М., 1974, с. 91-94.

⁴⁶ См.: Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. - В кн.: Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1949, с. 421.

⁴⁷ См.: Соболева П.А. Моделирование словообразования. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., "Наука", 1972, с. 174.

⁴⁸ См. подробнее: Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. Указ. соч., с. 222-223; Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., "Наука", 1978, с. 80.

действие какой-либо формальной операции на предыдущем этапе акта словообразования еще должна быть создана соответствующая основа, лишенная к тому времени всех грамматических показателей и преобразованная также в семантическом отношении). Непонятным было и то, почему форманту приписывается в указанной дефиниции только категориальное значение (такое значение в чистом виде имеют только те аффиксы, которые служат выполнению одной транспонирующей функции). Наконец, чем именно отличается СЗ при таком его истолковании от лексического значения слова — ведь значение кожаной куртки или пальто, зафиксированное для слова *кожанка*, тоже можно рассматривать (и без всякой натяжки) как результат воздействия форманта *-к(а)* на лексико-грамматическое значение основы в слове *кожаный*. Естественно, что для дифференциации словообразовательного и лексического значений мы должны внести в указанную формулировку значительные уточнения (например, указав, что результат воздействия должен быть повторяющимся и стандартным для целой серии однотипных случаев и т.п.).

Из приведенной формулировки ясно в то же время, что СЗ приписывается слову в целом, а следовательно, связывается не только прямолинейно с использованной формальной операцией (формантом), но и с его воздействием на данную основу. Ясно также, что оно связывается каким-то образом с категориальными значениями взаимодействующих компонентов: и форманта, и исходного слова. Оставалось также указать на то, в каких отношениях находятся между собой СЗ отдельного производного и СЗ словообразовательной модели.

Рассмотрение отношений между компонентами производного слова как ключа к определению семантики производного слова и словообразовательного значения в качестве какой-то части этой семантики неизбежно должно было привести к пониманию СЗ как типичного для данной словообразовательной модели. На случайном Р.С. Гинзбург, критикуя существующие определения СЗ, пришла к выводу, что единственным конструктивным способом прийти к его дефиниции может быть анализ модели⁴⁹: СЗ и есть значение модели в целом, а не значение отдельно ее рассматриваемых частей и их сумма. Подчеркивая в середине 70-х годов, что "в принципе следует различать значение суффикса и значение модели, построенной с его участием"⁵⁰, мы тоже склонялись к тому, чтобы называть СЗ значение словообразовательной модели, но еще не определили точно, какие содержательные признаки могут исчерпывающе охарактеризовать это значение. Лишь позднее мы пришли к выводу о том, что СЗ — "это имеющее конкретную семантическую этикетку сложное, комплексное значение, отражающее смысл семантических ассоциаций между разными классами слов и передающее его в самом общем

⁴⁹ См.: Гинзбург Р.С. Несколько замечаний..., с. 185.

⁵⁰ Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. Указ. соч., с. 229.

виде, в виде игры и сплетения значений соединяющихся ассоциацией классов⁵¹. Методика такого установления СЗ возникла в ходе исследования того, что стоит за морфологической структурой деривата и какие содержательные признаки производного она должна отразить. Отражая общепринятую в 60-е годы точку зрения на семантику производного слова, Г.Маршан писал, что производное строится (rests) на связях между морфемами, которыми оно мотивировано⁵². Однако ведь производное слово мотивируется не морфемами в буквальном смысле этого слова, поэтому правильность или, напротив, неприемлемость этого положения зависит от того, что видит исследователь за связями морфем и не пытается ли он ограничить свой анализ одним рассмотрением этих связей в поверхностной структуре деривата.

Значительный шаг в понимании СЗ был сделан, по-видимому, лишь тогда, когда исследователи оценили по достоинству тот факт, что словообразовательный акт лишь завершается созданием определенной морфологической структуры и что ее образование – это только конечный шаг в сложном речемыслительном процессе наречения одного явления или предмета через другое. Для того чтобы рассмотреть результаты процесса, надо также знать его истоки и остальные звенья его протекания, а следовательно, обратиться к восстановлению всего этого процесса в целом.

Одним из таких звеньев является само установление отношений между замысливаемым обозначением и тем знаком, который кладется в основу обозначения. Так, по мнению Р.С.Манучаряна, "словообразовательное значение – это общая для ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, основанная на корреляции этих производных и соответствующих производящих"⁵³. Несомненным достоинством этого определения является то, что в нем впервые делается попытка соотносить связи структурных компонентов производного слова (ср. связи основ и аффиксов у Г.О.Винокура или связи морфем у Г.Маршана) со связями производного и производящего слов. Обращение к этим связям и позволило установить в конечном итоге, что связь между морфемами в морфологической структуре деривата – это только проекция тех связей, которые человек обнаруживает первоначально не между знаками как таковыми, а между предметами и явлениями окружающего его мира (с их знакомыми обозначениями) и которые он фиксирует и закрепляет в акте наречения⁵⁴.

⁵¹ Кубрякова Е.С. Части речи..., с. 76, ср. также с. 52.

⁵² См.: Marchand H. The categories and types of Present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960 2nd ed. München, 1962, p. 2.

⁵³ См.: Манучарян Р.С. Проблемы исследования..., с. 10-11.

⁵⁴ См. подробнее: Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование, с. 252 и сл.

Первоначальное отношение устанавливается не между знаками, а между вещами⁵⁵; в акте словосложения известны вещи, и устанавливаются сами отношения между ними; в акте словопроизводства известна одна вещь, а другая получает обозначение путем установления ее связи к этой знакомой вещи; в любом из этих случаев главным оказывается определение отношений, и именно эти обобщенные отношения и должно выразить СЗ. Но путь от вещей к их обозначениям — это ономаσιологический ракурс рассмотрения объектов анализа и, следовательно, именно он позволяет определить природу словообразовательного значения.

Итак, в работах предыдущих исследователей были выдвинуты различные концепции СЗ, и мы бегло рассмотрели важнейшие из них⁵⁶: аффиксальную, в которой СЗ связывалось с наличием аффикса и отождествлялось с ним; разные типы "конфигурационных" концепций — "разностную" и "суммативную", в которых СЗ определялось по конфигурации компонентов в поверхностно наблюдаемых структурах и по соотношению этих компонентов с мотивирующими единицами и которая в итоге привела к трактовке комбинаторной. В этой последней (о ней мы скажем более подробно) за конфигурациями компонентов словообразовательной модели начинают устанавливать взаимодействие категориальных значений⁵⁷, благодаря чему анализ переходит на иную ступень абстракций.

Созданная школой М. Докулила и отраженная главным образом, естественно, в его собственных исследованиях, эта трактовка СЗ получила также строгое формальное обоснование в рамках аппликативной порождающей грамматики⁵⁸. Эта концепция базировалась на

---

⁵⁵ См.: Бенвенист Э. Указ. соч., с. 243; Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1934, с. 53.

⁵⁶ В рассматриваемый период в советском языкознании была предложена еще одна оригинальная трактовка СЗ — "валентностная" (см.: Гинзбург Е.Л. О словообразовательном значении. — *Československa Rusistika*, 1972, v. 17; № 4, с. 146), но на ее освещении мы остановимся ниже, поскольку она связана не столько с определением СЗ, сколько с выяснением причин лексикализации производного слова через актантную структуру производящего слова и пути реализации его валентностей в структуре дериватов разных классов.

⁵⁷ Ср. особенно: Хохлачева В.Н. Словообразование существительных в русском языке (Опыт системного описания). Автореф. докт. дис. М., 1976, с. 36.

⁵⁸ См.: Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Автореф. докт. дис. М., 1970, а также многочисленные ее публикации.

рассмотрении производного слова в процессе его порождения и синтеза, а поэтому в ходе преобразования источника мотивации и его категориального значения под влиянием операции применения (апликации) деривационного шага. Деривационные структуры русского языка были, например, исчислены указанием на то, в результате применения скольких деривационных шагов и воздействия на какую основу они были образованы. Это позволило представить реализацию одной основы (корня) в мотивированных ею производных в виде словообразовательных гнезд и отразить в последнем все последовательные стадии образования производных слов с усложняющимися морфологическими структурами.

Значительным достижением этого направления было создание универсальной схемы исчисления всех СЗ путем перебора возможных сочетаний четырех категориальных значений (значений частей речи), принимаемых за исходные. В то же время недостатком подобного представления оказывался его схематизм и отсутствие методики, которая позволила бы перейти от универсальной схемы к описанию реальных и конкретных СЗ. Методика такого перехода будет рассмотрена нами после того, как мы попытаемся выделить такие критерии СЗ, которые, не противореча описанным здесь признакам, позволят свести эти последние в единую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных характеристик.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Определяя главные отличительные признаки смысловой структуры производного слова, мы усматривали их в том, что производные слова обозначают предметы "через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими"¹; обладают свойством двойной референции; представляют обозначаемое в относительно расчлененном виде, что обуславливается как противопоставлением ономаσιологического базиса ономаσιологическому признаку, так и противопоставлением формирующей части производного его отсылочной части. Сравнительно со своей семантической дефиницией производное слово отличается от нее тем, что содержит либо скрытое указание на тип фиксируемого отношения, либо на его характеристики и что в конечном счете предикация исходного суждения переведена в латентную. Если же производное, как и всякое полнозначное слово, отражает известное понятие о чем-либо, а понятие строится на суждении, содержащем функцию и аргумент, семантическая структура производного должна каким-то образом отра-

¹ См.: Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. — В кн.: Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 421.

энт и функции, приписанные аргументу в исходном суждении. Лингвистическим способом совершить это мы и считаем моделирование словообразовательного значения.

СЗ соответствует информации в производном слове, которая связана с тем, какая функция приписывается аргументу или каким образом совершается это приписывание. Функция равносильна здесь временному компоненту производного слова, каким является ононасиологический признак, аргумент – детерминирующему компоненту, каким является ононасиологический базис. В самом общем случае СЗ указывает на существование связи между базисом и признаком и иногда отождествляет его, т.е. называет сам тип связи.

Поскольку выделение указанных свойств было результатом осмысления производного как особой единицы номинации и применения к ней ононасиологического анализа, трактовка СЗ как отношения между базисом и признаком тоже может рассматриваться как ононасиологическая, т.е. идущая от анализа того, что должно быть обозначено в акте словообразования, к анализу того, какими лингвистическими средствами это достигается.

Впервые такой подход был предложен М.Докупилом, который в его классическом творчестве описанию словообразования чешского языка поставил своей главной задачей определить, как воспринимается "значение производного слова в связи с его словообразовательной формой", и почему адекватное отражение словообразования возможно только в том случае, если признавать, что "при словообразовании всегда налицо творческий акт называния"². Ответы на поставленные им вопросы М.Докупил связывает с тем, что формирование производного слова "происходит при помощи так называемых ононасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, обращующих в данном языке основу называния"³. То, что подлежит обозначению, "всегда включается сначала в определенный понятийный класс..., а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком"⁴. Детали этого процесса мы уже подробно рассмотрели ранее⁵ и здесь нам важно подчеркнуть только, что в акте номинации словообразовательного порядка имеют место две разные логические операции – мысленное подведение обозначаемого под известный класс явлений, т.е. категоризация и отождествление обозначаемого, во-первых, и его мысленное сравнение с другим предметом или явлением действительности, во-вторых. Первая операция соответствует выбору ононасиологического базиса обозначаемого,

² См.: *Dokulil M. Tvořeni slov v češtině*, 1. Praha, 1962, с. 191.

³ Там же, с. 196.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Кубрякова Е.С. Словообразовательная номинация*. – В кн.: *Языковая номинация (общие вопросы)*. М., 1977, с. 55; *Она же. Теория номинации и словообразование*. – В кн.: *Языковая номинация (виды наименований)*. М., 1978, с. 262 и сл.

вторая — его признака. Первая обуславливает проявление формирующей части производного, вторая — отсылочной. Первая есть акт классификации, вторая — установления ассоциативных связей.

«Прежде чем дать наименование какому-либо предмету, необходимо сначала знать то, что ты собираешься назвать»⁶. В этом смысле выбор ономаσιологического базиса обозначения равносильен не только простому выделению того, что подлежит обозначению, в виде отдельной сущности, но и ее отождествлению в качестве предмета, процесса, качества или свойства и т.п. Выбор базиса свидетельствует о том, что человек принял решение относительно принадлежности обозначаемого им явления к тому или иному понятийному классу — классу предметов или лиц, процессов или состояний, свойств или качеств, а, возможно, и к более частным подклассам этих классов. Эта операция предопределена смысловым заданием словообразовательного акта, т.е. она обуславливается конкретными потребностями говорящего в обозначении той или иной реалии или понятия о ней.

Напротив, выбор ономаσιологического признака означает выбор той индивидуальной характеристики, которой данное обозначаемое обладает в отличие от других предметов этой же понятийной категории, и в то же время такой, которая напоминает человеку другой знакомый ему предмет или явление.

В сложном речемыслительном акте наречения человек как бы находит сначала место обозначаемому среди других явлений действительности и понятий о них. С чисто лингвистической точки зрения такое нахождение равносильно его отнесению к определенной рубрике в сложившейся в данном языке классификации — его подведению под ту или иную часть речи и, возможно, более конкретный ее понятийный или семантический подкласс. Одновременно, по ассоциации с другим предметом или явлением, говорящий обнаруживает у обозначаемого некие признаки, тождественные тем, которые уже были известны говорящему в другом предмете, процессе, явлении. Сравнивая между собой обозначаемое, и то, с чем оно ассоциируется в мозгу говорящего, человек выносит суждение об обнаруженной им связи.

В структуре производного все эти этапы наречения находят до известной степени отдельное отражение.

Во-первых, в результате процесса категоризации или классификации обозначаемого частью его значения должно стать значение одной из имеющихся в языке ономаσιологических категорий, т.е. либо значение предметности или опредмеченности (при отнесении обозначаемого к классу существительных и любому из семантических разрядов этой части речи), либо значение процессуальности (при отнесении обозначаемого к классу глаголов или любому разряду этого класса), либо, наконец, значение признаковости (при отнесе-

⁶ См.: *Серебрянников В.А.* К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально?) — СЛЯ, 1977, т. 36, № 1, с. 16.

нии обозначаемого к классу прилагательных или наречий и их под-классам). Результаты этого процесса находят свое отражение в фиксации ономаσιологического базиса либо с помощью отсылочной, либо с помощью формирующей частей (при префиксации, например, глаголы, образуемые от глаголов, фиксируют в виде ономаσιологического базиса свою отсылочную часть, ср. *перелететь, долететь, вылететь*; а при безаффиксальной транспозиции имен в класс глаголов в виде ономаσιологического базиса выступает не отсылочная, а формирующая часть производного, ср. *стареть, дурачить* и пр.).

Во-вторых, в результате ассоциативного связывания одного предмета с другим частью значения производного становится какое-либо значение исходного имени (т.е. значение, закрепленное за предметом сравнения и его собственным названием) или какие-либо значения, ассоциируемые с целыми классами явлений. Результаты этого процесса находят свое отражение в фиксации ономаσιологического признака производного, что тоже может достигаться либо путем создания отсылочной, либо путем создания формирующей частей (так, при оценочном словообразовании признак фиксируется формирующей частью, а то, к чему он отнесен, — отсылочной; при образовании названий производителя действия от имен, напротив, ономаσιологический признак формируется за счет отсылочной части, а базис — за счет формирующей, ср. *старик, толстяк* или *танкист, гармонист*).

В-третьих, в результате установления наличия связи между обозначаемым и сравниваемым с ним явлением или даже определения ее типа ономаσιологический признак ставится в известное отношение к ономаσιологическому базису (функция приписывается аргументу). Благодаря этому в семантической структуре деривата появляется значение, отражающее указанное наличие связи или ее характер. Этим значением и является словообразовательное значение. Детерминируется им при этом не только само наличие отношения между базисом и признаком или же тип этого отношения, но и обусловленные этим отношением ролевые структуры отдельных компонентов производного слова: сама способность того или иного компонента выступать либо в виде ономаσιологического базиса, либо в виде ономаσιологического признака. СЗ — это сложно структурированное значение, называющее определенный тип отношения между определенными ролевыми структурами компонентов деривата: отношения, маркирующего один компонент производного как его базис, а другой как его признак и, следовательно, предопределяющего ту роль, которую играет в данном производном его отсылочная (мотивирующая) часть.

Итак, при ономаσιологическом подходе к производным словам СЗ может быть определено как называющее тип связи между тем, что осмысливается как ономаσιологический базис, и тем, что воспринимается как ономаσιологический признак, при том обязательном условии, что в каждой словообразовательной модели роли признака и базиса строго детерминированы, будучи закреплены, соответственно, за отсылочной и формирующей частями производного согласно типу

фиксируемого отношения. Поскольку в суждении тип фиксируемого им отношения выражен предикатом, а производное может рассматриваться как преобразованный аналог суждения о предмете, предлагаемая трактовка позволяет связать СЗ с триадой "суждение о предмете → понятие о предмете → мотивированное название предмета", полагая, что в назывании предмета производным словом СЗ служит аналогом предикативной связи между субъектом или объектом исходного суждения или же ее наличия.

Производное слово объективирует (выявляет, реализует, демонстрирует) в особом виде связь, изоморфную той, которая устанавливается между понятием, соответствующим образу обозначаемого и понятием, соответствующим предмету ассоциации (как примете обозначаемого). Таким способом лингвистического представления обобщенных, типизированных отношений между производным и производящими словами и являются словообразовательные значения, суть которых как раз и заключается, следовательно, в передаче сведений о тех типах связи, которые могут наблюдаться между базисом и данным признаком.

Если у нас есть предмет или субстанция X (*ватник, сахарница, черника*), обозначенная по отношению к понятию X₁ (*вате, сахару, черному цвету*), мы можем сказать, что *ватник* фиксирует отношение "сделан из", *сахарница* — "служит местом для", а *черника* — отношение "обладает определенным признаком (цветом)". Можно утверждать также, что в то время как *ватник* и *сахарница* фиксируют отношение одного предмета к другому, *черника* фиксирует отношение предмета к признаку, а производное типа *выключатель* — отношение предмета к действию, которое он производит и т.п. Уже из этого явно следует, что в семантике производного объективированы не только некие типы отношений, но и те величины, между которыми они фиксируются. Узкое определение СЗ — только как указателя на наличие связи или ее характер кажется нам поэтому нецелесообразным. Рассмотрим подробнее семантическую структуру конкретного производного слова и ее строение в предложенных терминах (рис. 2).

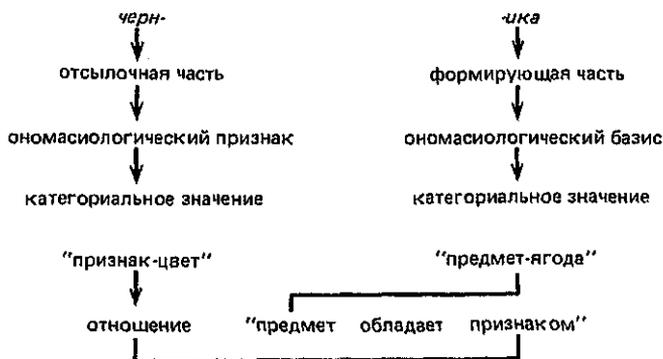

Рис. 2

В узком значении можно было бы сказать, что СЗ указывает на скрытый предикат "обладать". Очевидно, однако, что лексическое значение этого слова проявляет отчетливую зависимость от того, что признак приписывается предмету, что этим предметом является *-ика*, *ягода*, что признаком является некое свойство (ср. также *голубика*) и что само отношение осмысляется как наличие свойства, обладание им. Поэтому мы и считаем необходимым определять СЗ как называющее тип отношений между двумя категориальными значениями, как аналог отношений между предметами, процессами, признаками и соответствующими им понятиями и соответствующими этим величинам обозначениями. При таком понимании СЗ оно постулируется как характеризующее отношение между определенным базисом и определенным признаком, а вследствие этого — как маркирующее ономаσιологические роли участников описываемой ситуации. С этой способностью СЗ связано его свойство указывать не только тип отношений, но и его направление.

Так, если слово типа *черника* указывает на то, что некий предмет назван по признаку его цвета, слово типа *малиновый* указывает на то, что признак цвета может быть назван по тому предмету, для которого он характерен. Словообразовательное значение может при этом строиться по-иному, хотя в его основе по-прежнему лежит предикат "иметь, обладать" (рис. 3).

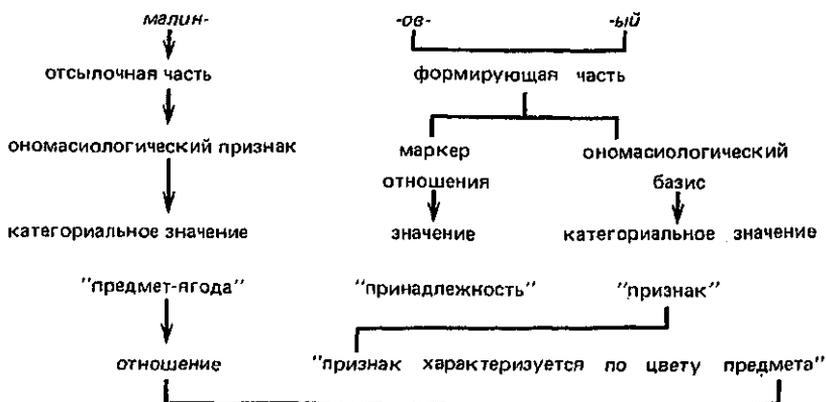

Рис. 3

Эти примеры помогают понять, почему СЗ описываются не только названием типа связи, но и названием тех величин (понятий значений), между которыми они устанавливаются. Они помогают также понять, что СЗ может быть выражено как с помощью скрытых (первый случай), так и с помощью явно выраженных (второй случай) сем: в первом случае "предикат" подсказывается естественной логикой вещей, понятной только тогда, когда осмыслено соотно-

шение данного базиса с данным признаком; во втором — он подсказан специальной морфемой.

Объясняя термин "падеж", А.А.Зализняк указал, что возможны два его понимания, которые условно можно обозначить, как "семантическое" и "формальное"⁷. Он писал: "Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например: "быть субъектом действия", "быть орудием действия", "принадлежать кому-либо (чему-либо)", "быть внутри чего-либо" и т.п.⁸ (разрядка наша — Е.К.). Из приведенного определения следует, что падежи в этом понимании можно так или иначе выразить в любом языке, ибо "если их рассматривать безотносительно к способу выражения, они выступают, как элементы некоторой универсальной системы единиц смысла"⁹.

Определение СЗ во многом аналогично приведенной дефиниции семантического падежа: это значение рассматривается как некий элемент смысла, причем тоже как определенное смысловое отношение. Ведь в слове типа *ватник* зафиксировано значение "быть предметом, сделанным из другого предмета", а в слове типа *черника* — "быть предметом, обладающим определенным цветом" и т.п. Очевидно, однако, что выражаемое здесь отношение — более сложного типа, ибо здесь указывается не только носитель отношения как такового (например, субъект действия или его орудие), как при характеристике падежа, но те две величины (категории), между которыми констатируется отношение. Формула СЗ тоже поэтому более сложна, чем та, которой интерпретируется содержание отдельного падежа. Она строится либо путем указания на наличие отношения обобщенного типа между, например, конкретным действием и его фазовой характеристикой (ср. *запеть* 'начать петь', *отцвести* 'кончить, перестать цвести'), конкретным действием и его результатом (*долететь* 'летя, достичь чего-либо' или 'лететь и достичь чего-либо', *переплыть* 'плывя, переместиться из одного места в другое' или 'плыть и в результате переместиться'... и т.п.) или же путем указания на конкретный характер фиксируемого отношения (ср. *волчий* 'такой как у волка' и 'принадлежащий волку', *слезливый* 'склонный к слезам', и пр.).

Из этого следует, что если СЗ выражает тот же элемент смысла, что и семантический падеж, скажем смысл "быть субъектом действия или "быть объектом действия" и т.п., то строится оно путем логического развития этой исходной семантической формулы в более конкретную и более сложную, например, быть субъектом

⁷ См.: Зализняк А.А. О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., "Наука", 1973, с. 55.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

действия, характеризуемым (обозначенным) по производимому действию (ср. *он заикается* → *он заика*; *he works* → *he is a worker*), "быть субъектом действия, охарактеризованным по объекту действия" (ср. *он водит танк* → *он — танкист*, *он пишет фельетоны* → *он — фельетонист*), "быть объектом действия, подвергаемым определенному действию" (ср. англ. *examinee* 'тот, кого экзаменуют', а *trainee* 'тот, кого тренируют' и пр.).

При учете способов выражения указанных универсальных элементов смысла оказывается, таким образом, что в отдельных языках мира некоторые из них имеют специальные формы выражения и тогда — уже встав на чисто формальную точку зрения — мы можем задать вопрос о том, в какую именно лингвистическую форму они облечены, с помощью каких форм выражаются. Одним из способов формального выражения падежных значений являются морфологические падежи, другим — обороты с предлогами, третьим — словообразовательные значения как значения, развивающие универсальные элементы смысла, формальным такой способ реализации универсальных значений можно назвать потому, что он овеществляется и находит отражение в такой специфической структуре, какой является производное слово — в структуре, именуемой отношением между двумя субстанциями, между двумя процессами, между двумя признаками, или же между субстанцией и процессом, субстанцией и признаком и т.д.

Если бы со словом *черника* было связано только значение 'ягода', как со словом *клюква*, такое значение можно было бы отнести с полным правом к числу лексических. Однако, поскольку внутренняя форма этого слова позволяет развернуть его дефиницию, как чего-то охарактеризованного по его цвету, мы и можем констатировать в этом слове наличие СЗ как значения, устанавливающего связь между предметом и его признаком, причем как первый, так и второй, идентифицируясь, конкретизируются: предмет — отнесением к классу, маркируемому суф. *-ика*, а признак — названием его основой слова *черн-ый*.

Именно эта идентифицированная связь двух величин и предопределяет свойство двойной референции производного слова, которое, указывая на определенный фрагмент действительности, "реферрирует" (отсылает нас) к миру вещей и обладает тем самым лексическим значением, но которое строит это значение опосредованно, *via* значение другого слова и путем указания на тип связи производного и производящего. СЗ самым непосредственным образом связаны, следовательно, с моделированием однотипных семантических отношений между исходными и производными единицами, причем это свойство проявляется в любом из процессов словообразования, описанных выше. СЗ обобщают и типизируют не просто некие смысловые отношения, но смысловые отношения, возможные между двумя предметами, между двумя процессами, между предметом и процессом и т.д. То, что на морфологическом уровне выступает в виде отношений между компонентами слова, на самом деле обобщает, конечно, те отноше-

ния и связи, которые человек видит в связях явлений окружающей нас действительности.

Все прежние определения СЗ, которые уже содержали указание, что эти значения демонстрируют самое общее в семантике отношений между мотивированными и мотивировавшими их единицами, являлись, таким образом, верными в своей основе. Существенная оговорка здесь относится лишь к тому, что слова "самое общее" в этой формулировке должны быть заменены эксплицитным описанием этого общего как единого для рассматриваемой словообразовательной модели типа связи и типа идентификации, достигаемых точным определением того, какая связь имеется в виду и между чем и чем она устанавливается.

Быть может, именно из-за отсутствия такой конкретизации и высказывались замечания по поводу описания СЗ в Грамматике-70 как лишенного указаний "на направленность смысловой модификации основ и пределы ее воздействия"¹⁰.

По-видимому, еще в большей степени этот упрек можно адресовать представителям апликативной порождающей грамматики, в рамках которой, как мы уже указывали, выдвигается требование описывать СЗ "в самом общем виде" и использовать при этом формулировки "субстанция, имеющая отношение к другой субстанции", "субстанция, имеющая отношение к процессу", "субстанция, имеющая отношение к признаку" и т.д.¹¹ Формулировками данного типа указаны универсальные типы СЗ в языках с четырьмя кардинальными частями речи, однако соответствующие им типы реальных словообразовательных значений могут быть определены и исчислены только после того, как будут определены и исчислены возможные типы отношений, которые связывают указанные универсальные величины, а также после того, как анализ покажет, в каких конкретных разрядах единиц объективируются и сами исходные категории предмета (субстанции), процесса и признака.

В конечном счете СЗ зависит и от природы категорий, связь между которыми устанавливается в акте наречения, и от характера фиксируемого значения. Для классификации СЗ надо поэтому изучить механизм соотношения разных категориальных значений, которые представлены в языке и которые отражают лингвистическое видение и лингвистическую классификацию предметов и явлений внешнего мира, включая осмысление и классификацию типов связей. За СЗ стоит тысячелетний опыт человека и его умение обобщать факты, абстрагировать наблюдаемое и познаваемое, в частности, и его умение классифицировать типы отношений и связей.

Подобно всем типам значения, СЗ отражают "процесс языковой интерпретации понятийных категорий", сущность которого была так

¹⁰ Хохлачева В.Н. Проблема словообразовательного значения. — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977, с. 7 и сл.

¹¹ См.: Соболева П.А. Моделирование словообразования. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972, с. 174.

ярко охарактеризована А.В.Бондарко¹². В этом процессе языкового отражения неязыковых объектов он справедливо выделяет два аспекта: мыслительно-языковой и мыслительно-речевой. В первом случае речь идет о моделях преобразований логических структур и понятийных категорий в системные языковые семантические функции, т.е. системных способах отражения определенного внеязыкового содержания (понятийной категории) лингвистическими средствами. Здесь "имеется в виду присущее данному языку соответствие между определенной понятийной категорией и возможными вариантами ее передачи семантическими функциями разных языковых средств"¹³.

Второй (речемыслительный) аспект языковой интерпретации понятийных категорий связан с реализацией языковых моделей в речи.

Это разграничение важно и для теории СЗ, ибо между СЗ, выделяемыми как некие абстракции и существующими как системно отработанные способы передачи определенного содержания, и СЗ, реализуемыми в речи, существует известное различие. Чтобы проанализировать функционирование СЗ в живой речи, надо предварительно определить, какие типы СЗ возможны в системе языка. Это позволит дифференцировать более четко то, что дифференцирует СЗ словообразовательной модели, и СЗ отдельного производного слова со всем тем в его семантике, что относится к "дополнительным наслоениям в способе отражения ситуаций, отношений и свойств объективной действительности"¹⁴, и к области так называемых идиосинкратических (индивидуальных) характеристик производных слов.

Итак, СЗ возникает в акте наречения как результат установления определенных отношений между тем фрагментом действительности, которому мы хотим дать название, и тем, с которым мы его сравниваем. Категория отношений и связей есть категория, обычно характеризующаяся соотношением, по крайней мере, двух величин. В самом общем случае мы утверждаем о наличии связей тогда, когда можем объяснить одну величину через другую и определить некий тип зависимости между ними. Констатируя определенный тип связи, СЗ тоже отражают наличие зависимости между двумя разнорядковыми сущностями, а именно: между ономаσιологическим базисом наименования (тем, что рассматривается в качестве основы обозначаемого) и его признаком, а соответственно, между отсылочной и формирующей частями производного, которые, впрочем, могут коррелировать с базисом и признаком не тождественным образом.

Смысловая модификация, являющаяся следствием сочетания двух категориальных значений и их взаимодействия, может быть, таким

¹² См.: Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике. — В кн.: Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения. М., "Наука", 1974, с. 67.

¹³ Там же, с. 68.

¹⁴ Там же, с. 78.

образом, описана за счет установления корреляции между всеми перечисленными единицами: базисом и признаком, отсылочной и формирующей частями производного, категориальными значениями со всеми теми последовательностями, в которых они находят свое выражение, и, наконец, типами фиксируемых связей.

В аппликативной порождающей грамматике было оценено по достоинству лишь одно из этих обстоятельств: игра и переплетение (комбинаторика) категориальных значений. Когда, вслед за М. Докулилом, здесь отвели решающую роль в формировании семантики производного слова понятийным, или ономаσιологическим, категориям предметности, признаковости и процессуальности, а также их комбинаторике в структурах разного рода, в теории словообразования был сделан важный шаг вперед на пути к обобщенному представлению системы словообразования. В сущности такая концепция отвечала конструктивным предложениям, выдвигавшимся в тот период многими советскими и зарубежными лингвистами. Описывая факты словообразования, здесь правильно утверждали, что в определении СЗ "надо исходить из общих отношений, существующих и возможных у тех или иных предметов мысли"¹⁵. Нам кажется вполне правильным и вывод о том, что "значение производных (словообразовательное значение) — явление обусловленное внутренним соотношением производных и производящих как единиц частей речи"¹⁶, между тем это заключение является итогом исследования, далекого от аппликативной порождающей грамматики и выполненного в целом в том русле традиций отечественного языкознания, которые связаны более со статическим, чем с процессуальным подходом к языку.

Несомненно, однако, и то, что в выдвинутых теориях СЗ оставалось немало неясного и спорного¹⁷. В настоящей работе делается попытка преодолеть подобную неясность и известный схематизм в рассмотрении и классификации СЗ за счет двух обстоятельств: за счет уточнения понятия "иметь отношение" и, следовательно, конкретизации возможных предикатов внутри СЗ, а также за счет содержательного истолкования тех разрядов слов, которыми могут быть представлены в языке общие категории предметности (субстанции), признаковости и процессуальности.

Заметим также, что если бы, действительно, СЗ могли описываться в таких формулах, как "предмет, имеющий отношение к признаку или процессу" и пр., словообразование следовало бы признать областью выражения грамматических значений: ведь такие общекатегориальные значения как предметность, признаковость и процес-

¹⁵ См.: *Сартковский А.* К определению системы словообразования. — ВЯ, 1972, № 2, с. 89.

¹⁶ См.: *Хохлачева В.Н.* Словообразование существительных в русском языке. Автореф. докт. дис. М., 1976, с. 31-32.

¹⁷ См. подробнее: *Ширшов П.* Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке. — ВЯ, 1979, № 5.

суальность – это значения, находящие свое выражение на уровне частей речи, и потому значения грамматические¹⁸.

Во все указанные универсальные формулы мотивации мы вводим понятие “расшифрованный тип связи”, когда подставляем в эту формулу конкретный предикат взамен глухого указания на наличие отношения, а также слова-идентификаторы, которые подставляем взамен неопределенного указания на характер ономаσιологического базиса (в формулах аппликативной грамматики он фиксируется такими словами как “предмет”, “процесс” или “признак”).

Самым сложным этапом подобного исследования оказался этап нахождения подходящих слов-идентификаторов, которые обеспечили бы достаточно общее и вместе с тем достаточно естественное описание СЗ. В ходе этих поисков обнаружилось: кардинальное различие между образованием признаков слов, с одной стороны (глаголов и прилагательных), и предметно-субстанциональных – с другой; кардинальное различие между использованием в качестве мотивирующего слова глагола, с одной стороны, и имен (существительных и прилагательных) – с другой; принципиальная отягощенность категориальной семантики любого полнозначного слова его индивидуальной семантикой.

Три перечисленные важные особенности связаны, видимо, со спецификой семантики слов разных частей речи и с использованием в акте словообразования разных значений из смысловой структуры мотивирующего слова. В свою очередь первое из указанных обстоятельств выступает по-разному, с одной стороны, в тех случаях, когда акты словообразования направлены на создание слов разных частей речи и, с другой стороны, когда они ориентируются на слова разных частей речи в своих истоках. Поскольку все эти особенности сказываются и на формировании СЗ, рассмотрим их хотя бы в самом общем виде.

В зависимости от потребностей говорящего, создаваемые производные образуются как слова разных частей речи. Вполне правомерно поэтому поставить вопрос о том, какие значения может приобрести исходный знак, будучи подведенным под одну из существующих частей речи. Этот вопрос, на который мы ответим подробнее ниже, упирается не только в необходимость перечислить новые СЗ, возможные в пределах той или иной части речи, но и в необходи-

¹⁸ Ср.: *Бондарно А.В.* Указ. соч., с. 68, где указывается, что языковая интерпретация понятийных категорий налицо во всех значениях грамматического уровня, начиная со значений частей речи. См. также: *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 1972, с. 135; *Уфимцев А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974; *Стеблин-Каменский М.И.* Об основных признаках грамматического значения. – В кн.: *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании, Л., 1974, с. 11, 15 и др.; *Кубракова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978, с. 45.

мость очертить самые общие семантические признаки отдельных частей речи. Включенное в тот или иной класс слов, производное становится носителем его общекатегориальной грамматической семантики. Оказывается, однако, что, если глаголы и прилагательные по своей внутренней семантической природе достаточно широки и неопределенны, и область их референции имеет весьма расплывчатые границы, существительное обычно, напротив, связано с миром действительности более прямыми связями. Его область референции обычно более определена.

Эти особенности существенно сказываются и в сфере словообразования. Производные глаголы и производные прилагательные имеют обычно более регулярные, более общие значения, число которых относительно невелико; производные существительные развивают огромное количество специализированных значений. Связанные более тесно с предметным миром, они характеризуются такими разнообразными значениями, что классификация их может строиться по разным основаниям, а зачастую она становится настолько дробной, что сливается с классификацией реальных. Это предопределяет особые трудности в установлении слов-идентификаторов, необходимых для характеристики производных существительных. Разнородность и богатство лексических значений в сфере существительного ведут к тому, что каждое новое производное существительное подводится не столько под некий семантический разряд слов, общий для значительной серии слов, но под узкие семантические классы (типа "ягоды", "места продажи чего-либо", "места хранения чего-либо", "деревья" и т.д.). Они и сами развивают разнообразные лексические значения, да и создаются для обозначения столь неодинаковых конкретных и общих реалий, что в целом их семантические границы, отчетливые в каждом отдельном случае, в качестве границ класса оказываются трудно уловимыми.

Глагол и прилагательное в этом отношении могут быть противопоставлены существительным: в их семантике явно проступает общая признаковая семантика этих слов. Производные глаголы и прилагательные отражают это свойство своих частей речи: их значения более предсказуемы, более регулярны и в словообразовательном отношении менее разнообразны, т.е. проще подводятся под инвариантные формулы и поддаются истолкованию с помощью "естественных" слов-идентификаторов.

В зависимости от намерений говорящего отнесение к какой-либо ономастологической категории может быть простым включением обозначаемого в неопределенно-очерченный класс предметов, процессов или признаков, или же может быть ориентировано с самого начала на подведение под один из частных классов этой категории. В первом случае в смысловой структуре производного появляются такие значения как "+ предметность", "+ процессуальность", "+ признаковость". Во втором эти значения должны фиксироваться в более конкретном виде: предметность как принадлежность ее частному разряду. Ср. показательные в этом смысле пары *рулить* и *асфальт*-

тировать, когда первый глагол означает просто 'действовать рулем', но когда второй конкретизирует совершаемое действие как 'покрывать асфальтом'. Ср. также *лесной* как 'относящийся к лесу и с лесом связанный', но *лесистый* — 'богатый или изобилующий лесами' и т.п.

Следовательно, можно отметить, что при образовании производных прилагательных и глаголов мы нередко наблюдаем случаи первого типа; при образовании производных существительных опредмечивание часто сопряжено с лексикализацией и фразеологизацией производного; известное исключение здесь составляют лишь отглагольные *nomina actionis*.

Сложность описания комбинаторики категориальных значений усугубляется и тем, что и сема, реализуемая основой непосредственно мотивирующего слова, выступает реально в актах словообразования отнюдь не только как представитель определенной части речи, что позволило бы сравнительно легко установить ее общекатегориальное частеречное значение. Она выступает как вполне конкретная единица словарного состава и, значит, единица индивидуальная. Естественно поэтому, что и общекатегориальное значение проступает у такой единицы, будучи преломленным чрез призму ее собственного уникального значения. Каким бы общим ни мыслилось отношение к такой единице, оно несет на себе печать ее неповторимости и, значит, выступает как отношение специализированное. Так, в слове *барабанщик* общее отношение "использовать" или "направлять действие на объект действия" специализировано потому, что специализирован объект действия *барабан*.

В принципе мотивирующее слово выступает в акте наречения и как представитель своей части речи, и как представитель определенного лексико-семантического разряда (ср. понятие семантической темы у Д.Н.Шмелева¹⁹). Это обуславливает влияние общекатегориальной семантики исходного слова через влияние его лексической семантики. Для определения СЗ в конкретном производном и в словообразовательном ряду важно уметь отличить влияние семантической темы слова от влияния его индивидуальной семантики.

Так, становясь мотивирующим словом, прилагательное *синий* выступает и как представитель категорий признаков, но одновременно — и как представитель категории признаков цвета. В смысловой структуре производных от него может просвечивать именно эта типовая, "тематическая" семантика, ср. *синева неба* 'синий цвет неба', *синь* 'синяя краска' (спец.), *синька* 'синяя краска для подкрашивания тканей', *синяк* 'посиневший кровоподтек на теле', т.е. 'приобретший синий цвет'.

При переводе с другого языка мы особенно ясно ощущаем наличие этой скрытой семы и должны восстановить ее, выразив в

¹⁹ См.: Шмелев Д.Н. Проблема семантического анализа лексики. М., "Наука", 1973, с. 107.

эксплицитной форме. Нередко – при отсутствии точного словного эквивалента – мы должны передать такую тему отдельным словом, например: Die Bouquinisten am Quai tun ihre Kästen auf, und das frische oder vernutzte Gelb der Bücher, das violette Braun der Bände, daß größere Grün einer Mappe: alles stimmt, gilt, nimmt teil und bildet eine Vollzähligkeit, in der nichts fehlt (R.M. Rilke. Werke. Auswahl in zwei Bänden. Bd. 2. Berlin, 1959, S. 18), где субстантивация прилагательных со значением цвета (das Gelb der Bücher, das violette Braun и т.п.) приводит к образованию имен, которые трудно было бы передать на русском языке производными типа *желтизна* и которые должны быть скорее переведены с помощью развернутых словосочетаний (т.е. возвращением к источнику мотивации или же к слову-идентификатору всей группы производных). Отсюда возможный перевод в следующем виде: 'Букинисты на Набережной открывают свои ларьки, и *желтый цвет книжных обложек* – новых и старых, *фиолетово-коричневый цвет книжных томов* и *зеленый цвет большой карты*, – все это прекрасно сочетается друг с другом и образует гармонию, в которой нет ничего недостающего'.

She pointed to a large square canvas ... It didn't mean anything at all, but it was nonetheless very decorative and suitable to the room, which was all whites and browns and yellows" ... (L.R.Banks. The Backward Shadow. London, 1978, p. 27), где перевод описания комнаты должен отразить, что "... картина... подходила к комнате, которая вся была выдержана в *белых, коричневых и желтых тонах*'.

Закономерности влияния таких значений, общих для слов одного лексико-семантического разряда, должны стать предметом специального анализа, ибо до сих пор непонятно, насколько зависит СЗ от такого влияния. Ясно, что для этого требуется прежде всего знание главных тематических группировок слов в пределах одной части речи. Неоднимую помощь в проведении анализа могли бы оказать нам идеографические словари²⁰.

Таким образом, методика определения СЗ оказывается тесно связанной не только с установлением игры и взаимодействия категориальных значений, взятых *suí generis*, но и с более сложным и более тонким определением тех семантических разрядов, которыми манифестируются и объективируются общие категории предметности, признаковости и процессуальности. Понимание значимости фактора тематизации слов присутствовало в основном в тех работах по словообразованию, где изучались результаты воздействия исходного слова на семантику мотивированного им образования и где главное внимание уделялось вопросам сочетаемости основ данного типа с другими основами или же аффиксами. Не менее существенна, однако,

²⁰ Ср.: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., "Наука", 1976.

роль этого фактора и в процессе включения нового слова в определенную часть речи, ибо, как мы пытались подчеркнуть, становясь словом определенной части речи, производное должно обрести способность передавать не только обязательные для данной части речи грамматические характеристики. Оно неизбежно становится представителем своей части речи и в чисто семантическом отношении и должно выражать тот же круг значений — по крайней мере на определенном уровне абстракции, — который экспонируется и другими словами этой части речи в данном языке.

Поскольку эта проблема имеет, на наш взгляд, важное значение для классификации и содержательной интерпретации словообразовательных значений, рассмотрим ее в следующей главе более подробно.

Еще одно соображение касается структуры представления СЗ. Формулы СЗ, предлагавшиеся в аппликативной грамматике, всегда выступали в виде трехчленных конструкций. Однако при реальном описании СЗ нередко встречались и двухчленные дефиниции. Объяснение этого факта можно усмотреть в том, что СЗ проявляет отчетливо выраженную зависимость от тех величин, связь между которыми в нем устанавливается. Отсюда правило: если данным СЗ отражается связанность двух предметов или признака и предмета, его формула будет носить трехчленный характер. Если же данное СЗ определяет наличие связи между двумя процессами или процессом и признаком и т.д., его формула будет носить двухчленный характер.

СЗ и в этом отношении изоморфно разным типам синтаксических конструкций. Так, отношения между предметами могут быть выражены не менее чем трехконституентной семантической структурой²¹.

В принципе любое СЗ фиксирует "в глубине" отношение двух величин, однако "на поверхности" оно может быть реализованным двухчленной структурой в том случае, когда, например, реально представленный в структуре деривата глагол соответствует предикату в мотивирующей конструкции и когда он одновременно и указывает на наличие связи, и называет ее²². По этому принципу строятся, например, СЗ, представленные в отыменных глаголах или глаголах, образованных с помощью приставок.

²¹ Ср.: *Абрамов В.А.* О моделировании семантических структур. — В кн.: *Значение и смысл речевых образований.* Калинин, 1979, с. 7.

²² См.: *Степанов Ю.С.* Семиологический принцип описания языка. — В кн.: *Принципы описания языков мира.* М. "Наука", 1976, с. 224.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ И ИСЧИСЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Развивая мысль о том, что основу называния производным словом составляют главные ономазиологические категории языка и выделяя среди них категории предметности, процессуальности и признаковости, мы пришли к выводу, что и словообразовательные значения, объективируемые в производном слове, представляют собой такие категориально-идентифицирующие значения в системе языка, которые строятся путем указания на отношение одного категориального значения к другому. Ономазиологическая категория приобретает, таким образом, характер словообразовательной, когда в основе ее лежит не отдельно взятое значение предметности, процессуальности или признаковости, но когда она обуславливается существованием формы, овеществляющей и отражающей взаимодействие каких-либо общих категорий. Ономазиологическая категория становится словообразовательной, когда она реализуется производными, мотивированными единицами языка, объединенными одним и тем же СЗ.

Мотивированные единицы, называя предмет, признак или процесс, называют его опосредованно — через первоначальное указание на другой предмет, признак или процесс и путем указания на тип отношений между ними. СЗ отражают этот факт, складываясь и существуя как такие категориально-идентифицирующие значения, которые определены по их отношению к одному из трех категориальных значений частей речи, зафиксированному основой непосредственно мотивирующего слова и потому преломленному через лексическое и грамматическое значения этого последнего.

Словообразовательные значения выступают, таким образом, как иерархически упорядоченные и сложно организованные структуры, называющие тип отношений между двумя величинами или указывающие на его наличие между величиной, воспринимаемой в качестве ономазиологического базиса обозначаемого, и величиной, воспринимающейся и фиксируемой в качестве его ономазиологического признака. Оно возникает при назывании члена одной ономазиологической категории через другую и по отношению к другой ономазиологической категории или же по отношению к другой разновидности той же ономазиологической категории.

Формой существования СЗ оказывается, соответственно, структура, которая может отразить конкретный результат взаимодействия сочетающихся категорий, из которых одно, главное в иерархии совмещающихся значений, указывает на ту часть речи, под которую в акте словообразования подводится обозначаемое, а другое, подчиненное, указывает на ту часть речи, из которой было взято непосредственно мотивирующее слово и к которой оно само принадлежит. Каждое категориальное значение, фиксируемое в структуре СЗ, должно получить, на наш взгляд, как и тип отношений, который здесь объективируется, свое содержательное истолкование. Как мы ука-

зывали, формулы СЗ, применявшиеся в аппликативной порождающей грамматике, были чрезвычайно общими, неконкретными и не давали возможности приблизить универсальное описание возможных СЗ к описанию реальных СЗ, обнаруживаемых в словообразовательных системах отдельных языков.

Мы предлагаем избежать этих недостатков путем замещения каждого члена указанных формул более конкретным словом – идентификатором. Методику такого замещения мы и постараемся продемонстрировать ниже.

Представляется, что в мозгу говорящего существует хоть и расплывчатое, но достаточно ясное представление о том, какие значения связываются с глаголом, а какие – с существительными или прилагательными. Положение традиционной грамматики о том, что существительные отвечают на вопрос *кто или что это*, прилагательные – на вопрос *какой или чей*, а глаголы – на вопрос *что делает*, было далеко не так тривиально как об этом любят говорить. Несмотря на воистину огромный диапазон тех конкретных, индивидуальных, лексических значений, которые, действительно, представлены, например, в области существительных, здесь, несомненно, имеется и то, что можно было бы назвать образом существительного и что отвечает единообразной семантике в структуре всех существительных. Каждое лексическое значение по необходимости подводится под некую общую категорию, и объяснить содержание части речи и значит определить эту общую категорию¹. Есть, несомненно, такой образ (абстрактное представление) и у существительного (то, что есть предмет или что мыслится как предмет), и у прилагательного (то, что есть признак и что мыслится как признак, свойство или качество), и у глагола². Ведь о каждом понятии, выражаемом глаголом, мы можем спросить: сколько времени ты...? (читал, писал, спал, болел и т.п.) или как долго это продолжалось?

Каждая из таких категорий реализуется и находит свое отражение в субкатегориях грамматического, словообразовательного или лексического характера, причем принадлежность субкатегории к области грамматики, словообразования или лексики может быть формально обоснована (по крайней мере, в том, что относится к ядру этих областей) – различием в способах выражения этих категорий разными лингвистическими средствами. Может быть обосновано это различие, хотя и достаточно условно, самой категориальной семантикой – тем, на каком уровне абстракции выделена категория и соответствующее ей содержание.

¹ См.: Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. – В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 79; Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 136.

² См. подробнее: Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

Чтобы объяснить смысл этого последнего положения, введем понятие о разных уровнях членения категории на субкатегории, и постараемся ответить на вопрос, как можно представить членение главных понятийных (ономасиологических) категорий языка и какому уровню абстракции это соответствует.

Общая категория наименования элементов окружающей нас действительности³ членится первоначально на предметные и непрямые наименования. Непрямые имена делятся далее (уже как названия признаков) на имена, мыслящиеся как изменяемые во времени (глаголы) и как во времени не изменяющиеся (прилагательные, наречия и предлоги). Названия, обозначающие признаки статические, делятся на названия, характеризующие признаки предметов и действий, с одной стороны, и признаки отношений между предметами или между действиями и предметами – с другой. Это соответствует выделению прилагательных с наречиями и предлогов и т.д. Мы доходим до такого уровня абстракции и такого уровня членения, на котором противостоящими друг другу оказываются разные части речи и такие частицы, как предлоги, основным значением которых можно, по-видимому, считать координацию, а, следовательно, значения отношений⁴.

Рассмотрим теперь, как происходит дальнейшее членение частей речи, т.е. их категоризация и субкатегоризация.

Существование у каждой части речи своего главного значения подтверждается прежде всего характером присущих им грамматических значений⁵. Поскольку грамматическое значение обнаруживается, как правило, для каждого слова определенной части речи, такое значение не может не согласовываться с единым обшкатегориальным значением своей части речи и не служить ее модификации и уточнению. В этом смысле можно говорить, что содержательные

³ Ср.: Лешка О. К вопросу о частях речи в описательной грамматике славянских языков. – В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., "Наука", 1974, с. 36 и сл.

⁴ Ср.: например: Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи, с. 22, 31; Лашанская С.С. Номинация и полисемия в шведском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1974, с.23.

⁵ См., например, замечание, что "...из значения предметности существительных вытекает значение числа с его разновидностями (единственность и множественность), из значения качественности прилагательных – значение степени с конкретными значениями степеней сравнения и т.д. Эти общие значения, проявляющиеся через их формально выраженные разновидности, и следует считать категориальными значениями, т.е. грамматическими категориями" (Чесноков П.В. О предикативности как свойстве предложения. – В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., "Наука", 1975, с. 172.

видоизменения слов одной части речи связаны прежде всего с их способностью передавать грамматические значения данного языка. Субкатегоризация отдельной части речи начинается обычно с выделения наиболее объемных группировок слов этой части речи, объединяемых по одному определенному грамматическому признаку (значению).

Так, существительные, объединяемые наличием у них значения предметности, реализуют это значение в противопоставлениях по роду или одушевленности ~ неодушевленности, а далее – по числам и падежам. Если говорить на первом уровне абстракции о существовании трех областей – предметных, процессуальных и признаковых значений, соответствующих кардинальным частям речи, то на уровне абстракции, приходящемся на членение самих предметных, процессуальных и признаковых обозначений, следует говорить прежде всего о грамматической субкатегоризации категорий. Второй уровень абстракции приходится, следовательно, у разных частей речи на реализующие их грамматические категории.

Для существительных уровнем грамматической модификации предметных значений является обычно тот, который соответствует классификации существительных по роду или же одушевленности/неодушевленности и который далее отражен в видоизменениях существительных определенного рода по числам и падежам.

Для прилагательных уровнем грамматической модификации может явиться их распределение по роду, а также их дальнейшее видоизменение по степеням сравнения, падежам, определенности/неопределенности и т.п.

Об этой субкатегоризации можно было бы и не говорить особо, если бы СЗ не обнаруживали явной тенденции служить выражению тех же смыслов и тем самым продолжать категоризацию, начатую на грамматическом уровне. Способность СЗ развивать и уточнять, а иногда как бы и дублировать грамматические значения, заставляет обращать особое внимание на связи, которые в отдельных языках характеризуют грамматические и словообразовательные категории, а также на принципиальное различие форм, в которых каждая из них находит свое выражение.

Так, в языках, где существительные характеризуются категорией рода, носящей согласовательный характер, СЗ оказываются связанными с содержательным противопоставлением по родо-половому признаку (ср. *учитель-учительница, летчик-летчица, бобр-бобраза* и пр.). Специальными словообразовательными средствами могут также маркироваться одушевленность/неодушевленность. Сингулятивы и собирательные имена связаны обычно с противопоставлениями числового характера, т.е. как бы подчеркнута описывают единичность или, напротив, множественность предметов. Целые классы производных существительных оказываются в известном смысле параллельными тому, что в грамматике связывается содержательно с разными падежами.

Точно также аспектуально-видовые характеристики глагола обычно оказываются тесно связанными со словообразованием, и грани

между формообразованием и словообразованием нередко относительно подвижны. Фазовые характеристики глагола имеют в одних случаях грамматический модус существования, в других — деривационный.

При классификации СЗ надо, по-видимому, выделять прежде всего те, которые по своему содержанию изоморфны грамматическим значениям данного языка и лишь маркируют это значение иными по сравнению с грамматическими средствами способами. Так, в слове *виноградина* содержательно представлено то же значение единичности, которое можно обнаружить и в слове *книга*; в первом случае, однако, обозначающем 'одна отдельно взятая ягода (штука) винограда'; отдельность предмета и его единичность подчеркнуты особо. Да и структура производного строится как указывающая на особое отношение обозначаемого к мотивирующему слову: отношение отдельно существующей части к своему целому. Признак СЗ — указание отношения одной категории к другой — здесь явно налицо.

Сложную структуру обозначения можно обнаружить и в словах типа *художница, летчица* сравнительно со словами *художник, летчик*, хотя семантический сдвиг может быть описан в грамматических терминах ("женский род"), структура значения здесь иная — строится она на соотношении двух категориальных предметных значений и на установлении их отношения. *Художница* — это 'женщина-художник', где отношения аппозитивны (эта женщина — художник, этот художник — женщина).

Для СЗ такого рода хорошо бы иметь специальное обозначение (когда-то в словообразовании германисты использовали в этих целях термин "мутация", но теперь его употребляют обычно в другом значении). Процессы словообразования, результатом которых оказывается СЗ, словом-идентификатором которого служит в начале формулы то же слово, характеризующееся и имеющееся в данном языке грамматическое значение (например, род), можно было бы назвать процессами грамматикоподобной деривации. Неудобство такого термина, однако, мы полностью осознаем.

Иерархия субкатегориальных значений, реализующих отдельные части речи вне сферы грамматики, еще далеко не ясна: предметом специальных исследований являлись не столько лексико-семантические разряды слов, сколько разряды грамматические. Представляется поэтому, что все классификации, предлагаемые ниже, могут рассматриваться как пробные, предварительные, более способные отразить методику достижения классификации, чем истинную таксономику категорий. Несмотря на это, даже в своем несовершенном виде, рассматриваемые классификации могут, как нам кажется, пролить свет на то, как происходит формирование СЗ.

Мы исходим из гипотезы о том, что для каждой отдельной части речи существуют свои собственные СЗ, доминирующую роль в содержании которых играют те элементы смысла, которые характерны для слова как для представителя данной части речи, и элементы смысла, которые объективированы в главных семантических

разрядах изучаемой части речи. Основная задача в описании и классификации СЗ заключается, следовательно, в определении этих детерминирующих семантику производных элементов смысла. Следовательно, это связано с общей семантической классификацией процессуальных, предметных, признаковых (в том числе и реляционно-признаковых) категорий (значений) и субкатегоризацией, распределением значений внутри этих категорий.

Начнем наше рассмотрение с классификации процессуальных значений. Среди глаголов, объединенных в целом своей способностью изменяться во времени и мыслиться во времени и в динамике, в протекании, т.е. процессуально, разными лингвистами выделяются разные семантические классы глаголов. Мы, однако, считаем универсальным параметром глаголов то, что они обозначают процессы⁶.

В свою очередь процессы делятся на действия, процессы бытия и становления, состояния и отношения. Таким образом, если начать членение категорий с уровня уже выделенных частей речи, и его рассматривать как первое, на втором уровне членения среди процессуальных значений могут быть выделены (рис. 4):

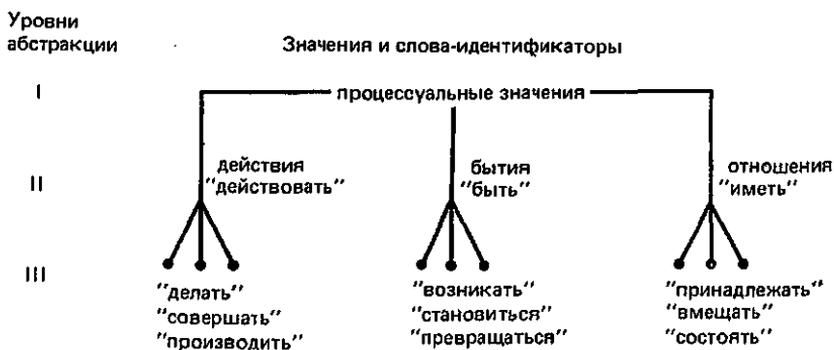

Рис. 4

На рисунке указана классификация глаголов и слова-идентификаторы для каждого выделенного класса; разветвление графов демонстрирует, что членение, начатое на втором уровне, может получить дальнейшую детализацию на следующем уровне членения. Так, глаголы действия могут делиться далее на собственно действия (*пить, есть, читать*) и движения, или же глаголы физические и интеллек-

⁶ Ср.: Гак В.Г. Высказывание и ситуация. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1972. М., "Наука", 1973, с. 361 и сл., Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., "Наука", 1964, с. 9; Кубрякова Е.О. Части речи..., с. 47.

туальные – чувства⁷; процессы бытия могут быть процессами возникновения (“начать быть”), претерпеваниями (“изменяться”, “превращаться в”) и конца (“перестать быть”) и т.п. Поскольку для словообразования другие смыслы имеют меньшее значение, мы на дальнейшей детализации категорий более не останавливаемся.

Для наших целей важно по-видимому, выделить классы глаголов, словами-идентификаторами которых еще Ш. Балли предложил считать глаголы ETRE “быть”, FAIR “делать” и AVOIR “иметь”⁸.

Интересно отметить, что при образовании глаголов от глаголов СЗ строятся не так, как при образовании глаголов от имен. Это можно объяснить тем, что исходные глаголы (мотивирующие производные глаголы) уже содержат перечисленные значения в своих собственных структурах, благодаря чему их модификация предполагает уточнение их семантики либо в грамматическом плане (продолжение и уточнение аспектуальных характеристик, залоговых, временных и т.д.), либо путем уточнения тех отношений, в которых могут находиться между собой разные процессы, разные действия и т.д.). Показателями же таких отношений могут являться опять-таки предикаты бытия (особенно обозначающие фазовые характеристики глагола – начать, кончить, продолжать, достичь предела и т.д.), так и квантификаторы (много, мало, однократно, многократно, повторно и т.п.) или же другие слова, служащие сами передаче значения отношения (предлоги → префиксы или превербы → префиксы).

Напротив, при образовании глаголов от других частей речи эти производные должны приобрести семантические свойства глагола, а, значит, развить одно из указанных нами общих категориальных значений. Для их выражения во многих языках существуют специальные деривационные форманты.

В целом, если производный глагол может быть описан семантической дефиницией, включающий мотивирующую единицу в сочетании с одним из указанных предикатов (в качестве маркера имеющего место отношения), можно, по-видимому, говорить об общих СЗ; если же в дефиницию следует включить еще какие-либо уточнители, что связано с переходом на нижележащий уровень абстракции (см. рис. 4), можно говорить о частных СЗ.

Производные типа *стареть* ‘становиться старым’ или *старить* ‘делать старым/старее’ или *рулить* ‘действовать рулем’ или *вдовствовать* ‘быть вдовцом’ и пр. могут рассматриваться как передающие общие СЗ. Такими же можно считать СЗ, возникающие в результате комбинаторики значений на одном уровне абстракции: ср. “делать” +

⁷ Ср.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 126 и сл.

⁸ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 283; Ворожцов Б.Н. Синтаксическая конструкция и словообразовательная модель. Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 7.

+ "быть" ("сделать так чтобы было...") → "снабдить" или "давать", ср. *премировать* 'давать премию' = "сделать так, чтобы иметь", *финансировать* 'снабжать финансами' = "сделать так, чтобы иметь" и пр. → "каузировать".

Очень важно, что в формуле СЗ слова-идентификаторы могут заменяться (по мере необходимости) более точными и более "естественными" синонимами. Так, глагол "делать" нередко имеет смысл заменять предикатами "вызывать" (делать, чтобы) или "причинять" или даже "возбуждать" (ср. *ссорить*, *мирить*); в ряде случаев его реальное значение лучше передать предикатом "производить" (делать что) – ср. *шуметь* или даже "издавать" (о звуках) – ср. *азать*, *ойкать* и пр.

Глагол "быть" можно заменять словами-идентификаторами "являться" (ср. *бездельничать*, *воровать*) или даже "функционировать". Выбор подходящего предиката обусловлен семантикой мотивирующего слова, но опять-таки не столько его значением как индивидуальной единицы, сколько его принадлежностью к тому или иному семантическому разряду слов. Это предполагает знание главных классов слов всех частей речи.

На выведении таких значений и определении их иерархии базируется возможное исчисление СЗ, которые расшифровываются и описываются как выражающие указанные смыслы относительно тех явлений действительности (и их обозначений), которые названы непосредственно мотивирующими словами.

Конечно, СЗ в слове типа *старить* можно было бы интерпретировать и более сложно указывая, что оно передает процессуальное значение действия, направленного на возникновение у субъекта действия определенного признака или же на интенсификацию имеющегося, но мы упрощаем это описание, указывая в дефиниции слова на характер отношения ("делать") и на его связь с признаком (старый). Такое описание вполне отражает специфику СЗ как называющего определенный тип отношения между двумя категориями: каузацию признака у процесса, т.е. удовлетворяет его определению.

Как видно из этих объяснений, мы не отходим от принятых формул описания, уже применявшихся широко в практике описания словообразования и разработанных специалистами в данной области (что, конечно, еще совсем недавно представляло собой тоже одну из трудных конкретных задач любого описания). Мы только хотим подвести под все эти описания теоретическое обоснование – возможно, и для того, чтобы улучшить дефиниции производных там, где они построены не по правилам или неудачно отражают специфику СЗ. Но основная наша цель – объяснить ономаσιологическую сущность СЗ и особенности его строения как такой лингвистической единицы, которая служит передаче обобщенных элементов смысла (типов отношений и связей). Поскольку такие элементарные смыслы перечисляются нами вполне эксплицитно, различия между СЗ и лексическими значениями тоже могут быть установлены с большей степенью объективности, чем это делалось ранее.

Русские глаголы типа *асфальтировать*, *цементировать* описываются с помощью формулы "покрывать тем, что указано производящей основой". Поскольку значение "покрывать" не принадлежит к элементарным, можно согласиться с М. Бродовской-Гоновской, которая считает, что это значение нельзя отнести к словообразовательным⁹.

Словообразовательным значением здесь будет лишь значение "снабжать" или "делать" + "иметь". Однако, вполне понятен и смысл возражения указанному автору И.С. Улуканова, который считает, что "такого рода значения также следует включать в сферу словообразовательной семантики"¹⁰.

По-видимому, включить это значение необходимо, но только в более общем виде. Интересно, что в зависимости от семантики исходного существительного (а в конечном счете — от того, что можно сделать с данным предметом и что с ним в практике общественной деятельности и делают) общее СЗ "снабжать" дробиться далее либо на "покрывать чем", либо на "пропитывать чем" (ср. русск. *газировать воду*, *промаслить бумагу*, англ. *to water* в значении 'разбавлять водой') и пр. Интересно и то, что в ряде случаев эти значения фиксируются как разные значения одного и того же слова: нем. *ölen* от *Öl* 'масло' значит и 'пропитывать маслом' и 'покрывать маслом', англ. *to sugar* от *sugar* 'сахар' значит и 'обсахарить', т.е. 'покрыть сахаром' и 'подсластить', т.е. 'пропитать' и т.д.

Эти примеры показывают, как тонка разница между словообразовательными и собственно лексическими значениями, но одновременно и то, на каком уровне абстракции проходит такая граница. Можно полагать поэтому, что переход от третьего уровня членения на всех схемах к нижележащим уровням кладет конец возможному выделению СЗ: "ниже" лежат значения лексические. Граница между лексическими и словообразовательными значениями, таким образом, быть может, и условна, но тем не менее устанавливается она на основании объективных данных.

Выделение главных глагольных (процессуальных) значений помогает понять почему основы слов, транспонированных в класс глаголов, получают возможность выразить в своей структуре одно из указанных значений и что означает поэтому "оглаголивание" имен по своим семантическим последствиям. Поскольку транспонированными в класс глаголов могут являться основы других частей речи,

⁹ См.: *Brodowska-Gonowska M. Zarys klasyfikacji polskich derywatów. Wrocław, 1967, p. 70.*

¹⁰ См.: *Улуканов И.С. Словообразовательная семантика и принципы ее описания в грамматиках славянских языков. — В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., "Наука", 1974, с. 122–123; Селиверстова О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу. — Филолог. науки, 1967, № 5, с. 126.*

область отыменного словообразования (в широком смысле этого термина) может быть очерчена и более точно, указанием на отношение абстрактного предиката либо к предмету или лицу, либо к признаку или свойству (рис. 5).

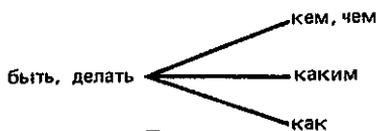

Рис. 5

Выделение главных процессуальных значений помогает объяснить и почему основы слов, транспонированные из класса глаголов, получают возможность сохранить присущее им общекатегориальное значение в виде доминантной семы, причем конкретизированной, т.е. выступающей не в своем предельно абстрактном виде, но в виде специфицированной семантической темы. Ср. *медведь спит* (состояние) → *спячка медведя*; *собака бежит* (действие) → *бег собаки*; *стена треснула* (результат действия) → *трещина в стене*; *цветок растет* (процесс) → *рост цветка* и т.д.

Уровневая стратификация главных глагольных значений важна и потому, что она позволяет наметить объективные границы между общими и частными СЗ. Она показывает, начиная с какого уровня абстракции возможны дальнейшие модификации указанных значений. Так, если общее понятие процесса членится на иерархически ему подчиненные понятия по ориентированности процесса относительно субъекта действия и его аффицированности (ср. противопоставление глаголов действия и состояния) или же по количеству участников процесса (ср. глаголы отношений) и т.п., дальнейшая модификация подобных значений может идти по разным направлениям: уточнению путём комбинаторики на одном и том же уровне абстракции (семантические сдвиги ↗) или же комбинацией значений на разных (смежных) уровнях абстракции (семантические сдвиги ↕). Комбинаторика значений может также иметь место только в пределах самих процессуальных значений (семантические сдвиги внутри категориального порядка) или же происходить в пределах значений разных категорий (межкатегориальные семантические сдвиги). Форму и значение их можно до известной степени предсказать (рис. 6).

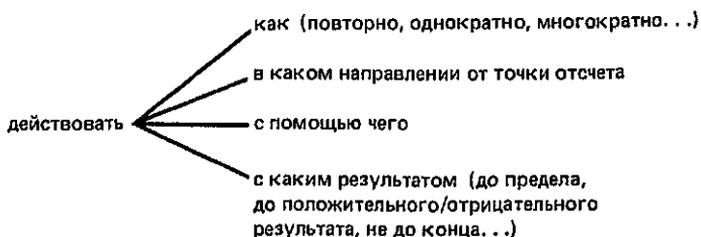

Рис. 6

Ясно, что создание таких значений может быть следствием введения в формулу СЗ специальных квантификаторов, уточнителей, "заместимых" из других частей речи. Строго говоря, можно было бы считать поэтому префиксацию не столько способом внутривидового словообразования (глагол от глагола), сколько способом соотношения названного действия с системой пространственно-временной ориентации, приписав глаголу определенный признак из этой системы координат. Не случайно префиксация по своим истокам связана со словосложением, причем словосложением такого типа, когда первый компонент композита указывает на переменный признак ономазиологического базиса, а второй — на постоянный базис.

Конечно, исходный глагол остается при этом в своем же классе глаголов, но по характеру его модификации можно судить о связи процессуальных значений с ориентационными, локативными, а, значит, признаковыми, и реляционными значениями, по природе своей предложно-наречными.

Даже там, где СЗ указывает на связь двух действий или двух процессов, ср. *долететь* 'летя, достичь определенного предела' или 'лететь и достичь...', признаковый характер отношения (т.е. конкретизация отношений между двумя процессами) маркируются предложом или наречием. Так, *долететь* — 'лететь до указанного предела', а *влететь* — 'летя, попасть внутрь чего-либо', *перелететь* — 'переместиться, летя, из одного места в другое' и т.д. Локация и все локативные значения — это следы в структуре производных наречного класса слов.

Вопрос о выделении элементарных предикатов (atomic predicates) уже имеет свою историю¹¹. Он обсуждался как в связи с проблемой количества таких исходных предикатов¹², так и с проблемой

---

11 Частью ее является проблема установления семантических признаков или семантических "множителей", поднятая представителями генеративной семантики (ср. работы М. Бирвиша, Дж. Макколли и др.). См. обзоры в работах: *Lipka L. Semantic structure and word-formation. München, 1972, p. 37; Kastovsky D. Zur Situation der lexikalischen Semantik. — In: Perspektiven der lexikalischen Semantik. Bonn, 1980, S. 2.*

12 Так, уже Э. Бенвенист убедительно показывает внутреннюю связь глаголов "быть" (глаголов экзистенции) и "иметь" (глаголов состояния), что свидетельствует о том, что сами они конкретизируют еще более общее понятие (Бенвенист Э. Глаголы *быть* и *иметь* и их функции в языке. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 212-213; ср. также: Категории бытия и обладания в языке. М., "Наука", 1977, с. 78 и 85.

их конкретности ~ абстрактности¹³. Мы связали эту проблему с проблемой классификации глаголов и, возможно, что приняв за основу другую семантическую классификацию¹⁴, мы получили бы несколько иную картину главных глагольных значений.

Думается, однако, что самым важным был для нас вопрос о принципах анализа и выработке методики непротиворечивого и построенного на объективных критерия описания.

Можно продемонстрировать также, что предикаты, предлагавшиеся другими учеными, легко находят свои соответствия в нашей схеме. CAUSE 'сделать так, чтобы было'; HAVE, MAKE, USE повторяются у большинства исследователей; предикаты IN и FOR мы связываем не с классом глаголов, а с наречно-предложной группой слов; предикаты же COMPOSED OF 'сделан из', 'состоит из', RELATE TO 'иметь отношение' и пр.¹⁵ не элементарны, т.е. должны рассматриваться как комбинации элементарных смыслов (из значений процессуального и признакового класса). То же можно сказать и о предикате RESEMBLE 'походить на', 'быть похожим': в его основе лежат значения 'быть таким как', т.е. значения отношения сходства/подобия и т.д.

Широта области предметных значений и конкретное разнообразие последних делает нахождение слов-идентификаторов в сфере существительного специальной и нелегкой задачей. Здесь можно указать

¹³ См.: *Motsch W. Analyse von Komposita mit zwei nominalen Elementen.* — In: *Progress in Linguistics. The Hague-Paris, 1970*, p. 214 и сл.; *Lipka L. Grammatical categories, lexical items and word-formation.* — *Foundations of Language, 1971*, v. 7; *Kastovsky D. Word-formation, case grammar and denominal adjectives.* — *Anglia, Bd. 92, H. 1/2*, p. 7.

¹⁴ Ср., например, распределение глаголов по трем классам со значениями статических ситуаций, процессов и событий у Ф. Данеша, что может быть соотнесено с глаголами бытия и обладания и глаголами действия в нашей классификации, ср.: *Daneš F. Some thoughts on the semantic structure of the sentence.* — *Lingua, 1968, Bd. 21*; *Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии.* — В кн.: *Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966*, с. 250 и сл., а также известные классификации В. Чейфа и других исследователей.

¹⁵ Ср.: *Ljung M. English denominal adjectives. A generative study of the semantics of a group of high-frequency denominal adjectives in English.* Lund, 1970; а также работы, рассматриваемые в статье: *Boas H.U. Transpositional and semantic adjectives revisited.* — In: *Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977*, p. 20.

характеризуются по, и в них можно было бы включить класс слов, обозначающих единицы времени и времена, но последние могут быть выделены по отдельности из-за способности ассоциироваться с глаголом (предикатом) *длиться* и т.д.

Для существования и функционирования предметных значений очень важно и членение, фиксируемое на третьем уровне: детализация того, что выделено на втором. Так, для классификации собственно предметов очень важно противопоставление исчислимых и неисчислимых величин (*countable nouns vs mass-nouns*); для классификации лиц, объединяемых значением ANIM, существенно различие между обозначениями личностных (пол, возраст, раса, национальность и т.п.) характеристик (их можно обозначить маркером PERS — англ. *personal*) и характеристик профессионально-функциональных (их можно обозначить маркером FUNC от англ. *function*) и т.п. Эти семантические признаки нередко участвуют в описании СЗ. Так, лица — носители признака могут обозначаться за счет реализации таких 'СЗ, как 'тот, кто делает..., (*сапожник, шляпник*) 'тот, кто обладает признаком' (*старик, толстяк*), 'тот, кто находится, (родом)...' (*ленинградец, туляк*), 'тот, кто имеет...' (*брюсач*) и пр.

При образовании существительных от существительных семантические сдвиги имеют характер передвижения из одного класса в другой, причем как на втором, так и на третьем уровнях абстракции; ср. *профессор* → *профессура*, *колокол* → *колокольная*, *камень* → *каменщик*, *виноград* → *виноградина* и пр. В семантических структурах производных этого типа фиксируются СЗ, включающие слова-идентификаторы результативного класса процесса словообразования; мотивирующее же слово выступает как конкретная единица в формуле СЗ после указания на фиксируемый тип отношения, ср. 'лицо, которое делает...'. Тип отношения указывается скрытым предикатом, легко восстанавливаемым по имеющемуся окружению: 'тот, кто... сапоги' или 'тот, кто шьет, производит, делает...'.¹⁹

При образовании существительных от других частей речи в формулах СЗ появляются либо явные указания на совершаемое действие (при отглагольном словообразовании), либо латентные предикаты, приписывающие обозначаемому те или иные признаки.

В любом из этих случаев предикат из группы глаголов может быть дополнен за счет такого указателя типа отношения, как абстрактный предлог IN, FOR и пр. (ср. *ватник* 'нечто из ваты', *чайник* 'нечто для чая' и т.п.).

Гораздо менее исследованной представляется область значений прилагательных, предлогов¹⁹ и наречий, и мы ограничимся приведением лишь части признаков значений, никак не претендуя на

¹⁹ См.: например: *Маслова-Лашанская С.С.* Номинация и полисемия в шведском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1974, где описаны значения предлогов и указана основная литература по вопросу.

полному отраженной нами картины и приводя ее лишь постольку, поскольку отсутствие таких значений обеднило бы наши представления о возможных СЗ (рис. 8).

Уровни
абстракции

Значения и слова-идентификаторы

Рис. 8

Если теперь представить все процессуальные, предметные и признаковые значения на одном уровне, т.е. как бы соединить рисунки, будет видно, что СЗ образуются на втором и третьем уровнях членения и что они могут быть названы общими, когда строятся комбинаторикой значений на втором уровне, но частными, когда комбинаторикой охватываются значения разных уровней или же третьего уровня членения. Если считать выделенные категориальные значения конечно-исчислимыми, т.е. образующими конечное число значений, СЗ поддаются исчислению по матрице, в которой будут зафиксированы все возможные комбинации указанных значений с тем расчетом, что формула СЗ – это трехчленная структура, в которой идентифицированы: а) семантический разряд, в него включается производное слово, б) непосредственно мотивирующее слово и в) связывающий их тип отношений.

Приведем несколько конкретных примеров СЗ. Выберем в качестве мотивирующих слов прилагательные со значением цвета и посмотрим, какие из СЗ возможны в русском языке при мотивации признаком этого класса. Реализуются процессуальные значения 'делать...' – *синить, белить*; 'быть/становиться...' – *синеть, белеть*; в этих случаях предикат указывает одновременно и на "глагольность" формы и на тип реализуемого отношения. Представлены и предметные значения: имена конкретных предметов, ср. *белок, желток*; названия болезней – *желтуха, краснуха*; названия абстрактных имен – цветовые обозначения – *желтизна, синева*; названия лиц – ср. *красные, белые*; формулы СЗ строятся в этом случае при участии соответствующего слова-идентификатора (выбранного со второго уровня членения предметных значений, см. рис. 7), при участии предиката, указывающего на тип отношения имплицитно, но тем не менее выбранного тоже со второго уровня членения процессуальных значений (см. рис. 6); ср. *черника* 'ягода, обладающая черным

цветом', *синяк* 'след на теле, имеющий синий цвет', *белка* 'зверек, характеризующийся белым цветом' и пр. — и, конечно, самого мотивирующего слова.

При внутрикатегориальном словообразовании происходит модификация за счет уточнения одного признака другим: ср. *желтенький*, *желтоватый*; *краснуший* и т.п. Семантический сдвиг заключается не только в создании обозначения нового цвета, но и в оценочно-экспрессивной характеристике названного цвета.

Приведенные примеры показывают, что частные словообразовательные значения образуются не только за счет конкретизации реализуемого отношения, но и за счет конкретизации того семантического класса, в который включается производное слово. Так, отношения обладания присутствуют в СЗ слов *черника* и *синяк*, *желтуха* и *желток*, *белла* и *белка* и *белок* и т.п. Несомненно, однако, и то, что круг значений существительных, мотивированных прилагательными цвета, предопределен сочетаемостью последних, ср. *белая скатерть* и *белизна скатерти*, *желтый цвет кожи* и *желтуха*, *белая краска* и *белила* и т.п. Все это ставит вопрос о роли в формировании СЗ и самой мотивирующей единицы. Прежде чем перейти к рассмотрению этой проблемы, надо, однако, подвести некоторые итоги изложенной здесь концепции словообразовательного значения.

Отмечая пробелы в описании словообразовательных отношений между частями речи, И.С. Улуханов справедливо говорит о том, что "не показано, какие значения передаются разными видами словообразовательных пар (сущ. → сущ., глаг. → глаг., сущ. → глаг., глаг. → прилаг. и т.д.)"²⁰. Попытка отразить эти типы отношений при безаффиксальной транспозиции в разных языках уже была предпринята нами ранее²¹. Теперь мы можем обобщить эти выводы, включив их в общую картину возможных СЗ. Приведенные выше схемы показывают, что все отношения как внутри одной категории (сущ. → сущ. и т.п.), так и между разными категориями (сущ. → глаг. и т.п.) могут формироваться на основе взаимодействия их общекатегориальной семантики, а также в силу возможной детализации каждой из категорий по разным основаниям и параметрам.

СЗ, как мы пытались продемонстрировать в настоящей главе, возникают на определенном уровне абстракции, соответствуя по своему замыслу потребности в маркированном выражении главных понятийных категорий отдельных частей речи и в дальнейшей формальной детализации этих последних. Они, действительно, представляют собой языковую интерпретацию неких понятийно-логических структур-систему отработанных языковых средств, служащую передаче слож-

²⁰ См.: Улуханов И.С. Словообразовательные отношения между частями речи. — ВЯ, 1979, № 4; с. 101-102.

²¹ Ср.: Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 5.

ных значений. Детализируя и выявляя семантические признаки отдельных частей речи, СЗ служат расподоблению общих категорий предметности, процессуальности и признаковости по формально-семантическим основаниям.

СЗ тоже принадлежат к самым общим предметным, процессуальным и признаковым значениям, поэтому они и раскрываются путем объяснения словами-идентификаторами высокого уровня абстракции (типа "предмет", "процесс", "действие", "качество", "признак", "свойство" и т.п.) или же их "первыми заместителями" на нижележащем уровне абстракции.

Слова-идентификаторы составляют главную часть формул СЗ, и в принципе в языке может быть реализовано столько значений, сколько подсказываются возможной комбинаторикой двух значений в пределах одного производного, а также и тем, какие типы отношений могут быть установлены между этими категориями помимо простого указания на наличие связи. Слова-идентификаторы используются как для указания "семантической темы" производного, так и для характеристики такой темы у непосредственно мотивирующего слова, а, значит, для объяснения того, между какими понятиями фиксируется в данном производном тот или иной тип связи. Слова-идентификаторы из группы процессуальных значений используются в формулах СЗ в качестве указателей на фиксируемый здесь тип отношения. Эти предикаты соответствуют обычно тому, на чем строится схема СЗ, нередко, однако, они принадлежат к числу скрытых компонентов производного слова, легко восстанавливаемых при необходимости по облику данной словообразовательной модели, ее составу, расположению в ней отдельных компонентов, наличию в ней особого деривационного форманта и т.д.

Остается открытым вопрос, могут ли наряду с указанными глаголами использоваться в качестве atomic predicates и другие единицы, в частности, предлоги (IN, FOR и др.), столь удобные для описания локативных и некоторых других типов отношений. Думается, что в рамках развиваемой здесь теории такое решение вполне оправданно: глаголы называют способ бытия, предлоги — отношения между предметами,

Интересной задачей последующих исследований представляется нам анализ сочетаемости выделенных предикатов с уточнителями и модификаторами, в частности, квантификаторами, а, значит, и анализ предикатов более сложного типа, например, "иметь много/мало", "делать неоднократно/многократно/повторно" и т.п. Незаученность категории наречия не позволяет представить общие значения этой части речи в том виде, в каком мы представили значения других частей речи. Приходятся, однако, эти типы значений на один уровень абстракции и, следовательно, они должны тоже быть включенными в сферу возможных СЗ.

Можно полагать также, что многие из приведенных значений (особенно в сфере глаголов) существуют и со знаком минуса. Негатив

ция также должна найти свое место в сфере СЗ (ср., например, антонимы типа "снабжать" - "лишать", "давать" - "изымать" и пр.).

Системное представление СЗ тесно связано с разграничением разных уровней абстракции: общие СЗ выделяются на одном уровне, частные - на другом. Значения являются языковыми и присущими системе, когда они естественно описываются в терминах предложеного мета-языка описания, но они являются конкретными, когда в их формуле взамен хотя бы одного из слов-идентификаторов должен быть представлен более конкретный термин или когда формула должна быть дополнена другими словами. Это позволяет отличить семантическую дефиницию отдельного производного от формулы лежащего в его основе СЗ.

Возможные отношения между существительным и глаголом, существительным и существительным и т.п. определяются, видимо, тем, что в процессе словообразования исходное слово "передвигается" из одного класса в другой либо в пределах своей части речи (модификация), либо меняя свою принадлежность к исходной части речи (транспозиция), "передвижение" может иметь место как в пределах одного уровня абстракции ($\cdot \dot{z}$), так и в пределах разных уровней ($\uparrow \downarrow$).

Системное представление уровней абстракции позволяет определить объективно, какое именно из общих понятийных значений уточняется или модифицируется в процессах словообразования и от какого уровня абстракции начинается детализация категорий. Можно представить разные СЗ либо как продолжающие и развивающие значения, выделенные на грамматическом уровне (отсюда тесная связь словообразования и грамматики), либо как детализирующие сами понятийные категории. В том, и в другом случае очевидно, что лексические значения начинаются с уровня абстракции, располагаемых ниже, чем первые два членения после грамматического уровня или же ниже, чем первые два членения самих понятийных категорий.

Объективное определение СЗ, базирующееся на указанной основе, заключается, следовательно, в том, чтобы определить его либо как значение, формирующееся при отражении значений семантических разрядов слов одной части речи в другой (таковы значения при межкатегориальных семантических сдвигах), либо как значения, формирующиеся при отражении значения одного из семантических разрядов данной части в другом семантическом разряде той же части речи (при внутрикатегориальных семантических сдвигах). Такое формирование всегда предполагает установление отношения одной категории к другой, и в этом смысле СЗ отражают прежде всего типизированные, обобщенные связи явлений действительности.

Объективация СЗ происходит как в зависимости от характера мотивирующего слова, так и в зависимости от выбора деривационных средств, используемых в акте словообразования. Необходимо рассмотреть поэтому, какую роль играет деривационный формант в создании тех или иных СЗ.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ФОРМАНТЫ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Трудно оспаривать тот несомненный факт, что, взятый сам по себе, деривационный формант не определен по значению: "сам по себе" он не употребляется, а, представляя собой связанную морфему (или связанные последовательности морфем), выявляет свое значение только в сочетании с другими полнозначными компонентами. Если с ним не связан никакой "кусочек смысла", каким образом соединение с ним приводит к образованию нового значения? Ведь не вызывает же у нас сомнения, что слова типа *ход, ходьба,хождение* или *синяя, синева, синюха, синь* и пр. различаются по своему значению в первую очередь потому, что различны представленные в них аффиксы?

Объективные сложности определения значения аффикса не следует смешивать с вопросом о том, как именно передает он свое значение или, точнее, каким образом служит передаче значения в производном слове. Разве придет кому-либо в голову описывать деривационные форманты как отдельные сущности, т.е. вне их поведения в акте словообразования? Но обращаясь к этому акту, мы должны признать, что значение производного складывается в тот момент, когда операция использования аффикса (или другого деривационного форманта) применяется для преобразования источника мотивации и образуемой из него основы в желаемом направлении. Как мы видели выше, направление это обуславливается прежде всего необходимостью либо в синтаксическом, либо в грамматическом, либо в лексическом деривате.

Можно предположить, что деривационные форманты нетождественны по своему значению именно потому, что они служат разным целям, выполняют разные функции и участвуют в качестве строевых элементов в таких кардинально различающихся процессах, как транспозиция, модификация и мутация. Поэтому разные определения деривационных аффиксов можно связать с тем, что в поле зрения исследователя попадали разные процессы словообразования.

В.В. Виноградов называл словообразовательный аффикс "грамматической морфемой"¹, М.Д. Степанова считала, что аффиксы выступают как носители значений лексических², Т.М. Беляева говорила о

¹ Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 75.

² Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 81–82; см. также: Никитин М.В. К типологии языковых единиц. — В кн.: Проблемы общей и романо-германской семасиологии. Владимир, 1973, с. 27.

лексических и грамматических значениях аффиксов³ и т.д. Если оставить в стороне тех исследователей, которые подчеркивали, что аффикс сам по себе лишен значения и потому асемантичен⁴, большинство специалистов в области словообразования разделяли мнение о том, что аффикс выступает как главный носитель словообразовательного значения и что, таким образом, значение, передаваемое словообразовательным аффиксом, и есть словообразовательное значение⁵.

Не трудно продемонстрировать, однако, что такое решение вопроса плохо согласуется как с принятой практикой описания семантики производных слов, так и с целым рядом теоретических положений, выдвигающихся при трактовке словообразовательного значения.

Неясно, например, как совместить утверждение, что СЗ "является результатом сочетания словообразовательных компонентов слова" и представляет собой общую для ряда однотипных производных слов "семантическую реляцию их структурных компонентов"⁶, с утверждением о том, что носителем СЗ является аффикс⁷. Если верно первое, то в определении СЗ надо учитывать все структурные компоненты производного слова и характер "семантической реляции" между ними, но носителем такого значения не может быть аффикс. Если же верно второе, т.е. что носителем СЗ является аффикс, в определении СЗ ни к чему указание на другие компоненты производного и отношения между ними.

---

³ *Беллева Т.М.* О роли основ в суффиксации. - Вестн. ЛГУ, 1972, № 14, с. 139.

⁴ См.: например: "Аффикс (словообразующий сегмент) - это сегмент, не имеющий вещественного значения (релевантного для данной функции) и функционирующий в качестве словообразовательного средства в модели" (*Шубин Э.П.* О функционировании аффиксальных и маркирующих сегментов. - В кн.: Вопросы лексикологии и стилистики английского языка. Пятигорск, 1974, с. 98); см. также: *Бартошевич А.* К определению системы словообразования. - ВЯ, 1972, № 2.

⁵ См., например, *Грамматика-70. М., "Наука", 1970, с. 39*; см. также высказывание *Максимова*: "...словообразовательное значение присуще именно аффиксам, а не ряду однородных производных" (*Максимов В.И.* Пути формирования словообразовательного значения у производных суффиксов. - Проблемы общей и романогерманской семасиологии, с. 113).

⁶ См.: *Манучарян Р.С.* Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения. Автореф. докт. дис. Ереван, 1975, с. 10.

⁷ Там же, с. 12.

Так же непоследовательно приравнивать некоторые общие СЗ деривационному шагу (т.е. применению операции прибавления аффикса или другого словообразовательного форманта) и утверждать, что носителем СЗ является маркер словообразовательного форманта, если в формулах СЗ в той же теории эти маркеры вообще не фигурируют: как известно, СЗ определяется здесь формулой типа: "субстанция, имеющая отношение к процессу" и т.п.⁸

Не случайно в одной из последних своих работ П.А. Соболева, анализируя иерархию лексических приставок и обращаясь, таким образом, к конкретному материалу, употребляет термин "словообразовательное значение" только для описания их значений (СЗ передаваемое лексической приставкой), но не использует для описания выделяемых значений указанных формул⁹. Соотношение словообразовательного форманта с формулами СЗ остается не определенным, ибо участие его в таких формулах и не предусматривается.

Есть несоответствие и между конкретными описаниями СЗ с помощью таких формулировок, как "совершать действие, свойственное кому/чему", "приобретать" или проявлять признак, указанный производящей основой" и т.п., и теоретическими положениями о том, что носителем СЗ является словообразовательный формант. Формулировки, подобные приведенным выше, адекватно отражают природу СЗ, но фиксируемые им комплексные значения настолько сложны по своей сути, что никак не могут быть прямолинейно сопоставлены с одним только формантом.

Так, в указанных формулировках семантический компонент "совершать действие" или же "приобретать", "проявлять" — следствие всего процесса транспозиции из одной части речи в другую (ср. *там* → *тамить*, *белый* → *белеть* и пр.), остальные же компоненты связаны с производящей основой. Если даже рассматривать *-и-* и *-е-* как словообразовательные форманты (материальные средства оформления нового производного слова), нельзя не признать, что первичная их функция — преобразование исходного слова в глагол, "оглаголивание" и что именно это — включение в класс глаголов — имеет своим семантическим следствием возможность для производного выразить одно из главных присущих данному классу слов значений. Выбора же только одного из них, как правило, не наблюдается: суффиксы, осуществляющие транспозицию, при их совпадении с грамматическими морфемами, обычно развивают значительное число частных значений.

По-видимому, значение словообразовательного аффикса (и другого форманта) и не может быть установлено иначе, чем определением его доли в строении смысловой структуры однотипных производных слов, а следовательно, — его роли в строении словообразовательного значения в целом.

⁸ Ср., например: Шепелева С.Н. Опыт алгоритмического описания словообразовательных рядов современного русского языка. АКД М., 1977, с. 1-3.

Поскольку СЗ определяется нами как указывающее на определенный тип отношения между двумя категориями, следует проанализировать, выражению каких из этих компонентов значения может служить деривационный аффикс. Если строение производного слова обуславливается наличием определенного отношения его ономаσιологического базиса к ономаσιологическому признаку, а базис и признак могут равно строиться как за счет формирующей, так и за счет отсылочной частей производного, вопрос о роли деривационного аффикса в смысловой структуре производного может решаться только при рассмотрении вопроса о том, выражению каких из этих компонентов он служит.

При данном подходе становится очевидным, что в разных типах производных разные аффиксы используются нетождественным образом, а именно: они могут играть три семантические роли. Одна из них — роль оформителя ономаσιологического базиса; другая оформителя ономаσιологического признака; третья — оформителя определенного типа отношений между ними. В первом случае словообразовательные форманты выступают как категоризаторы или классификаторы, во втором — как модификаторы, в третьем — как реляторы.

Если словообразовательный формант маркирует принадлежность слова к определенной части речи и определенному ее семантическому разряду, он выступает как средство категоризации слов; при наличии форманта этого порядка он формирует ономаσιологический базис производного слова. Таковы все форманты, объективирующие как отдельные те значения, которые указаны на рис. 4, 7–8 на втором и третьем уровнях членения. Это, например, суффиксы со значением действующего лица, инструмента действия, места действия и т.д.

По отношению к ним справедливо деление аффиксов на общекатегориальные и частнокатегориальные, которое было предложено И.С. Улухановым¹⁰. На наш взгляд, не надо, однако, приписывать первым из них такой сложной структуры, как "действие (признак), имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом"¹¹. Подобную сложную структуру имеет СЗ, но не имеет сам деривационный аффикс, маркирующий только значения "действие", "признак" и т.д. или же их более частные разновидности.

Представляется в то же время, что понятию общекатегориальных и частнокатегориальных аффиксов может быть предложено более

⁹ См.: *Оболева П.А.* Иерархическое представление словообразовательных значений (перфективирующих префиксов). — В кн.: *Словообразование и фразеобразование*. М., 1979, с. 97–98.

¹⁰ *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика и принципы ее описания в грамматике славянских языков. — В кн.: *Грамматическое описание славянских языков*. М., 1974.

¹¹ Там же, с. 129.

строгое определение. Аффикс является обшечатегориальным, если он вносит в смысловую структуру производного слова одно из значений, передаваемых словами-идентификаторами второго уровня абстракции и соответствующих самым общим понятийным категориям отдельных частей речи. Список таких значений исчислим, а сами они реализуются тогда, когда аффикс выполняет чисто транспонирующую функцию.

Частнокатегориальные аффиксы, в отличие от этого, можно определить как семантические классификаторы, маркеры определенных семантических рядов внутри общих категорий. Значение частнокатегориальных аффиксов поддается описанию значительно проще, чем значение обшечатегориальных, поскольку последние в силу своей обобщенности кажутся достаточно неопределенными.

Будучи неразрывно связанными с категоризацией слов внутри отдельных частей речи, аффиксы, особенно суффиксы, обладают разными смысловыми структурами в зависимости от того, образованию слова какой части речи они служат. Кардинальное противопоставление предметных слов не-предметным (т.е. здесь существительных глаголам и прилагательным) сказывается, например, в том, что суффиксы, образующие существительные, семантически более весомы и более разнообразны, чем суффиксы, образующие прилагательные и глаголы. Зато эти последние могут быть легче описаны как некие скрытые предикаты самого общего значения: "иметь отношение к", "обладать...", "походить на...", "делать таким-то" и т.п. (ср. *трезвый* 'имеющий...' или 'обладающий...', *волчий* 'имеющий отношение к...' или 'похожий на...', *болтливый* 'характеризующийся тем, что...' и т.д.). Как видно из приведенных примеров, скрытые предикаты, объясняющие значение производных прилагательных, имеют причастную форму. При необходимости она может быть легко трансформирована в придаточное предложение *тот, который имеет...*, *тот, который характеризуется...*. Очевидно также, что решение о том, принадлежит ли данный суффикс к числу обшечатегориальных или же частнокатегориальных, зависит от характера предиката, участвующего в семантической дефиниции производного слова.

Словообразовательные форманты — модификаторы — участвуют в формировании ономастологического признака производных слов. Таковы обычно оценочно-экспрессивные суффиксы, а также локативные, темпоральные и привативно-негативные префиксы.

Особый класс словообразовательных формантов образуют реляторы — указатели наличия связи между двумя категориями, фиксируемыми в производном слове (например, простейшие реляторы — соединительные гласные и другие соединительные элементы в сложных словах, мотивирующие саму идею соединения), или же номинаторы типов связей и отношений.

Типичными примерами реляторов являются суффиксы относительных прилагательных, которые и в буквальном смысле слова могут

быть определены как действующие "в сфере междусловных связей"¹².

Еще в 1967 г. Е.А. Земская отметила, что относительные прилагательные выражают отношение к тому, что названо производящей основой как "не конкретизованное четко" и "далекое"¹³. Интересно подчеркнуть вместе с тем, что значения относительных прилагательных могут быть исчислены¹⁴, причем отношения, в них фиксируемые, описываются с помощью перечисленных выше предикатов (т.е. предикатов "принадлежать", "обладать", "находиться", "напоминать" и т.п.), выбор же предиката соответствует в общем тому или иному суффиксу.

Так, -н- служит в русском языке указанию на наличие связи, так что СЗ, построенное с его участием, формулируется как "признак, обозначающий любой тип отношения к обозначаемому предмету" (ср. *лесной домик, лесные поляны, лесная промышленность, лесные звери* и т.д.). В противовес ему суффиксы -ов- и -ск- указывают на более конкретный тип отношения — принадлежности или обладания, причем и их различие выступает как семантическое. По тонкому наблюдению Т.В. Булыгиной, суф. -ов- служит передаче отношения индивидуальной принадлежности, ср. *отцов дом, летчикова фуражка*), а -ск- лишен этого значения (*ленинградские сумерки, отеческие наставления*)¹⁵, откуда противопоставления типа *мефистофелева ария, но мефистофелевский смех* и т.п.

Таким образом, участвуя в образовании производного слова, деривационный формант может формировать либо его ономаσιологический базис (тогда основы мотивирующих слов выступают в качест-

¹² См.: Хидекель С.С. Еще раз о деривационном аффиксе. — В кн.: Теоретические вопросы английской филологии (лексикология). Горький, 1974, с. 7.

¹³ См.: Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. ст. к 75-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1967.

¹⁴ Ср., например: Харитончик З.А. Семантика суффиксального производного слова (на материале прилагательных современного английского языка). Автореф. канд. дис. М., 1971; Манучарян Р.С. Словообразовательные отношения отыменных прилагательных русского и армянского языков. — Рус. яз. в армянской школе, 1971, № 6; Kastovsky D. Word-formation, case grammar and denominal adjectives. — *Anglia*, 1966, Bd 92, N. 1/2; Bois H.U. Transpositional and semantic adjectives revisited. — In: *Perspektiven der Wortbildungsforschung*. Bonn, 1977.

¹⁵ Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., "Наука", 1977, с. 40-41.

ве переменных по отношению к одной и той же постоянной величине, суффиксу, ср. *танкист, гармонист, очеркист* и пр.), либо его онома-сиологический признак (тогда он сам маркирует какое-либо из признаков значений – оценочное или квантифицирующее), и он может, наконец, выступать в роли указывающего на наличие связи между ономасиологическим базисом и ономасиологическим признаком или же на ее направление и характер. Ни в одном из этих случаев деривационный формант не равен СЗ в целом; занимая в формулах СЗ ту или иную позицию, он оказывается всегда носителем только части этого значения и потому, каким бы семантически весомым от ни казался, роль его заключается в эксплицитном выражении одного из трех возможных компонентов СЗ.

Отсюда – его зависимость от других партнеров в структуре СЗ и смысловое взаимодействие (согласование смыслов) всех элементов в этой структуре. Характер этого взаимодействия весьма различен: типы его уже были описаны З.М. Волоцкой, когда она распределила деривационные аффиксы по трем группам: в первой – наличие деривационного аффикса в структуре производного ясно сигнализирует о его семантике вне зависимости от того, на какой именно производящей единице базируется производное (таковы в русском языке суффиксы *-ун, -лив(ый), -ени (е)* и др.); во второй – значение аффикса определяется условиями его соединения с тем или иным типом основ, т.е. обуславливается морфологическим окружением аффикса (ср. *прыжок, скачок, но желток и белок или бережок, комок*); в третьей – значение аффикса обуславливается как типом морфологического, так и типом семантического окружения (ср. *долина, но баранина; свинина, но винограда*)¹⁶.

По-видимому, это наблюдение свидетельствует более всего об известной несамостоятельности деривационного форманта, обретающего свою значимость в ходе воздействия на источник мотивации и используемого в зависимости от свойств этого последнего. Для адекватного описания аффиксов надлежит поэтому первоначально провести анализ всех производных, построенных с их участием, выявить все условия их использования и лишь после этого судить о том, каков был вклад данного аффикса в данное СЗ.

Видимо, у нас есть все основания полагать, что в отличие от более элементарно организованных морфем, деривационные аффиксы могут совмещать разнородные значения и служить передаче значе-

¹⁶ См.: *Волоцкая З.М.* Опыт описания деривационных значений (на материале русского и польского языков). Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 4-5.

ний разного типа¹⁷. В целом значение деривационного аффикса может представлять собой "слоеный пирог", — образование с разными напластованиями, часть из которых присутствует не обязательно. Этим и объясняется возможная сложность функций, осуществляемых нередко одним и тем же аффиксом, а также неоднородность этих функций вообще¹⁸.

Не вступая в полемику о том, как именовать то конкретное значение, которое передается отдельным аффиксом, или ту совокупность значений, передаче которых он служит, мы предпочитаем соотносить обшечатегориальные значения в аффиксе с грамматическими значениями языка, частно же категориальные — называть лексическими. Не исключено, впрочем, что по главной функции такого значения — функции словообразовательной, можно было бы называть значение деривационного форманта словообразовательным¹⁹. И в таком случае, однако, не надо смешивать словообразовательное значение как таковое (СЗ производного слова, словообразовательного ряда, словообразовательной категории) и словообразовательное значение деривационной морфемы. Говорим же мы о грамматическом значении флексии и других формальных средств, не сводя самого понятия грамматического значения к тем элементарным единицам, которые служат его передаче и выражению.

Как говорил А.А. Реформатский, отношения между понятиями могут быть охарактеризованы как коррелирующие, но не как конгруэнтные друг другу. Таково соотношение словообразовательного значения модели и словообразовательного значения аффикса.

Поскольку даже там, где деривационный аффикс представлен, он не исчерпывает СЗ данного производного, СЗ не сводимо по своему содержанию к той категории, выражению которой служит аффикс:

---

¹⁷ Ср.: Ковалик И.И. Смысловая структура производного слова. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970; Лопатин В.В., Улуханов И.С. Построение раздела "Словообразование". — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966; Хидекель С.С. Указ. соч., с. 10 и сл.; Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 226 и сл.; Сизова И.А. Становление германского глагольного словообразования. М., 1978, с. 25.

¹⁸ Ср. различение структурной, реально-семантической и экспрессивной функции аффиксов у В. Дорошевского (*Doroszewski W. Kategorie słowotwórcze. — Sprawozdania Towarzystwa Naukowego, 39. Warszawa, 1946*); Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974, с. 158 и сл.

¹⁹ Там же

соответственно, термины "единичность", "локативность", "агентивность", "уменьшительность" – это термины, необходимые для характеристики значения аффиксов и понятийных категорий, но неудачные для характеристики СЗ как такового. В формуле его строения всегда должно быть указано, через какое отношение и по отношению к какой категории передается данный смысл. Итак, СЗ и по форме и по содержанию сложнее структурировано, чем значение словообразовательного форманта.

Более того, словообразовательные значения совсем не обязательно строятся с участием деривационного аффикса. Они всегда складываются в ходе применения определенной формальной операции, но последняя далеко не всегда тождественна прибавлению аффикса. Так, при редупликации словообразовательного порядка значения множественности, многократности или интенсивности выражаются с помощью самого приема повторения мотивирующего слова или его частей, но СЗ по-прежнему представляет собой взаимодействие этих категорий. Так же при словосложении имеет место особая аранжировка полнозначных основ, а СЗ по-прежнему описывается как называющее тип связи между фиксируемыми категориями, а, значит, между ономаσιологическим базисом и ономаσιологическим признаком композита. СЗ обнаруживаются и при конверсии²⁰ и вообще при всех типах так называемой безаффиксальной транспозиции, исследование которой особенно показательное для доказательства глубокого параллелизма между аффиксальными и безаффиксальными средствами словообразования²¹, а также для изучения самой природы семантических сдвигов при словообразовании и установления их ономаσιологической сущности²².

Предлагаемая трактовка СЗ позволяет без натяжек постулировать наличие СЗ у производных всех существующих типов и проводить их описание в одних и тех же терминах, причем не только для простейших производных линейного типа, но и для более сложно организованных производных с так называемыми невыраженными морфологически отношениями словообразовательной производности.

Думается, что глубокий изоморфизм словообразования и синтаксиса проявляется и в том, что СЗ строятся и организуются скорее именно так, как синтаксические – названием отношений, иерархически, а не так, как морфологические – названием отдельных сущностей.

²⁰ См. подробнее: *Карацук П.М.* Производное слово в лексико-семантической системе английского языка. Автореф. докт. дис. М., 1974, с. 11.

²¹ *Кубрякова Е.О.* Деривация, транспозиция, конверсия. – ВЯ, 1974, № 5, с. 74.

²² *Кубрякова Е.О.* Теория номинации и словообразование. – В кн.: Языковая номинация (виды наименований). М., "Наука", 1977, с. 287.

В основе всякого предложения А.А.Шахматов усматривал сочетание "двух представлений, приведенных движением воли в предикативную ... связь"²³; о том, что "всякое сообщение, всякий акт мысли обязательно предполагает активное, динамическое соединение, связывание двух компонентов"²⁴, писали вслед за ним и многие другие лингвисты. Аналогичная ситуация имеет место и в процессах словообразования. Если в синтаксисе, однако, такое связывание двух компонентов служит целям коммуникации, в словообразовании оно направлено на создание нового обозначения, а следовательно, служит целям номинации. Два этих неразрывно связанных компонента речевой деятельности характеризуются тем не менее разными формами: для целей коммуникации создаются одни единицы, для целей номинации — другие. Но по механизму создания подобных единиц здесь много общего; таким общим является соединение двух представлений в связное объединение, объединение, модель которого существует в устойчивом и воспроизводимом виде.

Обязательна ли именно предикативная связь для производного слова? По-видимому, обязательна. Ведь ее сущность — "утверждение вневременной связи признаков"²⁵, а в каждом производном постулируется именно такая связь. Как и в синтаксисе, связь между признаками может получать специальное обозначение, но может пониматься как следствие соположения знаков в синтагматической цепочке. Так, синтагма атрибутивного типа предполагает наличие предикативной связи между признаком и тем предметом, к которому он отнесен, но в атрибутивной форме типа *белая стена* эта связь лишь подразумевается.

Точно так же синтагматические последовательности, которыми манифестируются производные слова, могут самим соположением знаков указывать на существование связи, не обозначая ее специально (ср. *дом-ик, дом-ище* и пр.). Роль деривационного форманта в организации таких синтагматических последовательностей особенно велика, ибо благодаря соположению знаков мы гораздо легче "прочитываем" производное, воспринимая формант как обозначение семантического признака обозначаемого. Значение деривационного форманта и в том, что он как бы маркирует расчлененность структуры, ее семантическую сложность и неэлементарность.

Однако эти качества производного слова существуют и при отсутствии деривационного форманта, ибо наличие СЗ, как мы уже под-

²³ См. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 19.

²⁴ Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, с. 39; Стеблин-Каменский М. И. О предикативности. — В кн.: Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. М., 1974, с. 34.

²⁵ См.: Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка). — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1973, т. 32, вып. 4, с. 353.

черкивали выше, характеризует производные и сложные знаки любых типов, независимо от наличия в них специальных деривационных средств.

Сложный и иерархически упорядоченный характер СЗ сближает его с синтаксическими значениями, как и расчлененность и составленность этих значений из других, более элементарных смысловых единиц.

В специальной литературе неоднократно отмечался тот факт, что лексические и грамматические значения противопоставляются друг другу не столько в содержательном плане (хотя и здесь крайние полюса одной шкалы радикально отличны друг от друга по степени абстракции), сколько формой их выражения и существования в языке. Описываемый нами тип лингвистического значения не отличается от других типов значения и в этом плане. Он противопоставлен лексическим и грамматическим значениям не столько своими содержательными характеристиками, сколько формой своего существования.

Структурированное в виде значения, определяемого через установление известного отношения к другому значению, зафиксированному мотивирующим словом, и обусловленного пониманием типа связи, стоящего за сравниваемыми в акте словообразования величинами (признаками, предметами или процессами), словообразовательное значение оказывается достаточно неэлементарным. В конечном счете — оно ничто иное как моделируемое взаимодействие значений, комбинаторика определенных элементарных смыслов, устойчивый и повторяющийся в однотипных производных комплекс семантических признаков или единиц.

В конечном счете СЗ — это отражение разных типов предикативных связей, аналог отношений между двумя представлениями и т.д. Нельзя забывать, однако, что сама предикативная связь выступает здесь в преобразованном виде — она латентна, и чаще всего только подразумевается, додумывается, домысливается. В пределах СЗ один из членов его тернарной структуры семантически латентен, принадлежит к числу скрытых компонентов. В отглагольных производных скрытые компоненты — не предикативны, в отыменных — предикативны. Существование скрытых компонентов — частый признак СЗ, особенно в тех случаях, когда в морфологической структуре дериватов нет деривационного суффикса. Однако, и его наличие не исключает существования скрытых сем (ср. *барабанщик, гитарист, скрипач* и пр). Тип отношения (скрытый предикат) легко поддается самой словообразовательной моделью: форма СЗ определяется прежде всего теми значениями (элементарными единицами смысла), которые вступают в игру в пределах одного производного, в пределах одной модели. Именно это предопределяет важность изучения семантики мотивирующего слова и путей его воздействия на дериват в целом, а также обуславливает конкретный характер образуемого с его помощью СЗ и типы скрытых компонентов в структуре последнего.

Цитируя слова Ю.Д.Апресяна о том, что "До предлог, а *предшествовать* глагол, но они значат одно и то же"²⁶, А.А.Реформатский резко критикует это утверждение. Пусть "значат", — иронизирует он, — но для лингвистики тут никакого "тождества" нет и быть не может: для лингвиста именно важно, чем *до* отличается от *предшествовать*"²⁷.

Аргументы такого же рода приводились и относительно эквивалентности таких разноуровневых единиц, как слова и деривационные форманты. Сравнивая значения английского суффикса *-less* и оборота *deprive of* 'лишить' в английском языке и считая их тождественными, делали на основании этого вывод о том, что указание на "морфологичность" словообразовательного значения никак не проясняет "вопроса о качественной специфике словообразовательного значения"²⁸. В свете всего сказанного выше представляется, однако, что вопрос о языковой форме реализации тех или иных смыслов составляет главную задачу ономаσιологического исследования, ибо в конечном счете выполнение разными единицами номинативных функций зависит в значительной степени от формы и структуры этих единиц.

"Морфологичность" СЗ, т.е. его выраженность только в пределах той морфологической структуры, которой объективируются разные типы производных и сложных единиц, а также специфическая форма значения этого типа, — это как раз те признаки СЗ, которые помогают пролить свет на качественное своеобразие этого типа значения и его очевидное отличие от всех прочих типов лингвистического значения.

Деривационный аффикс не является обязательным компонентом его формы, однако, там, где он налицо, там отличительные признаки производного слова выступают с особой наглядностью и очевидностью. Так, в морфологических структурах с суффиксом *-less* последний маркирует определенный тип отношения — отсутствие того, что обозначено производящей основой (ср. *tactless* 'лишенный такта', *bloodless* 'бескровный', *lifeless* 'безжизненный' и т.п.). Заметим, что такое значение существует лишь постольку, поскольку "отсутствие" описывается относительно свойств, связываемых с обладанием указанной мотивирующим словом характеристикой. В це-

26 *Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.

27 *Реформатский А.А.* Лексические мерисмы и семантическая редукция. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973, с. 272.

28 *См.: Гинзбург Р.О.* К вопросу о типологии значения. — В кн.: Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докл. секционных заседаний. М., 1974, с. 150.

лом поэтому СЗ и складывается как называющее "признак, связанный с отсутствием того, что обозначено производящей основой", т.е. как значение, в котором формантом выражена только одна из его составных частей.

Итак, среди отличительных признаков СЗ мы должны в результате анализа указать форму его существования в языке. То содержание, которое организуется и передается в языке с помощью СЗ, всегда характеризуется специфическим способом представления этого содержания. Расчлененный, сложно структурированный, внутрисловный характер СЗ — его конституирующая особенность, особенность его формы.

Исследование смысловой структуры производных слов всех типов и выделение в качестве стержня, в качестве основы этой структуры словообразовательного значения, позволяет говорить о нем именно как об особом типе языкового значения. В свою очередь это позволяет убедиться еще раз в том неоспоримом факте, что "именно в вариантах языковой оболочки и кроется тайна разных смыслов"²⁹.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

В настоящей главе мы рассмотрим, каково соотношение выделенных нами СЗ с теми семантическими заданиями, которые осуществляются в словообразовательных процессах, и с теми новыми языковыми значениями, которые появляются у производного слова в актах словообразования. Ведь функциональный план производной единицы, как правильно подчеркивает А.Бартошевич, "определяется использованием ее в речи с новым значением по сравнению со значением производящего слова"¹. А таким новым значением может быть либо новое лексическое, либо новое грамматическое значение. В целом, как это ни парадоксально, СЗ служат передаче в производном слове либо новых лексических, либо новых грамматических значений, т.е. рассматриваемое как результативная единица словообразовательного процесса, производное наименование знаменует как целое появление какого-либо из кардинальных типов значений. По-видимому, и форма представления нового лексического значения должна отличаться от формы представления значения грамматического (синтаксического), т.е. соотносываться с различными типами СЗ.

²⁹ См.: *Колманский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., "Наука", 1975, с. 96.

¹ См.: *Бартошевич А.* К определению системы словообразования. — ВЯ, 1972, № 2, с. 86.

Последствия семантических сдвигов, наблюдаемых в области словообразования и составляющие как таковые его главную задачу, уже издавна привлекали к себе внимание исследователей. В традиционном языкознании уже давно были известны такие понятия, как мутация и модификация, однако последовательное разграничение процессов словообразования по их семантическим результатам становится возможным лишь с развитием понятия транспозиции и строгим разграничением первичных и вторичных функций частей речи. Возможность перевода знаков из одного класса в другой, т.е. их транспозиция, описывается впервые во французской лингвистической школе, особенно в трудах А. Сешэ и Ш. Балли.

"Замкнутые в своих категориях, знаки, — утверждает Ш. Балли, — служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Однако благодаря межкатегориальным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки"². Способность знака, сохранив одни значения, приобрести в то же время новые, расценивается им в зависимости от того, какие именно новые значения приобретает знак при его переводе из одного класса в другой. Так, транспозицию фр. *glace* 'лед' в случае *la période glaciaire* 'ледниковый период' он рассматривает как функциональную, т.е. приводящую к изменению исходной синтаксической функции знака без изменения его лексического значения. Транспозицию того же слова в *un froid glacial* 'леденящий холод' он называет семантической, ибо здесь, параллельно изменению синтаксической функции слова наблюдается появление у него нового лексического значения³. Таким образом, Ш. Балли уже намечает те два типа транспозиции, которые несколько позднее Е. Курилович противопоставит как лексическую и синтаксическую деривацию⁴.

Г. Маршан демонстрирует впоследствии то же различие на примере разных значений одного и того же слова⁵, ср. *отцовский дом* и *отцовский взгляд* и перифраз *дом отца* и *взгляд как у отца*. Транспозиция, по его мнению, нередко связана и с "экспансией", т.е. расширением структуры знака типа *professor* 'профессор' — *professorship* 'профессура', когда перевод из одного класса в другой происходит в пределах одной части речи.

² См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка (1932). М., 1955, с. 143.

³ Там же, с. 130.

⁴ См.: Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

⁵ *Marchand H.* Expansion, transposition, and derivation. — *La Linguistique*, 1967, N 1, p. 17.

В принципе такого же понимания роли транспозиции в актах словообразования придерживается и М. Докулил, разрабатывая учение о тех процессах, которые характеризуют отношения между частями речи и отношения внутри одной части речи⁶. Транспозицией он называет перевод слова из одной части речи в другую без изменения лексического значения этого слова, и под эту рубрику им подводятся случаи образования относительных прилагательных⁷, отглагольных имен, служащих простыми названиями действий по глаголу типа нем. *abgrenzen* 'отграничивать' — *Abgrenzung* 'отграничение' и т.п. Транспозиции он противопоставляет модификацию, частичное изменение или уточнение значения исходного слова (например, при экспрессивно-оценочном словообразовании), а также мутацию, которая знаменует возникновение совершенно нового лексического значения на базе старого (это — *nomina agentis*, *nomina loci*, *nomina instrumenti* т.п.). Такого же раграничения придерживаются и большинство советских языковедов⁸.

Трудности последовательного применения этой классификации связаны с объективной сложностью разграничения уточненного значения по сравнению с новым.

По-видимому, уточнение М. Докулил видит в тех случаях словообразования, где ономаσιологический базис слова не претерпевает изменений, ср. *дом-домих*, *лететь-перелететь* и т.п. С содержательной точки зрения, однако, трудно видеть, например, в англ. *overshoe* и пр. только уточнение, поскольку речь идет уже не столько об обуви, надеваемой поверх ботинка, сколько о газах, т.е. о новой реалии.

Нельзя не отметить также, что примеры, иллюстрирующие у М. Докулила модификацию и мутацию, являются одновременно примерами явной транспозиции, ср. *хранить-хранилище*, *камень-окаменеть*. Трудно также утверждать, что транспозиция (из одного семантического класса в другой, но в пределах одной части речи) отсутствует в случаях типа *камень-каменщик*, *человек-человечество* и т.п.

⁶ Ср.: *Dokulil M. Tvoření slov v češtině*, 1. Praha, 1962 *Он же*. Zur Theorie der Wortbildungslehre. — *Wiss. ztschr. der Karl-Marx-Univ.* (Gesellschafts- und Sprachwiss. Reihe, N 17). Leipzig, 1968.

⁷ Той же точки зрения придерживается Л. Дюрович, Е. А. Земская и др.

⁸ Ср. у. В. В. Лопатина, И. С. Улуканова, Е. С. Кубряковой; ср. также *Марица В. Г.* Исследование роли препозитивных частиц типа *-under* в английском словообразовании. Автореф. канд. дис. М., 1978; *Левинский Ю. А.* Категоризация, модификация и транспозиция. — 7 кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.

Разные исследователи вносили поэтому свои поправки в классификацию М.Докулила или предлагали свои варианты классификации⁹. Так, например, Э.Косериу предлагал принимать во внимание количество полнозначных элементов в акте словообразования или же участие в нем аффиксов, откуда дополнительное противопоставление у него композиции (словосложения) и развертывания (Entwicklung), в общем соответствующих экспансии Г.Маршана. Модификация, как и у М.Докулила, рассматривается им как протекающая внутри одной части речи, а также как не ведущая к изменению синтаксической функции исходного слова¹⁰. Напротив, в образованиях типа нем. schön → Schönheit он видит развертывание, связанное с изменением этой функции. В отличие от многих других ученых, он усиленно подчеркивает факт приобретения любым производным новых грамматических свойств, что ставит вопрос о необходимости учитывать в актах словообразования не только возникновение новых лексических значений, новых синтаксических свойств, но и новых грамматических значений. О появлении новых грамматических свойств в актах наречения словообразовательного порядка говорили ранее и мы¹¹.

Мы рассмотрели несколько законченных классификаций процессов словообразования по их семантическим результатам с тем, чтобы на этом фоне проанализировать знаменитое противопоставление лексической и синтаксической деривации у Е.Куриловича, положенное в основу многих современных концепций словообразования как у советских, так и у зарубежных лингвистов¹². Освещенное и коммен-

⁹ Ср.: Skoumalová Z. Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvláště v ruštině. Praha, 1975, с. 512, 251; Günther E. Zur Frage des Verhältnisses der Wortbildung zur Grammatik. — Linguistische Arbeitsberichte, 9. Leipzig, 1974, с. 30–31; Puzynina J. Transpozycja, mutacja, modyfikacja. — Poradnik Jęs., 1978, z. 5; Grzegorzczakowa R., Puzynina J. Słownotwórstwo współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1979, с. 28 и сл.

¹⁰ См.: Coseriu E. Inhaltliche Wortbildungslehre. — In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977, S. 55.

¹¹ Кубрякова Е.С. Производное как особая единица системы языка. — В кн.: Теория языка, англистика, кельтология. М., "Наука", 1976, с. 80

¹² Ср., например, Гинзбург Е.Л. Синтаксическая и лексическая деривация. — АПРС, 1; *Она же*. Словообразование и синтаксис. М., 1979, с. 33; Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 184–185; Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 5, с. 73; *Она же*. Части речи ..., с. 70–75; Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Автореф. докт. дис. М., 1977, с. 6.

тируемое не только в работах по словообразованию¹³, это деление признавалось не всеми лингвистами¹⁴, а в то же время к аналогичному привопоставлению словообразовательных процессов по их цели и по их результатам склоняются едва ли не все лингвисты, анализирующие семантические аспекты этих процессов¹⁵.

Однако именно в свете новейших исследований по семантике производного слова, нуждается в известных коррективах и классификация Куриловича.

По мнению Е. Куриловича, лексическая деривация "предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции"¹⁶, т.е. это понятие связано с принадлежностью исходного и производного к одной и той же части речи. Синтаксическим дериватом, в противоположность этому, называется "форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией"¹⁷. Казалось бы, что лексическая и синтаксическая деривация противопоставлены: по изменямости ~ неизменяемости синтаксической функции и по изменяемости ~ неизменяемости лексического содержания. Можно, однако, легко показать, что эти параметры относительно независимы друг от друга.

Так, если главное в лексической деривации — изменение лексического содержания, то хорошо известно, что оно наблюдается:

1) при неизменности синтаксической функции исходного слова в случаях типа фр. voir 'видеть' — prévoir 'предвидеть', рус. дом — домики, камень — камешки; 2) при изменении синтаксической функции — случаях типа камень — камешек, каменный, седло — седлать и т.п.

Верно и обратное: при синтаксической деривации может наблюдаться одно только изменение синтаксической функции (объявление — объявление); но что если это изменение приводит одновременно и к возникновению нового лексического содержания (ср. объявление 'афиша')?

Возможностей указанного рода не отрицает, впрочем, и сам Курилович. В ряде случаев, — указывает он, — "можно

¹³ См., например, Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 78.

¹⁴ Ср., например, замечание Д. Уорта в кн.: The Slavic Word. The Hague—Paris, 1972, p. 141; Хохлачева В.Н. Словообразование существительных в русском языке. Автореф. докт. дис. М., 1976. с. 36.

¹⁵ Так, разграничение словообразовательных процессов по их ориентации на перераспределение слов (перекатегоризацию) или же на создание новых слов (лексем) у В. Мотша явно коррелирует с разграничением синтаксической и лексической деривации.

¹⁶ См.: Курилович Е. Указ. соч., с. 63.

¹⁷ Там же, с. 61—62.

отметить как изменение первичной синтаксической функции (поскольку в этих случаях имеют место разные части речи), так и изменение лексического содержания¹⁸. В таких случаях, полагает Курилович, образование деривата проходит два этапа — процесс синтаксической деривации и процесс лексической деривации. Это замечание касается, однако, протекания словообразовательного процесса и его механизма: результат же его, бесспорно, заключается в том, что новое лексическое значение констатируется у единицы, чья синтаксическая функция не совпадает с функцией исходной единицы.

Не говоря о том, что трудно себе представить, чтобы возникновению лексического деривата в этих случаях всегда предшествовало появление деривата синтаксического (ср. *осветитель*, *водитель*, *спасатель* и пр.), признание двух этапов в одном процессе равносильно в конечном счете признанию его сложного и смешанного характера, а значит, и того, что в известном смысле значение и функцию нельзя рассматривать как критерии взаимоисключающие: возможно одновременное преобразование и того, и другого. Если оставить обозначение синтаксической деривации только для тех процессов, в которых, действительно, изменения лексического содержания исходной единицы не происходит, а цель процесса — изменить синтаксическую функцию исходной единицы, понятие это можно определить как такие межкатегориальные процессы, при которых словообразовательные значения строятся на комбинаторике разнопорядковых категориальных значений и при которых отношения между ними могут быть описаны исключительно в терминах одного уровня абстракции. Иначе можно сказать: СЗ при синтаксической деривации описываются формулами, не содержащими никаких конкретизаторов и включающими исключительно слова-идентификаторы предельного (первого и второго) уровня абстракции (см. рис. 4, 7–8). Транспозицию знаков такого рода можно назвать "чистой" — семантическими сдвигами она почти не отягощена. Мы констатируем синтаксическую деривацию тогда, следовательно, когда внутри одного деривата сплетаются два разнопорядковых категориальных значения при доминирующем положении одного из них и без особой конкретизации их отношений. Эти СЗ исчислимы и предсказуемы.

Области лексической деривации соответствуют иные СЗ. Здесь тоже могут наблюдаться, с одной стороны, межкатегориальные сдвиги, транспозиция, но уже осложненная семантическими преобразованиями, когда изменению синтаксической функции соответствует изменение лексического содержания исходной единицы (ср., например, отглагольные имена производителя действия и т.п.). В таком случае СЗ строятся как при синтаксической деривации, однако, тип отношений меж разнопорядковыми категориями конкретизирован, а описывается он словами-идентификаторами, берущимися с третьего уровня членения категорий. При синтаксической деривации в формуле СЗ может быть два компонента: слово-идентификатор, маркиру-

¹⁸ Там же, с. 63.

ющее переход исходного знака в новую часть речи и его включение в этот класс, и мотивирующее слово, которое вступает в связь со словом-идентификатором.

Ср., например, отглагольные имена типа *рисовать* → *рисование*, в структуре которых СЗ выступает как название для действия по глаголу, т.е. как имя действия. Значение имени – новое, оно соответствует включению деривата в класс существительных, значение действия – старое, оно реализуется отсылочной частью деривата. Отношение между именем и действием самое простое: действие воспринимается как "опредмеченное", два разнопорядковых категориальных значения совмещены так, что онономасиологический базис выражен всей формантной частью, а приписанный ему онономасиологический признак – отсылочной. В формуле СЗ не появляется ничего нового, кроме указания на принадлежность всего деривата к новому классу знаков¹⁹.

При лексической деривации, имеющей место при транспозиции, в формуле СЗ появляется новый конкретизатор, указывающий на характер наступившего семантического сдвига – одного слова-идентификатора для описания таких значений недостаточно: здесь должно быть выражено конкретное отношение онономасиологического базиса к онономасиологическому признаку. Предикат в формуле СЗ приобретает более сложный характер.

Лексическая деривация может иметь место и при внутрикатегориальных сдвигах, в пределах одной части речи. В структуре таких дериватов выражены отношения и связи между однопорядковыми значениями и понятиями: так, *домик* есть обозначение предмета, который меньше, чем тот, который назван производящей основой: конкретизировано определенное отношение (меньше чем) одного предмета к другому.

Применяя критерий изменяемости ~ неизменяемости синтаксических функций в процессах деривации, мы получаем их деление на синтаксические и несинтаксические как соответствующее делению этих процессов на транспонирующие и нетранспонирующие. Основания такого деления вполне объективны, и оно может быть соотнесено с разными типами СЗ: транспонирующие СЗ объединяются в один класс по признаку совмещения в них двух разнопорядковых категорий (категориальных значений), нетранспонирующие – по совмещению двух однопорядковых значений. (ср. *виноградина* 'одна ягода/винограда', *профессура* 'коллектив/профессоров').

¹⁹ Как мы указывали, СЗ этого типа описываются самыми простыми синтагмами "с элементарной синтагматической связью" См.: Степанов Ю.О. Семантическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка). – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1973, т. 32, вып. 4, с. 354. Если в такой синтагме представлен предикат, он одновременно маркирует и принадлежность к классу глаголов, и тип реализуемого отношения.

Остается открытым вопрос о том, можно ли приравнять это противопоставление оппозиции транспонирующих и идентифицирующих шагов, ибо при таком понимании идентификация оказывается связанной исключительно с внутрикатегориальными семантическими сдвигами²⁰. Это как будто бы противоречит идентифицирующему характеру семантических преобразований, направленных на формирование таких категорий, как *nomina agentis*, *nomina loci* и т.п. — ведь они-то создаются как при транспозиции знаков из одного класса в другой, так и при ее отсутствии (ср. *танк-танкист* и *водитль-водитель*, или же *ель-ельник* и *печь-пекарня*).

Итак, синтаксическая деривация представляет собой такую разновидность транспозиции, которая не влечет за собой никаких лексических последствий. Интересно, однако, рассмотреть и то, какие из не-лексических значений мотивирующего слова сохраняются в актах словообразования и не претерпевают ли в этом акте каких-либо изменений нелексические, т.е. грамматические (обще- и частнокатегориальные) значения исходной единицы. Отвечая на этот вопрос, Л.Дюрович, указывает, например, что "в русской словообразовательной структуре отглагольное существительное задано с снятием грамматических свойств лица, времени, наклонения, залога, а также вида (в отличие, например, от словацкого, где вид задан, ср., например, рус. *насыщение* при слк. *nasytienie ~ nasycovanie*"²¹.

На наш взгляд, устранению подвергаются лишь те грамматические характеристики слова, которые противоречат понятию латентной предикации и которые, напротив, связаны с построением конкретного предиката в мотивирующем суждении. Устраняются и те характеристики, которые препятствуют переосмыслению исходного слова как величины другого порядка и которые оказываются как бы взаимоисключающими. Все, что не противоречит опредмечиванию глагола, может быть сохранено и нередко реально сохраняется.

Никогда не устраняются общекатегориальные характеристики исходного слова — то, что указывает на его первичную синтаксическую функцию и маркирует принадлежность слова к одной из кардинальных частей речи. У признаковых слов не устраняется их признаковый характер, у предметных — субстанциональный. В отглагольных именах всегда сохраняется благодаря этому значение действия или процесса; в деадъективных производных — значение качества, свойства, в десубстантивных — значение субстанции.

Так, в русских отглагольных именах, будь они синтаксические или лексические дериваты, всегда сохраняется главная для глагола

²⁰ См.: *Соболева П.А. Моделирование словообразования.* — В кн.: *Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972, с. 194-195.*

²¹ См.: *The Slavic Word, The Hague-Paris, 1972, p. 140;* Ср. аналогичное замечание П.Гарда, объясняющего устранение морфем, выражающих категории лица, числа и т.п., стремлением нейтрализовать эти значения в структуре деривата.

ономасиологическая категория "действие", "процесс", и оно оставляет свой заметный след в семантике деривата: *рабочий, водитель, пильщик* – производители определенных действий; *пила, колун, сеялка* – орудия или инструменты действия; а *работа, вождение, пила, колка, сеяние* и пр. – обозначение процессов и действий. Даже при обозначении вещных величин отглагольными именами мотивация предполагает прямое или опосредованное, но обязательное указание на производимое действие (ср. *ползушки, раздевалка, сеянец* и пр.). Категорический вывод В.Н. Хохлачевой о том, что "функционирование отглагольных субстантивных моделей регулируется несовместимостью категориальных значений имени и глагола"²² кажется нам неоправданным. Актуальной задачей словообразовательного анализа представляется, напротив, исследование вопроса о согласовании смыслов внутри деривата и, в частности, специальное изучение вопроса о том, какие из грамматических значений мотивирующего слова оказываются совместимыми – при его транспозиции в другой класс, или же при переходе от одной категории в другую в пределах одной части речи – со значениями нового класса обозначений, а, значит, какие – сохраненными в структуре деривата.

Характеризуя причины модификации СЗ в живой речи, мы остановимся ниже на описании контекстно- или ситуативно-обусловленных значений. Они отмечались ранее и другими исследователями. Так Б.Стрэнг указывает на возможность сохранения временных различий в структуре отглагольных имен производителя действия в английском языке²³, Г.Эсау – на возможность передачи отглагольными существительными немецкого языка видовых характеристик исходного глагола²⁴ и т.п. Интересно, что подобные характеристики могут сохраняться иногда системно, иногда же – только спорадически, от случая к случаю.²⁵

Многозначность многих отглагольных существительных русского языка некоторые исследователи связывали с явлением нейтрализации, т.е. снятием видо-временных и залоговых оппозиций в структуре деривата. Так, Д.Уорт приписывает слову типа *обмен* десять разных "фонологических" (скорее – деривационных) структур в зависимости от того, какому мотивирующему глаголу они соответствуют: *обменить, обменять, обменяться, обменивать, обмениваться* и т.п.²⁶. Не значит ли это, однако, что в структуре такого слова указанные видо-залоговые различия не столько сняты (нейтрализо-

²² См.: Хохлачева В.Н. Указ. соч., с. 29.

²³ См.: Strang B.M.H. Aspects of the history of the -er- formative in English. – TPhS, 1969. London, 1970.

²⁴ Esau H. Nominalization and complementation in Modern German. Amsterdam-London, 1973.

²⁵ Strang B.M.H. Op. cit.

²⁶ Worth D.S. Ambiguity in Russian derivation. – In: The Slavic Word, p.120.

ваны), сколько обобщены и дремлют в виде скрытых сем, всегда готовых к тому, чтобы быть объективизированными, выведенными на поверхность? Не устранены ли они точно в таком же смысле, в каком мы говорим об устранении в структуре сложного слова показателей синтаксических связей между его компонентами? — Можно полагать, что отглагольное имя, будучи полимотивированным²⁷, оказывается в той же самой мере многозначным, хранящим потенциальные грамматические способности исходного глагола в латентном состоянии, которое при соответствующем окружении, переходит к какому-то иному состоянию, менее замаскированному и скрытому. По-видимому, в сферу референций исходного знака надо включать не только семантико-синтаксические условия его использования в тексте, как это предлагает Е.Л.Гинзбург²⁸, но и его собственно грамматические характеристики и способность — при необходимости — изменять их в том или ином предсказуемом отношении. Слово мотивирует другое слово во всей совокупности своих разнородных значений; и в производной единице может быть отражено любое из значений его смысловой структуры, лишь бы оно не вступало в прямые противоречия со значениями того класса, под который оно подводится в момент своего создания.

Изучение однокоренных отглагольных существительных типа *бить* → *биение, битье, битва, бой, бойня* и пр. или *ходить* → *хождение, ход, ходьба, хаживание* и пр. может пролить свет на способность разных словообразовательных моделей по-разному отражать аспектуальные характеристики глагола²⁹, так же, впрочем, как и анализ прямых противопоставлений типа *пропалывание* — *прополка, собирание* — *собрание* — *сборка, толкание* — *толчок* и пр.³⁰. В зависимости от характера глагола отглагольное имя абстрактного значения называет действие, процесс, состояние или событие, акт действия, его результат и т.п. Здесь может повториться и повторяется основное семантическое противопоставление глаголов, находящее свое выражение в оппозиции категории переходности/непереходности и т.п.³¹.

²⁷ Ср.: Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Автореф. докт. дис. М., 1976, с. 205, где повторяются выводы Д.Уорта и его схемы (см.: Уорт Д. Указ. соч. с. 130–131).

²⁸ См.: Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис, с. 34–35.

²⁹ Ср.: Иванникова Е.А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке. — Иав. АН СССР, СЛЯ, 1972, т. 32, вып. 2.

³⁰ Ср.: Зализняк А.А. Структура и семантика отглагольных существительных словообразовательного гнезда *бить*. — АПРС, 1, с. 184.

³¹ Ср.: Шелихова Н.Т. Синтаксические вариации словообразовательного значения. — Там же, с. 156.

Явления синтаксической деривации последовательнее, вероятно, усматривать не только в тех случаях, когда дериват повторяет лексическое значение мотивирующего слова и когда понятие семантического сдвига связывается с полным на то основанием с изменением синтаксической функции, но и в тех, когда "приращиваемые" значения интерпретируются в грамматических терминах. Только так можно понять замечание Е.Л. Гинзбурга о том, что "воспитанник (детского дома, не университета, от *воспитываться* в прямом его значении) является синтаксическим дериватом"³², компонент *тот*, *кто* в *тот*, *кто воспитывается / воспитывался* может быть описан как семантический признак грамматического типа, ANIM. Большинство же лингвистов сошлось бы, наверно, на том, что дериват здесь – лексический, ибо новое значение – значение 'быть лицом, которое испытывает определенное действие', 'подвергается действию' (*nomina patiens*), связано не столько с сохранением значения страдательного залога, сколько с выражением нового значения – значения лица. Не случайно О.П. Ермакова правильно указывает на то, что "поскольку вопрос о зачислении тех или иных словообразовательных типов в синтаксические дериваты связан с установлением лексического тождества производного и производящего, а он решается разными исследователями по-разному, полного единства в разграничении среди словообразовательных типов лексической и синтаксической деривации быть не может"³³.

Конечно, с теоретической точки зрения противопоставление лексической и нелексической деривации должно строиться только на появлении в первых процессах нового лексического значения. Однако, на практике определение того, что можно считать новым лексическим значением, далеко не просто. Так, для объективного выделения среди производных прилагательных синтаксических (транспонированных без семантических сдвигов) и "семантических" (т.е. лексических дериватов) Г.Боас предлагает, например, весьма сложную процедуру их перифразирования и установления их глубинной семантики путем определения восстанавливаемых предикатов³⁴. Подобной процедуре, предполагает Боас, должно также предшествовать определение подлинного прилагательного: такими прилагательными Боас считает только те, которые способны встать в позицию предиката высказывания с глаголом-связкой. Отсюда различие между *criminal*₁ и *criminal*₂ в *criminal law* 'уголовное право' при невозможности **the law is criminal* и *criminal actions* 'преступные деяния' при возможности *These actions are criminal*. Подобное поведение прилагательного – следствие появления в его семантической структуре новых семантических признаков (оценочных или срав-

³² См.: Гинзбург Е.Л. Указ. соч., с. 38.

³³ См.: Ермакова О.П. Указ. соч., с. 8.

³⁴ См.: Boas H.U. Transpositional and semantic adjectives revisited. – In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977.

нительных, ср. childish 'ребячливый' от like a child 'подобный ребенку'). Без этих дополнительных семантических свойств прилагательное остается на уровне транспонированного знака, не обладающего качествами слов своей части речи. Лишь обретя эти качества, оно — лексический дериват, или, по терминологии Г.Маршана, — "полное прилагательное"³⁵.

Все транспонированные прилагательные могут быть объяснены через синтаксическую конструкцию, включающую предикаты CAUSE, HAVE, MAKE, USE, BE, IN и FOR; которые в акте деривации легко устраняются через ступень сложного слова: ср. Russian planes 'русские самолеты' из Russian-owned или Russian-made planes³⁶.

Однако неясно, почему приращение типа "напоминать" или "быть таким как" рассматриваются как семантические (лексической деривация), а приращение типа "принадлежать" или "вызывать" — нет, т.е. как синтаксическое.

По-видимому, если в акте деривации фиксируется (хотя бы в латентном виде) общее и неконкретизированное отношение (а такие отношения описываются всего только несколькими предикатами) одной категории к другой, место имеет деривация синтаксическая. Думается, что вопрос этот требует дальнейшего рассмотрения — особенно, если учесть, что очевиднее всего область синтаксической деривации вырисовывается при конфронтации не слова со словом, а слова — с мотивирующей его синтаксической конструкцией. Можно предположить, однако, что недифференцированное зачисление в синтаксические дериваты целых разрядов производных (отглагольных существительных со значением отвлеченного действия, отадъективных существительных со значением отвлеченного признака и т.д. и т.п.)³⁷ верно только в самом первом приближении. Транспозиция очень и очень часто осложняется семантическими сдвигами³⁸.

Правы скорее те ученые, которые, как Ш.Балли и Г.Маршан, полагают, что один и тот же дериват может развивать только новую синтаксическую функцию, но может одновременно выступать и как дериват лексический. Признаком лексической деривации можно, наверно, считать и неестественность его замены в тексте его полной семантической перифразой; для синтаксической деривации такие замены совершенно законны.

³⁵ Ср.: Marchand H. On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to the distinction. — *Anglia*, 1966, Bd. 84, p. 131; Kastovsky D. Word-formation, case-grammar, and denominal adjectives. — *Anglia*, 1971, Bd. 92, N 1/2.

³⁶ См.: Voas H.U. *Op. cit.*, p. 27.

³⁷ См.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1970, с. 164; Ермакова О.П. Указ. соч., с. 8.

³⁸ См.: Улуханов И.О. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977, с. 24.

Итак, результаты семантических сдвигов в актах словообразования можно классифицировать, исходя из того, в каких терминах следует описывать "смысловое расстояние" между производящей и производной единицами. Если при деривации производного появляется новый компонент, который по своему значению равен одному из слов-идентификаторов, описывающих грамматические значения того же языка (например, род, вид, число и т.п.), мы имеем дело с морфологической мутацией. Если этим словом-идентификатором оказываются слова с первого или второго уровня членения, то при межкатегориальных сдвигах речь может идти о синтаксической деривации. При внутрикатегориальных сдвигах - переходе от одного семантического разряда к другому внутри одной части речи - место имеет лексическая деривация: а именно модификация. Лексическая деривация наблюдается также при семантических сдвигах, меняющих уровень описания, и в этом случае безразлично, имеет ли она межкатегориальный или же внутрикатегориальный характер. При межкатегориальных сдвигах процессы словообразования являются, однако, одновременно, и типом лексической деривации, и процессом, связанным с преобразованием синтаксической функции исходной единицы. Это и есть те случаи, когда лексическая деривация совмещается с синтаксической.

Очевидно, что все эти типы процессов знаменуются возникновением СЗ разных структур и что указанное разграничение основывается на объективных данных³⁹. Очевидно также, что обозначения "лексическая деривация" и "деривация синтаксическая" не вполне взаимоисключающи: это только крайние полюсы разнородных процессов, которые в реальном их протекании могут смешиваться друг с другом.

Значение той синтагматической последовательности, которую мы называем СЗ, можно сравнить с синтаксическими значениями: "... мы говорим о синтаксическом значении целого, - указывает В.Н.Ярцева, - основанного на связях отдельных его компонентов и таким образом выделяем значение самой синтаксической модели"⁴⁰. Изучение семантических последствий процессов деривации разных типов еще раз демонстрирует, что природа СЗ неразрывно связана со всеми входящими в него компонентами и особенно с тем из них,

³⁹ Уже после написания данной книги мы познакомились с работой: *Улуканов И.С.* Словообразовательные отношения между частями речи. - ВЯ, 1979, № 4. Уточнение типов словообразовательных процессов может принимать и форму, отличную от той, которая нами здесь предлагается, хотя и не противоречит ей.

⁴⁰ См.: *Ярцева В.Н.* Грамматические основы описания языков. - В кн.: Принципы описания языков мира. М., "Наука", 1976, с. 96.

который появляется по ходу словообразовательного акта. Интересно подчеркнуть и то, что как в синтаксисе "при общей структуре модели для определения значения известную роль может играть лексическое содержание членов данной модели"⁴¹, в словообразовании такую же роль может играть лексическое содержание того члена формулы СЗ, который обуславливается мотивирующим словом.

РОЛЬ МОТИВИРУЮЩЕГО СЛОВА В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОТИВИРОВАННОГО СЛОВА

Вопрос о том, каков вклад семантики мотивирующего слова в семантическую структуру производного – один из кардинальных вопросов теории словообразования вообще и теории мотивации, в частности. В представленных теориях мотивации значительное место отводили по вполне понятным причинам анализу тех компонентов значения, которые входили в его поверхностную структуру, т.е. имели непосредственные экспоненты значения в виде морфем или морфемных последовательностей. Рассмотрим как возникают в производном слове те компоненты его семантики, которые могут быть объяснены с помощью мотивирующего слова.

В какой-то мере и мы, подобно другим исследователям, занимаемся в указанной связи проблемой "наращения" или "приращения" значений в акте словообразования. Однако, в отличие от занимавшихся этой проблемой ранее, мы ставим своей главной целью рассмотреть все значения скрытые, явно не выраженные и существующие как бы исключительно в латентном виде. Мы предпочитаем называть такие значения подразумеваемыми, ибо знание производного слова предполагает своеобразный "эффект домысливания"¹ подобных скрытых сем, т.е. явную возможность оперировать этими значениями наряду со значениями противоположного им свойства при использовании слова.

Проблема скрытых значений имеет, на наш взгляд, три аспекта рассмотрения: первый из них связан с установлением причин появ-

---

⁴¹ Там же, с. 95.

¹ Ср.: Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 212, где примеры типа *трехгранная откровенность штыка* или *международные страхи* правильно считаются осмысляемыми "путем ассоциативного домысливания не названного среднего термина при семантической контракции", т.е. понимаемыми как *откровенность трехгранного штыка* и *страхи, вызванные напряженной ситуацией в международных отношениях*.

ления скрытых сем в смысловой структуре производного слова, второй — с исследованием типа и характера этих значений, третий — с выяснением связи между словообразовательными значениями и значениями, невыраженными в структуре деривата. Лишь после ответа на поставленные вопросы можно будет по-видимому, рассмотреть и четвертый аспект проблемы, а именно вопрос о том, насколько показательно наличие скрытых сем для процессов словообразования и каков удельный вес этого явления при возникновении и функционировании производных слов того или иного языка, а также, конечно, для каких процессов словообразования это типично.

Общая гипотеза, которую мы выдвигаем в связи с рассмотрением данного явления, заключается в том, что мы пытаемся объяснить все невыраженные значения в производных словах как следствие мотивации этих слов не только непосредственно мотивирующими их словами (такая мотивация имеет место при аналогическом и корреляционном словообразовании), но и словами в типичном для них окружении. Иначе говоря мы полагаем, что в акте словообразования (при "первом" создании данного производного слова) мотивация принимает форму не мотивации одного слова другим, а форму мотивации определенной синтаксической конструкцией, в составе которой присутствует непосредственно мотивирующее слово и где оно выступает в привычном и естественном для него сочетании с другими словами. Наличие скрытых сем в структуре деривата может быть, с этой точки зрения, объяснено при обращении к закономерностям лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова.

Думается, что исследование фактора лексической и синтаксической сочетаемости слов помогает пролить свет не только на природу скрытых компонентов в структуре производного, возникающих вследствие моделируемой семантической контракции компонентов производного, но и на решение более общих проблем в теории словообразования — проблемы специфики словообразовательных правил, с одной стороны, и соотношения словообразования с синтаксисом и лексикологией (лексикой), с другой. К сожалению, из-за главной темы настоящего исследования мы можем осветить здесь лишь ту часть проблемы, которая связана непосредственно с анализом словообразовательных значений и смысловой структуры деривата.

Если оставить в стороне некоторые второстепенные детали, можно утверждать, что правила словообразования поддаются формулированию лишь там, где применение данной (отождествленной) формальной операции (прибавление конкретного суффикса или префикса, другой основы; ее редупликация и т.п.) приводит к предсказуемым семантическим последствиям и где — в конечном итоге — мы можем охарактеризовать результирующую единицу деривации как семантически выводимую.

Ясно, например, что при образовании производных по аддитивному типу (складываются компоненты производного — с ними соотно-

сятся определенные "кусочки" смысла – общий смысл получается их сложением) констатация словообразовательного правила никаких особых трудностей не вызывает. Очевидно, однако, и то, что такие универсальные правила, характеризующиеся абсолютной продуктивностью, достаточно редки; очевидно также и то, что присутствием того или иного словообразовательного значения в структуре производного его значения часто не исчерпывается. По всей видимости, правила словообразования возможны и здесь. Однако, условия их констатации иные: предсказать следует, какие значения могут формироваться у производных данной морфологической структуры сверх фиксируемого ею СЗ (ср. *синяк*, СЗ которого 'нечто предметное, обладающее синим цветом' – и только). Еще точнее было бы задать здесь вопросом о том, а можем ли мы вообще предсказать появление таких сверхзначений и чем вызвано их появление. Мы полагаем, что выведение целой серии подобных правил, – хотя, по-видимому, и не всех – возможно и что руководствоваться при их выведении, – при их поисках и констатации, – мы должны принципами сочетаемостного анализа слов.

В основе такого анализа лежит глубокое убеждение в том, что, выступая в качестве мотивирующей единицы, слово оказывает влияние: на появление другого слова всеми своими характеристиками, в том числе и даже, быть может, в первую очередь, не столько своими чисто лексическими свойствами (наличием определенных лексико-семантических вариантов, ЛСВ), что, конечно, тоже важно, сколько своими синтактико-семантическими свойствами. Под ними здесь понимается способность слова вступать в соединение с другими словами и занимать, выполняя свою номинативную функцию, определенную синтаксическую позицию в высказывании.

Подобно тому, как назывная форма слова (им. падеж ед. число у существительных, инф. наст. времени у глагола и т.п.) отражает лишь ту условную абстрактную единицу, за которой реально стоят наборы представляющих ее и экспонирующих ее словоформ, та же форма оказывается условной единицей и в семантическом отношении: она только представитель тех иерархически организованных и по-разному структурированных отдельных значений, которые реализуются при использовании данного слова в живой речи или письменном тексте. Термин "лексема" призван отразить тот факт, что слово функционирует в речи, манифестируя то или иное из присущих ему значений².

² См. подробнее: *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965, с. 58; *Никитин М.В.* Указ. соч., особ. с. 71; *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., "Наука", 1968; *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., "Наука", 1965; *Медникова Э.М.* Значение слова и методы его описания. М., "Высшая школа", 1974, с. 58.

Слово, фиксируемое в словаре, служит семантической этикеткой для названия всей той области референции, всего того денотативно-сигнификативного пространства, которое связано с данным словом в мозгу говорящих.

В какой-то мере можно говорить не только о том, что, зная слово, мы знаем и его значение, и наоборот, но и о том, что знание слова предполагает также умение оперировать с ним как с многоликой единицей, существующей реально и объективно в самых разнообразных ее видоизменениях и манифестациях.

Величайшей заслугой отечественного языкознания явилось когда-то понимание слова как системы его словоформ, грамматических видоизменений одного и того же; с традициями адекватного лексикографического представления слова связаны также его определение и его подача в виде отдельных лексико-семантических вариантов. Развитие этих традиций требует в будущем еще одного уточнения — указания на область применения слова по отношению к другим словам (что в современных словарях относится обычно к иллюстративной части словарной статьи, но не всегда эксплицитно освещает указанные особенности слова).

Действительная роль слова какой-либо части речи в грамматике определенного языка может быть понята и описана только после изучения всех репрезентирующих его грамматических форм и связанных с ними грамматических значений и функций. Действительная роль мотивирующего слова может быть понята и описана в словообразовании после того, как само слово предстанет перед нами во всем подлинном разнообразии его возможных сочетаний с другими словами и, одновременно, как представитель своего класса слов, во всем разнообразии характерных для него синтаксических функций. Одно предопределяет необходимость обращения к изучению лексической сочетаемости слова и лексических ограничений на эту сочетаемость, второе — обращение к изучению его синтаксических свойств.

Словообразование следует понимать как образование слова от слова³ только в особом условном смысле такого ограничения — т.е. отдавая себе полностью отчет в том, что единица, именуемая словом и фиксируемая словарем в качестве отдельной материальной последовательности, обобщает и специфическую для него как для представителя данной части речи систему словоформ, и неповторимый набор индивидуальных значений, и особую для него как для самостоятельной лингвистической единицы сферу функционирования, сферу связей с другими словами, сферу сочетаемости. Семантика производного слова, которая при аналогическом и корреляционном типах словообразования проявляет непосредственную зависимость от мотивирующего слова как такового, при словообразовании на син-

³ Ср. по этому поводу: *Лихтман Р.И.* Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке. — ВЯ, 1968, № 2, с. 53.

таксической основе предопределяется окружением мотивирующего слова и его местом в исходной синтаксической конструкции.

В главе 3 мы подробно рассмотрели типы соотношений единиц номинации разных по своей структуре, отметив, что в русле генеративной грамматики особое внимание уделяли повторению свойств в исходной синтаксической конструкции (например, ядерном предложении или придаточном обороте) и базирующемся на ней производном или сложном слове; в основе такого подхода лежала идея о семантической равнозначности единиц, связанных трансформационно-derivационными отношениями. Нас же интересует нечто принципиально иное: принципы создания новых лексических единиц, теория мотивации, вопрос о причинах появления в структуре деривата невыраженных значений и характере последних. Понятие ядерного предложения существует для нас лишь постольку, поскольку семантика каждого производного слова может быть, по нашему мнению, описана с помощью такой дефиниции, в основе которой лежит формула словообразовательного значения, конкретизированная за счет идентификации каждого из трех ее компонентов; правильно и обратное: если мы хотим предсказать, какой дериват может быть образован от данного мотивирующего слова, для этого следует использовать данное слово в отсылочной части формулы словообразовательного значения, соединяя с ним разными типами отношений другие признаки, процессы, предметы, уже исчисленные в общем плане при исследовании главных значений слов отдельных частей речи.

Такая процедура помогает понять, что значение будущего деривата может совпасть полностью с тем, что диктуется его словообразовательной схемой (ср. *рулить* — 'действовать рулем', *домик* — 'маленький дом', *молодость* — 'бытие в состоянии молодого' и т.п.); однако, может отличаться от этой схемы. Это значит, что данное словообразовательное значение было дополнено некими квантификаторами, дополнениями, уточнителями и т.п. уже в момент своего создания. Появление же всех распространителей формулы — следствие типичного для мотивирующего слова окружения в организуемом с его помощью мотивирующем суждении.

Можно полагать поэтому, что наряду с ядерными предложениями, формирующими самые простые семантические структуры у дериватов с предсказуемыми значениями, существуют и ядерные предложения расширенного типа — типовые предложения с типовыми квантификаторами или расширителями, а потому акт словообразования может моделироваться при ориентации на вполне конкретное высказывание. Существующие же в языке правила словообразования могут обеспечить сохранение в структуре деривата тех значений, которые предсказываются окружением мотивирующего слова в мотивирующем суждении.

Иначе говоря, СЗ у производных, создаваемых на синтаксической основе, формируется при доминирующем характере слова-идентификатора, отражающего общий замысел акта словообразования: будущее название осмысливается как представитель определенной категории

определенной части речи. Далее устанавливается тип отношения обозначаемого к источнику мотивации, т.е. СЗ приобретает тот компонент, который указывает либо на наличие неконкретизированной связи, либо на ее конкретный характер. При этом и установление такого отношения, и его возможная конкретизация, и точное определение тех значений, которые заимствуются из значений мотивирующего слова, — все это происходит как обобщение сведений, получаемых при знании сочетания мотивирующего слова с другими словами в источнике мотивации.

У слова *лес* в русском языке два основных значения — 'площадь земли, заросшая деревьями' и 'срубленные деревья как материал'. Первое значение можно отразить словом-идентификатором "место, где", второе — словом "конкретный предмет". В первом значении оно соединяется с такими предикатами как "находиться", "быть в", "жить" и т.п., и это объясняет сохранение этих же значений в структуре деривата *лесной* (ср. *лесная поляна, лесные птицы*).

Из практики хорошо известно также, что 1) Лес — охраняют, откуда 'тот, кто охраняет лес' → *лесник*; 2) Лес выращивают, откуда *лесной питомник* и *лесонасаждения*, где ассоциации прежде всего по связям *лес* → *деревья*; 3) Наличие леса может быть характерным для всей местности, откуда *лесистый край* — не столько 'заросший лесом' сколько 'богатый лесом' и т.п. Другие производные значения можно с легкостью предсказать и для второго значения слова (ср., например, *лесина* 'одно срубленное дерево', т.е. 'один представитель срубленных деревьев' и т.п.).

Таким образом, выбираемое значение мотивирующего слова ("место" или "предмет") обуславливает использование предиката или квантификатора и если они не обозначаются в акте словообразования отдельно (с помощью деривационного аффикса), они продолжают существовать в смысловой структуре деривата в виде скрытых сем. Так, в прилагательном *лесной* суф. -н- только намекает на наличие связи, но не конкретизирует ее; с другой стороны, он как бы маркирует необходимость домысливания предиката.

Роль отсылочной части производного тесно переплетена с ролью деривационного аффикса именно потому, что аффикс способствует прочтению деривата либо указывая на характер заимствованного значения (так, уменьшительный суф. -ок- в *лесок* указывает на вещный характер исходного слова), либо предопределяя круг недостающих значений.

Это особенно наглядно проявляется тогда, когда рождение нового производного происходит у нас на глазах. Ср.: Всякий брак — не соединение двух людей, как думают, а *совождение* или *сшибка* двух планов, *двух миров*. Всякий брак — *двоемирие*. Встретились две системы в космосе и *сшибаются намертво, навсегда*" (Ю. Трифонов. Другая жизнь, с. 24).

Приводя это рассуждение и предлагая новое обозначение брака, *двоемирие*, Ю. Трифонов как бы предостерегает читателя от понимания этого слова в его буквальном смысле (т.е. в соответствии с

его СЗ (и конкретизирует ту связь, которую фиксирует в этом слове, как связь двух противопоставленных и, возможно, враждующих, сталкивающихся миров.

Синтагматический характер выражения СЗ, построенного на взаимодействии двух (соположенных) категорий и их "вещных" предстателей в морфологической структуре деривата — отсылочной части, с одной стороны, и формирующей, с другой, — составляет неотъемлемую часть не только формы СЗ, но оказывается также ключом к его пониманию. Ведь в этом взаимодействии отчетливо проявляется феномен "согласования смыслов", который приводится первоначально в движение тем, кто создает производное или же использует его, а затем восстанавливается тем, кто слышит производное слово или встречает его в тексте.

По-видимому, именно в силу синтагматического характера цепочки, реализующей любое СЗ, в типах отношений, складывающихся между отдельными частями этой синтагмы, можно видеть аналоги тех типов связей, которые наблюдаются и в обычных расчлененных синтагмах на уровне синтаксиса, т.е. говорить и здесь о подчинительной, сочинительной или аппозитивной связях, а также выделять среди подчинительных связей разные их разновидности⁴. Можно в исследовании этих связей пойти и другим путем, классифицируя их на логико-синтаксических основаниях иного типа⁵. Можно, наконец, предложить рассматривать возможные типы связей двух понятийных категорий, обращаясь к лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова и, следовательно, анализируя синтаксическую позицию мотивирующего слова в мотивирующем суждении и изучая лексическую наполняемость конкретного источника мотивации.

Итак, мы полагаем, что поскольку СЗ складывается под влиянием всех значений и всех отношений, зафиксированных в мотивирующем суждении, оно проявляет явную зависимость от вхождения непосредственно мотивирующего слова в тот или иной тип мотивирующего суждения и от реализации в этом суждении мотивирующим словом того или иного типа лексической и синтаксической сочетаемости.

При словообразовании на синтаксической основе производное слово оказывается способным отразить не только значения своего непосредственно мотивирующего слова, но и часть значений всего источника в целом. Если признавать, что каждое суждение (предложение) обладает своей собственной синтаксической семантикой, — яркой чертой производного как универба следует признать его спо-

⁴ См., например: *Шамлиди Е.Ю.* Структурно-семантические и словообразовательные особенности двухкомпонентных эссемиических наименований (опыт теории словообразовательной номинации). Автореф. канд. дис. М., 1979.

⁵ См., например: *Brehle H.* Generative Satzsemantik im System der Englischen Nominalkomposition. München, 1976.

способность сохранить то, что заложено в семантике синтаксической конструкции, в собственной смысловой структуре. Выступая в составе предложения, слово оказывается носителем не только лексических и грамматических значений, но и носителем синтаксического, пропозитивного значения — значения, зависящего от той роли, которую оно играет внутри предложения, выступая в нем в качестве актанта или же сирконстанта действия, в качестве его субъекта или объекта и т.п. Пропозитивные значения — важнейшая часть того, что именуется смыслом предложения⁶, и эту часть (или часть этой части) может сохранить и нередко сохраняет смысловая структура производного слова.

Ранее мы уже указывали, что позицией непосредственно мотивирующего слова внутри мотивирующего суждения можно объяснить степень мотивированности производного⁷; так, большая семантическая прозрачность свойственна производным с основами, коррелятивными словам, занимающим позиции главных членов предложения: ср. *он заикается* → *он заика*, *he is reading* → *he is a reader*; *соль зрят в солонке*, *а сахар — в сахарнице* и т.п. Чем проще по составу мотивирующее суждение и чем меньше членов, помимо главных, оно включает, тем тоже большей оказывается степень мотивированности производного, ср. *Се n'est pas logique* → *c'est illogique*, *Он стал бледным* → *Он побледнел* и пр.

Можно продемонстрировать также, что позицией непосредственно мотивирующего слова в мотивирующем суждении и его окружением обуславливаются и другие важные черты мотивируемой им единицы. Именно в этом смысле можно утверждать, что синтаксическая и лексическая сочетаемость слова исходного имеют первостепенное значение для формирования семантики слова производного. Иными словами, развивая положение о зависимости семантики производного от места мотивирующего его слова в исходной пропозиции, мы всячески подчеркиваем влияние на формирование его значения: а) конкретных лексико-грамматических значений мотивирующего слова; б) его собственной синтаксической функции и тех пропозитивных значений, которые связаны с выполнением этой функции; в) воздействие его конкретного окружения (при наличии последнего).

В итоге словообразования на синтаксической основе отсылочная часть производного слова, которая по идее должна отсылать ко всему объему знаний, заимствованному из мотивирующего источника, оказывается только таким его следом, который, сигнализируя о сложном значении, не выражает его эксплицитно полностью. Отсылочная часть производного — это "краткое резюме" источника деривации, причем иногда весьма неполное. Условность в передаче

⁶ В трактовке этого понятия мы следуем за Н.Д. Арутюновой. См.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

⁷ См.: Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова. — АПРС, 2.

значений источника основой или основами деривата может быть объяснена тем, что такие основы вынуждены отразить контракцию достаточно разнородных значений источника деривации, но сами — материально — они не могут превысить по своей протяженности определенных границ. Иначе говоря основа производного слова должна вызывать к жизни достаточное количество ассоциаций с источником мотивации независимо от степени свернутости этого последнего в морфологической структуре деривата. Процесс такого свертывания, универбации и, значит, семантической компрессии мы наблюдаем исключительно при синтаксическом словообразовании. Во всех же прочих типах словообразования смысловая структура деривата повторяет (по крайней мере, в отношении лексических значений) необходимую часть смысловой структуры мотивирующего слова.

Простейшим типом свертывания являются многие моделируемые номинализации: ср. *Я встретил друга после долгой разлуки. Встреча произвела на меня глубокое впечатление.* Ясно, что событие, обозначенное словом *встреча*, соответствует всей описанной здесь ситуации. Дериват способен вследствие этого выступать в своеобразной анафорической и дейктической функции и отсылать ко всему мотивирующему суждению (примеры см. также ниже в следующей главе).

Цель словообразовательного анализа — установить прежде всего те "прочтения" производных слов, которые обеспечиваются знанием СЗ данного языка. Однако, в его задачи входит также объяснение возможных путей лексикализации производного слова, т.е. предсказание значений, появление которых вполне вероятно и формирование которых может быть предусмотрено заранее благодаря знанию типичной лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова.

В теории языка понятия лексической и синтаксической сочетаемости еще, быть может, строго не разграничиваются, да мы и не настаиваем на жесткой их дифференциации, различая системные и узуально-индивидуальные характеристики в употреблении слов. Тем не менее разграничение в своей основе представляется нам весьма целесообразным. Способность слова как представителя своего класса слов (определенной части речи или реализующего ее отдельного лексико-грамматического разряда) вступать в те или иные связи, а также занимать определенную позицию внутри высказывания, рассматриваются нами как синтаксическая сочетаемость. Способность данной лексемы встречаться с другой лексемой и проявлять избирательность в соединениях с другими словами составляет то, что можно, по-видимому, назвать его лексической сочетаемостью.

Если синтаксическая сочетаемость слова есть отражение его принадлежности к грамматическим разрядам слов, лексическая сочетаемость обусловлена его индивидуальными семантическими свойствами и предопределяется обычно закономерностями узуального сочетания слов в изучаемом языке. Правила синтаксической сочетаемости фиксируют валентности слова в терминах более общего по-

рядка, чем правила лексической сочетаемости, которые отражают скорее диктуемые принципом согласования смысла, но более частные закономерности в соединениях слов, и которые фиксируют прежде всего либо ограничения на совместную встречаемость определенных слов, либо, напротив, распространенность тех или иных сочетаний и привычность ассоциаций одного слова с другим. В английской лингвистической школе в этом смысле говорили о коллокациях слова, имея в виду как раз привычную сочетаемость слов в таких почти-клише, как *днем и ночью*, *карие глаза*, *кауряя лошадь* и пр. В принципе лексическая сочетаемость предопределяется синтаксической и базируется на ней, но не определяется ею целиком в том отношении, что синтаксически правильное сочетание отвергается носителями языка как "странное", "непривычное" и даже "невозможное".

Дифференциация понятий лексической и синтаксической сочетаемости даже в таком нестрогом виде⁸ заставляет предположить, что анализ лексической сочетаемости есть прежде всего а) изучение принятых обществом и "естественных" для данного слова окружений, с одной стороны, и б) изучение лексических ограничений на сочетания слова, с другой⁹. Анализ же синтаксической сочетаемости слова близок анализу его валентностных свойств и в первую очередь определению так называемой обязательной валентности слова¹⁰. В целях словообразовательного анализа у мотивирующего слова приходится учитывать одновременно и тот и другой тип сочетаемости.

Так, синтаксическая сочетаемость слова *водит* определяется возможностью его соединения с определенным объектом действия: словарь указывает при этом на возможность одушевленных и неодушевленных объектов (*водит детей гулять; водит смычком по струнам*), однако, не фиксирует того, что в значении 'двигать', 'перемещать' и в значении 'управлять' глагол ведет себя по-разному. Словарь не фиксирует и того, что в значении 'управлять' глагол *водит* используется только применительно к объектам, управляемым на земле или в воздухе, но не в воде. Однако именно это лексическое ограничение отчетливо выступает в производном *вождение* (нет* *вождения ребенка няней*, но есть *вождение войск*; нет* *вождения байдаркой*, но есть *вождение автомобиля и самолета* и т.п.). Ср. также *водитель* — производитель действия, связанного с тем же

⁸ См.; подробнее: Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. Л., "Наука", 1975.

⁹ См.: также: Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках, вып. 2. Челябинск, 1977.

¹⁰ См., например: Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., "Вышшая школа", 1978.

ограничением, но *вождь* – производитель действия от значения, которое в словаре (правда, не очень точно) определяется как 'выполнять наиболее активные обязанности согласно с правилами игры'. Отсюда же и *водительство* (ср. *под водительством Суворова*).

Лексикализованный характер производных можно всегда связать с теми лексическими ограничениями, которые наблюдаются для мотивирующего слова в синхронии, но иногда – и с теми, которые были типичны для него в диахронии (ср. *ведок, ездовой* и пр.). Каждой части речи предписаны определенные места внутри синтаксического целого и возможные для манифестирующего ее слова синтаксические роли. Лексическая же сочетаемость мотивирующего слова обеспечивает правильную заполняемость типовой синтаксической схемы надлежащими лексемами, т.е. позволяет придать общей дефиниции обозначаемого более конкретную и более естественную форму.

Самым обычным типом мотивирующего суждения являются трехчленные синтаксические конструкции, что явно сообразуется с трехчленным характером СЗ. Суждение этого типа строится как сочетание идентифицирующего подлежащего с приписыванием ему сложным признаком, отражаемым сложным предикатом – либо глаголом-связкой с именем, либо глаголом с теми или иными синкронантами действия, либо глаголом с объектом действия и т.д. и т.п. Преобразованию в производное может подвергнуться только указанное сложно-составное сказуемое (ср. рус. *удлинить* 'сделать длиннее, чем есть/было' → 'сделать более длинным' и фр. *allonger*, или *Он ведет себя как модник/подобно моднику* → *он модничает* и т.п.) или же все суждение в целом (*он пасет свиней* → *он свинопас*; *он пашет землю* → *он земледельец* → *он пахарь* и т.п.).

Отсылочной частью производного становится при этом топкализированная часть высказывания (рис. 9).

Рис. 9

- 11 Как мы уже подчеркивали выше, СЗ служат названиями обобщенных типов отношений, возможных между двумя предметами, а, как справедливо подчеркивает Б.А. Абрамов, "отразить отношение между двумя предметами позволяет трехконституентная структура, дающая возможность назвать и оба предмета, и связывающее их (статическое или динамическое) отношение". См.: Абрамов Б.А. О моделировании семантических структур. – В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979, с. 7–8.

Ср. также: *Он учится в школе* → он — ученик, но *Он учит в школе* → Он — учитель.

Поскольку многие производные и сложные слова двухкомпонентны, а фиксируемые ими СЗ — трехкомпонентны¹¹, при создании дериватов вполне возможно явление семантического пропуска, т.е. невыраженности какого-либо из значений сложного предиката. Таким образом, в деривате не может быть невыраженным тот элемент значения, который приходится на долю подлежащего исходного суждения, хотя он и может быть выражен в самой общей и неопределенной форме (ср. *черника* 'нечто черное'). С другой стороны, в нем может быть невыраженным любой из элементов значения, коррелятивный сложному предикату: в качестве скрытых сем могут выступать либо сами конкретные предикаты, либо их конкретные расширители. Роли синтаксической и лексической сочетаемости исходного слова при этом неждественны. Синтаксическая сочетаемость слова обуславливает моделирование суждения в его определенной синтаксической форме, лексическая — обеспечивает его правильную с лексической точки зрения реализацию.

В словах *игрок*, *игрец*, *игрун* значение *nomina agentis* есть результат синтаксической сочетаемости глагола играть в идентифицирующем суждении *Он играет* или "X — это тот, кто Y (играет)". Однако частные и специализированные значения имен действия есть следствие того, что в исходном суждении, т.е. дефинициях данных имен действия, глагол *играть* выступал в сочетаниях: а) Он играет в азартные игры → тот, кто играет в азартные игры, называется игрок; б) Он любит играть → тот, кто любит играть (играет охотно, часто и т.д.), называется игроун; в) Он играет на дуде → тот, кто играет на дуде, называется игрец (и швец, и жнец, и на дуде игрец).

Таким образом, разные *nomina agentis* есть следствие различий мотивирующих суждений, построенных по одной синтаксической схеме, но "заполненных" или развернутых с включением разных уточнителей (сирконстантов). Различие смысловых структур — результат различий в лексической сочетаемости глагола в указанных мотивирующих суждениях, хотя каждая из этих структур служит отражению одного из привычных сочетаний глагола, а синонимия суффиксов используется для дифференциации значений. Каждая словообразовательная модель закрепила одно определенное значение, все они вместе — результат выбора из возможных сочетаний глагола ограниченного количества сочетаний, по-видимому, не только наиболее типичных, но и, так сказать, коммуникативно релевантных; результат опоры на разные валентностные свойства глагола, результат топикализации разных сирконстантов действия в глубинной структуре суждения.

При замене указанных уточнителей глагола в этой же моделирующей структуре на другие, мы получаем: Тот кто играет на пианино, называется пианист (ср. также арфист, виолончелист и пр.), где мотивирующим признаком оказывается объект действия и топикализиру-

ются другие сирконстанты (и, возможно, под влиянием того, что наименования *игрок, игрун* и пр. уже имели другие значения, т.е. служили обозначением иных *potina agentis*).

В принципе, следовательно, все наиболее важные и наиболее типичные окружения глагола *играть* – играть на каком-либо инструменте, играть в азартные игры, любить играть и пр. и свойственные им значения оказываются так или иначе представленными в структуре дериватов (ср. также 'то, во что играют' → *игрушка, игра*; а также название результата действия по указанному глаголу: *Он великолепно играл в тот вечер, и его игра всех потрясла* и т.п.).

Итак, синтаксическая сочетаемость мотивирующего слова обуславливает его участие в определенной исходной мотивирующей структуре, мотивирующей дефиниции, носящей, как и всякое суждение, предикатный характер и сводящейся к приписыванию признака (функции) определенному предмету (аргументу) и в значительной мере предопределяет общее словообразовательное значение модели. Лексическая же сочетаемость исходного слова обуславливает возможность частных, лексикализованных значений этой модели.

Разобранные примеры помогают понять откуда появляются в смысловой структуре производного слова скрытые, т.е. никак не отраженные его морфологической структурой семы. Лексикализацию производного следует понимать поэтому не только как приращение значения, но и как своеобразное сохранение, хотя и в скрытом, имплицитно не выраженном виде, той информации, которая была связана с лексической сочетаемостью мотивирующего слова в исходной мотивирующей структуре.

Разобранные примеры свидетельствуют о том, также, что роли отсылочной и формантной частей производного функционально различны потому, что формантная часть должна, действительно, обеспечить приращение нового значения, а отсылочная – сохранение старого значения, или, точнее, того из комплекса значений, которое необходимо для нового имени. Отсылочная часть выступает при таком более широком видении смысла и задач словообразовательных процессов как возбуждающая представление не только о мотивирующем слове, но и связанных с ним ассоциациях.

Думается, что такая концепция позволяет хотя бы отчасти избежать того узко синтаксического подхода к процессам словообразования, который мы нередко находим у представителей генеративно-трансформационного направления, и отказаться от мысли объяснить все многообразие производных их опорой на заданные ядерные предложения или заранее исчисленные логико-семантические жесткие схемы. Реальные процессы словообразования, подчиняясь общим правилам, протекают в явной зависимости от индивидуальных особенностей мотивирующего слова и обусловленной этими особенностями его способностью вступать в сочетание с другими словами в рамках предикативного целого, в составе мотивирующего суждения.

Обращаясь к употреблению слова в привычном для него контексте и выделяя среди всех употреблений слова такие, какие можно было

бы назвать диагностирующими для его семантики (явно, эксплицитно отражающими его скрытые значения), мы можем объяснить значения базирующихся на нем производных и воссоздать сложный процесс речемыслительной деятельности, стоящей за их возникновением, но сама такая процедура имеет скорее ретроспективный, чем проспективный характер. Очевидно, в то же время, что предсказать заранее появление новых конкретных значений мы можем лишь в ограниченной степени. Создание многих производных (не синтаксических дериватов — в первую очередь) — есть творческий акт.

Эту сторону словообразовательного синтеза очень хорошо подметил И.Г. Милославский: сколь бы ни была сложна процедура получения значения целого из значения частей, — подчеркивает он, — мы никогда не сможем получить из таких последовательностей морфов, как *подснежник*, *подберезовик*, *намордник*, *наглазник* значения 'цветок', 'гриб', 'сетка или повязка'¹². Но создаются-то производные именно для выражения этих значений! Описывая правила словообразования, исследователь не должен подменять общих правил согласования и сочетания смыслов перечислением тех лексических значений, которые оказываются результатом подобного согласования. Его задача — констатация возможностей словообразовательной модели, определение сферы и диапазона ее действия, амплитуды возможного варьирования значений и т.п. Возможное звено в этой цепи — установление непосредственно мотивирующих слов в данной словообразовательной модели и изучение их лексической и синтаксической сочетаемости.

Лексикализация производного может в связи с вышеизложенным рассматриваться как возникающая вследствие неполноты, свернутости отсылочной части производного слова; ограниченная в поверхностной морфологической структуре рамками одной полнозначной основы при аффиксации и конверсии, или же рамками двух-трех сложенных основ при словосложении и т.д., отсылочная часть уже по форме своей не может эксплицитно передавать все значения своего источника. Цель исследователя в области словообразования — определить, какие из этих значений получают эксплицитное, какие — имплицитные формы, отражения. А это значит, что мы должны определить, какая часть источника деривации отражается в производном в виде явных, а какая — в виде скрытых значений.

Мотивированность производного слова может зависеть не только от прямолинейной возможности объяснить значение одного слова через другое, но и от того, насколько легко восстанавливаются скрытые семы в его смысловой структуре. По-видимому, благодаря

¹² См.: Милославский И.Г. Производное слово как фразеологическая единица. — В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978, с. 46; ср. также: Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Автореф. докт. дис. М., 1977.

знанию говорящим не только номинативного, прямого значения слова, но и его сочетаемости, благодаря знаниям возможного окружения слова и его связей, во многих случаях говорящий не испытывает никаких трудностей при необходимости догадаться о значении деривата. Поскольку из своего предыдущего опыта человек знает, что часы бьют, а сердце — бьется и что бить в колокол — это не совсем то же самое, что бить собаку, он понимает, что *бой*, *биение* и *битье* тоже могут быть отнесены к разным референтам. Но человек полагается, конечно, не только на свой лингвистический опыт, заставляющий его догадаться о том, что *дождвик* — это нечто, связанное с дождем, а *пыльник* — с пылью. Он ориентируется в словах благодаря знанию естественной, натуральной логики событий и самого мира вещей.

Мотивированность производного слова может пониматься поэтому и как способность отсылочной части производного отсылать к соответствующему слову (и, конечно, обозначенному им понятию), но — одновременно — и как способность отсылать к "естественному" окружению такого слова, т.е. вызывать в нас ассоциации, связанные с употреблением слова в привычном для него окружении, сигнализировать о связях реалий и понятий. Отсылочная часть выступает в этом смысле не только как краткое резюме мотивирующего суждения, но и как образ обозначенного им слова, который при необходимости служит в качестве сигнала-намёка на все, связанное с триадой "слово — понятие — реалии и класс реалий".

Так, например, сочетания многих прилагательных в английском языке с определенными существительными воспринимались как настолько устоявшееся и привычное, что это повлекло за собой возможность опущения существительного при переходе атрибута в существительное, которое впитывает в себя и хранит в своей семантической структуре значения того имени, к которому оно некогда было отнесено, ср. *funicular railway* → *a funicular*, *a private soldier* → *a private*; *Carpetian King* → *a Carpetian* и т.п.¹³ ср. рус. *скорая помощь* → *скорая* и *вечерняя газета* → *вечерка*.

Попытки связать семантику производного с реализацией производящим словом какой-либо из его валентностей предпринимались и раньше.

Мысль о том, что "содержание производного — это прежде всего указание, во-первых, на знак [т.е., по всей видимости, на непосредственно мотивирующее слово. — Е.К.] и, во-вторых, на одну или

13

См.: Кузнецова В.О., Шарупин В.И. Характер и виды семантико-категориального сдвига в парах семантически-соотносительных омонимов прилагательное — существительное сложной морфологической структуры. — В кн.: Структура словаря и вопросы словообразования германских языков. Пятигорск, 1975.

несколько связей этого знака с другими", была высказана Е.Л. Гинзбургом в 1972 г.¹⁴ Это положение легло впоследствии в основу развиваемой им теории лексической и синтаксической деривации как таких типов словообразования, один из которых эксплицирует "необходимые значения производящего, повторяемые всеми словами, замещающими данную валентность", а другой — ограничения на использование исходного знака в тех или иных отношениях¹⁵.

Анализ валентностных свойств исходного слова по сравнению с производными дан также в книге Ю.Д. Апресяна¹⁶, однако и его, как и многих представителей генеративной семантики, интересуют в основном те имена, с которыми возможны так называемые равнозначные преобразования, т.е. область чистой синтаксической деривации.

В концепции М.Д. Степановой о внутренней и внешней валентности слова¹⁷ делается попытка разграничить эти понятия и изучать сложные слова прежде всего на основании изучения их "внутренней" валентности. Отправным материалом для исследования здесь является именно та сочетаемость компонентов композитов, которую мы обнаруживаем уже *post-factum*. К тому же здесь анализируются в первую очередь межморфемные связи внутри слова¹⁸.

В отличие от этих исследователей мы пытаемся уточнить основы теории мотивации, рассмотреть пути образования производных и сложных слов *in pascendi*, проанализировать те процессы, которые характеризуют возникновение новой единицы номинации с тем, чтобы объяснить возможные номинативные и прочие функции этой единицы. Но, по-видимому, главное отличие предлагаемой здесь концепции от концепций других ученых заключается все же в попытке соотносить анализ лексической и синтаксической сочетаемости мотивиру-

14 См.: Гинзбург Е.Л. О словообразовательном значении. — *Československa Rusistika*, 1972, т. 17, № 4.

15 См.: Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., "Наука". 1979, с. 37-39.

16 См.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974, с. 164.

17 См.: Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 156; *Она же*. О "внутренней" и "внешней" валентности слова. — *Ин. яз. в школе*, 1967, № 3; *Она же*. Теория валентности и валентный анализ. М., 1973.

18 См., например: Беллева Т.М. Словообразовательная потенция, валентность и активность глагольных основ в английском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1974; Лазарев В.В., Квартыч Н.В. Формально-семантический анализ словообразовательного поля "человек" (опыт теории внутренней валентности). — В кн.: *Лексикология и стилистика английского языка*. Пятигорск, 1976.

юшего слова с определением словообразовательного значения и формированием конкретных значений отдельных типов производных и сложных слов при живом и постоянном взаимодействии самой словообразовательной модели с заполняющими ее компонентами. Иначе говоря, рассмотрение и этой проблемы подчиняется главной замыслу книги — объяснить пути возникновения СЗ в производных разного типа и возможность варьировать эти значения в том или ином отношении под влиянием описываемых факторов.

Итак, обращение к анализу закономерностей лексической и синтаксической сочетаемости слов разных частей речи помогает уяснить природу приращиваемых значений и описать часть из них в виде значений скрытых. Тем же путем можно установить типы и характер скрытых и домысливаемых сем.

Различие их связано с кардинальным различием синтаксических функций и частеречных значений главных частей речи. Здесь особенно очевидна разница между синтаксической сочетаемостью и синтаксическим поведением имен и глаголов. В то время как существительное занимает обычно в предложении место субъекта или объекта действия, глагол предназначается, как правило, для строения предиката. Эти "пропозитивные" значения они и приобретают в актах словообразования прежде всего. Так, транспонированные в класс существительных, глагольные и адъективные основы формируют производные, способные к тому, чтобы выполнить функцию обычных существительных, а транспонированные в класс глаголов, адъективные и субстантивные основы образуют производные, которые выполняют функцию предиката. При этом номинативные единицы, попавшие в сферу глагола, обретают способность формировать не простой, а сложный предикат, своеобразно отраженный в них сложной природе СЗ, ср. *раскричаться* 'начать громко кричать', 'поднять сильный крик', *раззнакомиться* 'прекратить знакомство (из-за ссоры, обиды)', *запеть* 'начать петь', *обезводить* 'лишить воды' и т.п.

Номинативные же единицы, попадающие в класс существительных, приобретают одно из значений, характерных для слов этого класса, причем нередко такое значение маркируется специальной морфемой. Не исключено, однако, что существительные, образованные от основ одного класса и с помощью одного и того же суффикса, развивают любое из возможных частеречных значений существительного. Иначе говоря, достаточно самого акта транспозиции в класс существительных, чтобы транспонированное слово могло развить любое из присущих этому классу значений. Так, в современном английском языке отглагольные существительные на -ing могут обозначать простые названия соответствующих действий, состояний или процессов (в зависимости от семантики исходного глагола), но могут приобрести одно из следующих значений: предметности (that, something/anything), вещественности (material, substance), локальности (the place, territory, area, where), темпоральности (time, period, when),

лица или занимаемой должности и т.п.¹⁹, что полностью соответствует тому, что было предположено на основании чисто теоретических соображений.

В том случае, когда в структуре СЗ классная принадлежность слова к одному из семантико-синтаксических разрядов получает специальное выражение, т.е. существительное недвусмысленно опознается как название производителя действия, его адресата, пациента и т.п., акт словообразования как бы завершается маркированием роли данного существительного, и это позволяет поставить вопрос о том, какие цели достигались в языке созданием СЗ этого типа (см. след. главу).

Здесь нам важно подчеркнуть и другое: имя и глагол по-разному участвуют в организации мотивирующего суждения, а поэтому формируемые им отсылочные части оказываются способными хранить разные значения источника мотивации. Вследствие этого лексикализация отыменных и отглагольных производных принимает разные формы.

Лексикализация при отглагольном словообразовании происходит в таких условиях, когда от источника деривации (от мотивирующего суждения) в деривате остается только след предиката — глагольная основа. Отсылочная часть этого типа указывает, таким образом, на предикат суждения, но она не способна сохранить в себе самой окружения предиката, т.е. либо сирконстанты действия, либо его субъектно-объектные характеристики. Отсюда отсутствие скрытых сем, если мотивирующее суждение строилось как двучленное (ср. *Он поет* → *его пение*; *Он заикается* → *он заика*; *Мы приехали* → *наш поезд* и т.п.).

Напротив: отсюда появление скрытых сем, если мотивирующее суждение строилось как трехчленное, а третий и четвертый и т.п. члены не могут быть отражены специальной деривационной морфемой, ср. *Он водит машину* → *он водитель*; ср. *советчик* 'тот, кто советует' и *советник* в *советник посольства*, т.е. 'тот, кто советует [дает советы] по должности'.

Таким образом, если в поверхностной структуре деривата отглагольного типа специальной морфемой не отражены сирконстанты действия или другие его конкретизаторы, а мотивирующее суждение содержит их, соответствующие значения переходят в класс домысливаемых, скрытых. Лексикализация производных этого типа связана, следовательно, с устранением из морфологической структуры деривата указателей на характер и другие обстоятельства совершаемого действия. Отметим одновременно, что нередко они маркируются специальными морфемами (ср. словообразовательные модели для обозначения однократности / многократности действия, фазовых характеристик действия, локативных уточнителей и т.п.). Как правило,

¹⁹ См.: *Елисеева Р.Д.* Анализ словообразовательной и семантической структур имен действия на *-ing*, *-ion*, *-ation*, *-ification* в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1975.

однако, они приходится на область образования глаголов от глаголов. Это значит, что появление скрытых сем в сфере глагольного словообразования приходится в значительной мере на область образования глаголов от других частей речи.

Лексикализация при отыменном словообразовании происходит в таких условиях, когда от источника мотивации в деривате остается след от любой части мотивирующего суждения, кроме предиката. Обычно именно этот переход предиката в латентное состояние и вызывает наличие скрытых сем в структурах типа *барабанищик*: тот, кто (играет) на барабане, *школьник*: тот, кто (учится) в школе и т.п., ср. также *лесной* (находящийся) в лесу или: (относящийся) к лесу; и т.д.

Восстанавливая путь образования производного типа *sandy* 'песчаный' в английском языке, М. Льюнг указывает, что ему предшествует оформление предложения *The ground has sand on it* 'На земле есть песок', которое сменяется более конкретным высказыванием *The ground is covered with sand* 'Земля покрыта песком', заменяемым первоначально сложным словом в *The ground is sand-covered* 'Земля — песчано-покрыта', так что в конечном счете *sandy* образуется из *sand-covered*²⁰.

Д. Кастовский возражает ему, указывая, что во многих случаях конкретный предикат не восстановим: так, в *oily water* 'маслянистая вода' трудно сказать, идет ли речь о воде, покрытой мазутом, или же о воде, пропитанной или загрязненной мазутом и т.п.²¹. Не-возможность восстановления (*recoverability*) конкретного предиката он рассматривает как довод в пользу того, что образование относительного прилагательного происходит не на базе конкретного суждения о данном свойстве. Представляется, однако, что существование моделей СЗ обеспечивает в языке возможность формирования на основе одного и того же СЗ лексического значения любой степени абстрактности ~ конкретности. Образование данного СЗ обуславливается возможность выразить общее значение "иметь отношение к" с разной степенью конкретности, переключая уточнение этого отношения на контекст.

Как мы указывали, нельзя не согласиться с Е.А. Земской, которая, рассмотрев "эллиптические преобразования многословных описательных оборотов" пришла к выводу о существовании в русском языке "словообразовательных типов, по которым производятся образования, значение которых уточняется лишь в контексте"²²,

²⁰ См.: *Ljung M. English denominal adjectives*, Lund, 1970, p. 24.

²¹ *Kastovsky D. Word-formation, case grammar and denominal adjectives*. — *Anglia*, 1974, Bd. 92, N. 1/2, p. 15.

²² См.: *Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах от-субстантивных прилагательных в современном русском языке*. — В кн.: *Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н.И. Конрада*. М., 1967, с. 102.

ср. *олимпийские достоинства столицы*, т.е. 'достоинства Москвы как места проведения Олимпиады'. Определительные слова такого типа возникают для выполнения функции "служить сигналом, вокруг которого группируются все необходимые сведения, накопленные памятью"²³.

В сущности те же функции выполняет в английском языке и имя, поставленное перед другим именем в рамках сложного слова или словосочетания, ср. *government job* или же *dinner show* в тексте *There were two shows, dinner and late, with a small combo to back me up ... I enjoyed the dinner show, but every night the late show was a struggle.* (A.E. Hotcher. *Doris Day. Her own story*. N.Y., 1976, с. 94). 'Мы давали два представления — днем и поздно вечером... Я любила дневное, букв. обеденное представление, но позднее доставляло мне каждый вечер неприятности'.

Более того, как мы пытались показать в настоящей главе, отсылочная часть в производных многих типов способна служить сигналом о привычных ассоциациях данного слова с другими. Обращение к лексической сочетаемости исходного слова оказывается поэтому такой лингвистической процедурой, которая решает многие проблемы, связанные с лексикализацией производных, различием структур отглагольных и отыменных производных, природой скрытых компонентов в семантике производного и, главное, особенностями использования СЗ в живой речи и определением номинативных функций отсылочных частей производного слова.

Невыводимость всего значения производного из значения его частей при мотивирующем слове — глаголе связана, следовательно, с тем, что в мотивирующем суждении он выступал не один, а в сопровождении каких-то уточнителей (ср. *Он ворует* → он — вор, но *Он занимается научными исследованиями* → он — исследователь при невозможности* *он исследователь больного*, ср. также *он рассказывает сказки* → он — сказитель и т.п.).

Для объяснения семантики отглагольных производных надо поэтому исчислить типы идентифицирующих суждений и определить, в каких из них глагол выступает в обязательном окружении теми или иными уточнителями и какими именно. Предсказать точно появление скрытых сем этого типа, быть может, и нельзя, однако, предвидеть их и предусмотреть их типы вполне реально.

Для отыменного словообразования дело обстоит еще сложнее. Если в качестве непосредственно мотивирующего слова выступает существительное, то можно предвидеть заранее, что, во-первых, к одному и тому же существительному можно отнести различные предикаты и что, во-вторых, оно может занимать в мотивирующем суждении разные синтаксические позиции. Для объяснения семантики

²³ Катлинская Л.Н. Об особой категории слов в разряде относительных прилагательных современного русского языка. — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977, с. 93, 103.

отыменных производных надо поэтому не только исчислить возможные типы идентифицирующих суждений, но и предусмотреть разные возможные роли существительного в этих высказываниях и разные предикаты к одному и тому же имени. Здесь нужна процедура реконструкции предиката с определением места мотивирующего слова относительно восстанавливаемого предиката.

Естественная логика обращения с предметным миром и здесь подсказывает свои решения. Транспонируемое в класс глаголов англ. father 'отец' приобретает значения to become a father (ср. to father a child 'усыновить ребенка') или to behave like a father (ср. He fathered her tenderly 'он проявил себя нежным отцом'). Точно так же, глагол to water от water 'вода' может значить 'снабжать водой', 'поливать', 'разбавлять водой', 'пить', 'течь' и т.д. Ясно, что в каком-то смысле все эти значения предсказуемы.

Нельзя не признать тем не менее, что тенденция маркировать новое значение в отыменном деривате специальной морфемой более отчетливо выражена, чем в области глагольного и отглагольного словообразования. Причины и последствия этой тенденции мы и рассмотрим ниже.

Итак, если изучение лексической сочетаемости мотивирующего слова вводит нас в область индивидуальных значений слова и вообще — в область лексической семантики, изучение синтаксической сочетаемости мотивирующего слова вводит нас в сферу валентностного анализа и, что еще более существенно, в область синтаксической семантики.

Связи словообразования с синтаксисом обуславливаются поэтому, с изложенной точки зрения, как тем, что, с одной стороны, для адекватного описания отглагольного словообразования нам кажется необходимым исчислить типы высказываний, могущих стать источником будущего универба, так и тем, с другой, что для адекватного описания отыменного словообразования вы должны исчислить вдобавок к этому и возможные в этих высказываниях атомарные предикаты. Достижения в области семантики синтаксиса получают тем самым значимость и для теории словообразования²⁴.

Вместе с тем связи словообразования и синтаксиса отнюдь не исчерпываются для нас тем, что мы описали в данной и предшествующих главах и, заключая исследование, мы постараемся показать, что процессы словообразования проявляют отчетливую зависимость от синтаксиса не только потому, что источник мотивации многих типов универбов может быть усмотрен в синтаксических конструкциях, но и потому, что само возникновение значительного пласта словообразовательных моделей — и по содержанию, и по форме — может быть связано непосредственно с синтаксисом и рассмотрено как обусловленное специфическими особенностями построения и организации синтаксического уровня как такового. Эту связь словообразования с организацией текста, или дискурса, мы рассмотрим в заключительной главе.

²⁴

См. также: Кубрякова Е.О. Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Определение круга значений, передаваемых производными словами как единицами лексическими, представляет собой задачу, решенную для многих хорошо изученных языков. Это отнюдь не значит, однако, что столь же хорошо изучены и другие семантические аспекты процессов словообразования и функционирования производных слов в тексте. Восполняя частично этот пробел, мы остановимся в заключение нашей работы на описании того, каким конкретным целям служат производные, передающие тот или иной тип словообразовательного значения в тексте, отвлекаясь от выполнения ими тех функций, которые ставят их в один ряд со словами непроизводными и анализ которых не может пролить света на специфические особенности производных.

Очевидно, что все формальные видоизменения одного слова существуют для того, чтобы обеспечить его нормальное функционирование в тексте и, следовательно, внутри высказывания. Полнозначной единице языка надлежит выполнять не только собственно номинативные функции — денотативно-репрезентативные (обозначения и замещения предметов, признаков и т.п.) или сигнификативную (формирования понятий об именуемом классе предметов и обозначения обобщенных представлений о нем)¹, но и служить коммуникацией с ее помощью, а, значит, выступать в речи в виде определенным образом оформленной единицы в соответствии с ее коммуникативным заданием. Последним обуславливаются те синтаксические позиции, которые слово занимает в предложении, а соответственно позиции — и те синтаксические роли, которые слово, занимая эти позиции, может играть.

Словообразование явно представляет собой один из способов формального видоизменения исходного слова — можно ли связать и этот тип видоизменения и с теми синтаксическими ролями, которые надлежит играть производному слову? На этот вопрос следует, по всей видимости, ответить положительно: *raison d'être* возникновения системы словообразования со всеми ее средствами и моделями отчетливо связан с двумя факторами. Первым из них является потребность в новых обозначениях, в новых лексемах, и одной из главных задач словообразования является пополнение существующего словаря языка. Другим, не менее мощным фактором в развитии системы словообразования является необходимость согласовать форму и содержание вторичных единиц номинации с их будущими синтаксическими ролями, а также, что не менее важно, с их функциями относительно целого текста и рациональной организации последнего.

¹ См.: Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). — В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977, с. 63.

Как бы ни называть два этих главных фактора, в конечном счете они связаны с противопоставлением лексической и синтаксической деривации, ибо если целью первой является создание новых значений, то целью второй — оформление для данного слова его новой функции. Именно это кардинальное противопоставление процессов словообразования и имеют в виду, когда процесс создания новой основы противопоставляют процессу перераспределения, редистрибуции старой², или же когда отличают функцию обозначения (Benennung) от функции перекатегоризации (Umkategorisierung) слова или когда говорят о противоположности задач процессов лексической и синтаксической деривации.

Существование специальных работ, связанных с дифференциацией лексической и синтаксической деривации⁴, избавляет нас от необходимости описывать еще раз основания для такого деления. Думается, однако, что сомнения ряда лингвистов в возможности жесткого противопоставления этих процессов не лишены основания: мощным стимулом к созданию нового производного слова (или использованию имеющегося) может быть одновременная потребность и в новом значении, и в новой синтаксической функции для выбираемого обозначения.

Ниже мы постараемся поэтому продемонстрировать разные цели введения производного слова в живую речь и провести хотя бы предварительную классификацию задач использования производных в тексте.

Простейший случай введения производного в текст связан со стремлением избежать повтора мотивирующего слова в составе придаточного предложения. Это случай чистой транспозиции слова из одного класса в другой с приобретением транспонированным словом способности выполнять новую синтаксическую функцию. С3, реализуемые в актах номинации этого типа, предельно обобщены: значе-

---

² Кубрякова Е.С. Словообразовательная номинация. — В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 63.

³ См.: Motsch W. Zum Status von Wortbildungsregularitäten, с. 17 (цит. по оттиску машинописной рукописи. Берлин, 1979), где под перекатегоризацию подводятся все те деривационные процессы, в результате которых осуществляется либо номинализация отдельного предложения, либо достигается превращение атрибутивных сочетаний в производные и т.п.

⁴ См., например: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973, с. 184; Гинзбург Е.Л. Синтаксическая и лексическая деривация. — АПРС, 1; Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 5; Она же. Части речи в ономаσιологическом освещении, с. 70–75; Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. Автореф. докт. дис. М., 1977, с. 6.

ние производного совпадает с тем, которое диктуется его словообразовательной формой. Ср.: – Вдруг услышала: Александра Прокофьевна шлепает на кухню. Тоже не спалось. И это шлепанье (то, как шлепает / шлепала А.П.) Ольгу Васильевну пронзило, – потому что – знакомое, Сережа так же шлепал в этих же тапочках без задников, старуха зачем-то их себе взяла и в них ходила... и вот нахлынуло внезапно от этого шлепанья и не смогла удержаться, зарыдала громко (Ю.Трифонов. Другая жизнь, с. 10).

И с каждым днем она все отчетливее сознавала, что пропадает. Никогда раньше она не испытывала такого безысходного отчаянного пропавания (там же, с. 15) = ...не испытывала, что так отчаянно пропадает.

He first threatens her and then proceeds to carry out his threats (A. Christie. Murder at Mesopotamia. London, 1973, с. 83) 'Вначале он угрожает ей, затем начинает приводить свои угрозы (то, чем угрожал) в действие.'

Нередко, однако, изменение синтаксической функции сопровождается достаточно очевидным семантическим сдвигом, укладывающимся в рамки того, что диктуется новым СЗ, но тем не менее связанным с появлением у производного тех или иных новых семантических черт, ср. The world is a very wicked place... There's a lot of wickedness about (A. Christie. Easy to kill. N.Y., 1976, с. 90), где квантификатор a lot of 'масса, много' подчеркивает не только предметность обозначения, но и возможность измерить это качество.

Другой случай – попытка избежать синтаксического усложнения текста и его громоздкости, обойтись без так называемых embedded sentences, вставных конструкций. Ср.:

– He hated to admit to tiredness at any time (A. Hailey. In high places. London, 1978, с. 10) – he hated to admit that he was tired at any time 'никогда не любил признаваться в усталости// в том, что был усталым.' Интересно отметить, что "разворачивание" потребовало бы как в русском, так и в английском языке элемента временного указания (he hated to admit that he was tired) в то время как использование имени tiredness позволяет избежать этого и, следовательно, способствует обозначению вневременного свойства человека (он не любил признаваться / в усталости = в том, что является усталым / когда бывал усталым и т.д., т.е. в усталости вообще).

Ср. также: Margaret... spoke quickly, aware of the journey's shortness, knowing that it was a few minutes drive only between their own house and the Governor's residence там же, с. 11) 'Маргарет говорила быстро, сознавая краткость поездки, зная, что поездка между ее собственным домом и резиденцией губернатора длится всего несколько минут', что при замене имен должно было бы строиться как высказывание типа ... aware of the fact that the journey is short and knowing that to drive the distance between their own house and the residence of the Governor one needed only a few minutes.

Тенденцией избежать повторения целой мотивирующей конструкции, заменив ее отдельной единицей номинации, можно объяснить и появле-

ние в тексте сложного слова. И здесь внутренние причины создания новой единицы номинации не только в номинативной целесообразности нового обозначения (по принципу: отдельное название самостоятельной существующей и отдельно осознаваемой реалии), но и в ображениях синтаксического порядка. Иначе говоря, наличие специального названия позволяет избегать описательных оборотов, ср. *Sein Gesicht war ungesund blaß, wie die Gesichter der meisten Großstädter* — 'его лицо было нездорово бледным, как лица большинства тех, кто живет в большом городе / городах' (E. Peters. *Der Tod und die lachende Jungfrau* u. München, 1961, с. 36).

Еще в 1967 г. Э. Бенвенист подчеркивает, что морфологический анализ сложных имен "оставляет без ответа, а по существу даже не позволяет поставить основной вопрос: какова функция сложных имен? Что делает их возможными и почему они необходимы?"⁵, а на заданный им самим вопрос отвечает, исследуя синтаксические основы каждого класса композитов, представленных в индоевропейских языках. Согласно Бенвенисту, функцией сложного имени является функция транспозиции определенной синтаксической модели с простой или сложной предикацией в ее словесный аналог⁶. Этим достигается "возможность употреблять целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения"⁷. Таким образом, помимо семантической компрессии как следствия процесса универбации синтаксической конструкции (ее превращения в единое наименование), мы можем наблюдать здесь создание средств номинации, обеспечивающих расширение синтаксических функций исходного суждения (т.е. возможность использовать его более широко в составе синтаксической конструкции), а также — синтаксическую компактность текста и его рациональное построение.

Как указывает Н.Д. Арутюнова, "трансформ предложения становится знаковым заместителем факта "события", а транспозиция предложения — стимулом для создания в языке абстрактных существительных"⁸. Если с содержательной точки зрения это означает, что производное слово, создаваемое на синтаксической основе, может рассматриваться как краткое резюме определенного события или ситуации, с точки зрения организации текста, в котором присутствуют и источник мотивации и сама мотивированная им единица, производное слово мо-

⁵ Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения. — В кн.: Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., "Прогресс", 1974, с. 241.

⁶ Там же, с. 255.

⁷ Там же, с. 256.

⁸ Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения. — В кн.: *Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists*. Bologna—Florence, 1972, Bd. II. Bologna, 1974, с. 6.

жет рассматриваться как осуществляющее функцию анафоры⁹. Ср. описание зала суда, где уже начался судебный процесс и где неожиданно появляется еще один свидетель: ...*öffnete sich plötzlich die Saalür, und ein blasser, junger Mann steckte seinen Kopf herein. Er trug eine Brille ...* 'и вдруг открывается дверь заседаний и показывается голова бледного молодого человека. На нем очки'. Через несколько страниц: *sie sahen, daß sich der blasse, dünne junge Mann mit der Brille auf der Nase erhob, dieser Zuspätkommer ...* (A. Winnigton. *Gullet und die Todeskurve*, Berlin, 1974, с. 13, 15)¹⁰ и они увидели, что этот молодой человек, тонкий, бледный, с очками на носу, поднялся, тот самый, который так поздно сюда явился'. Ясно, что *dieser Zuspätkommer* имеет анафорический характер и описывает кратко не вообще какого-то 'приходящего чересчур поздно', но того, кто *da zu spät gekommen war*.

Ср. также как представляют одного из героев романа — Mr. Justin Surridge, *der in diesem Jahr den Benskin handicap, den Preis des alljährlich in Benskin stattfindenden Pferderennens, gewann* (там же, с. 8) 'Мистер Дж. С., который в этом году выиграл приз Бенскина — ежегодно проводимых в Бенскине лошадиных бегах' и спустя несколько страниц: *Das Gesicht kommt mir irgendwie bekannt vor ... Ach ja, war das nicht der Gewinner des Benskin Handicap?* 'лицо кажется мне почему-то знакомым. Ах да, не победитель ли это состязания в Бенскине/не тот ли это, кто победил в гандикапе/в этом году в Бенскине?'

Хотя описание возможных типов номинализаций выходит за рамки настоящей работы, важно отметить, что способность к номинализации предложений, составляющая яркую отличительную черту отглагольных имен, могла возникнуть только как следствие постепенного создания средств номинации, выполняющих одновременно с функцией называния сложной и расчлененной ситуации функцию организации синтаксического целого, в котором правила его построения препятствуют чересчур громоздкому и многоступенчатому нагромождению придаточных (т.е. заставляют избегать многие типы *embedded sentences*).

Во многих приведенных примерах номинализация предложения "скрывает за собой не только его номинативный аспект, но и модальное значение предшествующего сообщения"¹⁰, а также временную характеристику этого сообщения, так что эти характеристики также могут при необходимости домысливаться.

Подчеркивая сходство существительных, образованных от прилагательных, с отглагольными существительными, О.Есперсен перечис-

⁹ Ср.: *Курилович Е.* К вопросу о генезисе грамматического рода. — В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 204, где он пишет что анафорическая функция заключается "в указании на слова (контекста)".

¹⁰ См.: *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 68-69.

лил также целый ряд случаев их употребления в тексте взамен придаточных предложений или после предлога with в английском языке (ср. He worked with positively surprising rapidity, но не *He worked positively surprisingly rapidly и по-иному в русском языке — ср. Он работал с действительно поразительной быстротой и Он работал действительно поразительно быстро). Интересно, что Есперсен предостерегал против злоупотребления именным стилем и писал: "Когда мы выражаем существительным то, что обычно выражается предикативными формами глагола, наш язык становится не только более абстрактным, но и мало понятным; наряду с другими обстоятельствами этому способствует еще и то, что в отглагольном существительном исчезает ряд животворящих моментов глагола (время, склонение, лицо)"¹¹. Интересные примеры возможного параллельного употребления производных и сложных слов с их развернутыми синтаксическими аналогами приводит в своей работе и В.Флайшер¹².

Развивая свою теорию словообразования, Г.Брекле отстаивает мнение о том, что словообразовательные процессы протекают как процессы порождения единиц на весьма примитивной ступени оформления мысли, до ее воплощения в структуре предложения. По его мнению, моделируемая словообразовательная единица может отразить только одно из фиксируемых в данном языке абстрактных отношений, но она не может, якобы, передать моменты ее уточнения и квантификации, наступающие при порождении речи позднее. Отсюда проистекает, по его мнению, невозможность связать процессы словообразования с порождением реальных предложений в речевом акте¹³. Иную позицию в этом вопросе занимает К.Рорер, который выдвигает мысль о том, что в смысловой структуре деривата может отразиться не только пропозициональная схема предложения, но и некоторые особенности ее реализации¹⁴. В частности, в словообразовании легко передаются модальные компоненты исходного суждения, прежде всего отрицание:

Votre raisonnement n'est pas logique

Votre raisonnement est illogique.

Полемика Г.Брекле с К.Рорером затрагивает также вопрос о том, могут ли отразиться в структуре деривата модально-временные ха-

¹¹ Есперсен О. *Философия грамматики*, М., 1958, с. 157-158.

¹² Fleischer W. *Kommunikativ-pragmatische Aspekte der Wortbildung*. — In: *Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium 1978*. Hrsg. von I. Rosengren. Lund, 1979

¹³ См. Brekle H. *Zur Stellung der Wortbildung in der Grammatik*. — In: *Flexion und Wortbildung*. Wiesbaden, 1975, с. 30; *Idem*, *Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalcomposition*. München. 1970.

¹⁴ Rohrer G. *Some problems of word-formation*. Tübingen, 1973.

характеристики исходного глагола, причем Брекле подчеркивает, что элементы референции ко времени высказывания, месту его произнесения или отсылки к говорящему ~ слушающему в структуре деривата не отражаются¹⁵. Однако, думается, что правы те исследователи, которые указывают на возможность своеобразного "дублирования" грамматических характеристик глагола в производных от него словах. В немецком языке отчетливо противопоставлены 'Geschieße 'беспрепятственная стрельба' (процесс), Schießerei 'пальба' (результат действия) и Schuß 'выстрел' или же Fahren 'поездка, путешествие' (процесс), Fahrgerei (результат) и Fahrt 'рейс, поездка' (один "квант" действия)¹⁶. В латинском языке имена на -tura означают привычные или повторяющиеся действия и сохраняют, даже когда они обозначают деятельность или ремесло, дуративно - итеративное значение исходного глагола; образуясь от переходных глаголов, они нередко сохраняют пассивное значение и явно противопоставлены по этим признакам существительным на -tio или -tus¹⁷. В русском языке можно противопоставить *сбирание* и *собрание*, *варку* и *варенье*, *скачок* и *скакание*, *ходьбу* и *хождение* и т.д. Подобные примеры можно было бы умножить.

Однако, моделированное различие между обозначениями однократных и многократных, длящихся и предельных, привычных и "нейтральных" действий можно было бы связать со специально для этого предназначенными формальными средствами, а, следовательно, со средствами системного различения тех или иных значений. Поэтому ниже мы приведем примеры, неоспоримо свидетельствующие о том, что отглагольные дериваты способны содержать скрытые семы, относящиеся ко времени произведения соответствующего действия, и что эта способность связана с конкретным речевым актом и его воздействием на смысловую структуру предиката. Ср.:

Man könnte vielleicht sagen, der Schläger war in einem Rausch. Er schlug weiter zu, auch als es längst nicht mehr nötig war... (E. Peters. Der Tod und die lachende Jungfrau, München, 1961, с. 33), где налицо четкое "согласование времен" в предикате и предваряющем его обозначении производителя действия и где der Schläger и *анчит* der damals schlug...

Ср. также: But doubtless you saw your name announced as winner in the Daily Wire this morning? (A. Christie. Murder at Hazelmore, с. 56), где winner - one who had won, т.е., где *победитель* - 'тот, кто победил' (в прошедшем). При неотглагольном характере имени такая перифраза была бы невозможной, ср.:

1) *Победителям были вручены специальные значки*

¹⁵ См.: Н. Brekle. Zur Stellung der Wortbildung in der Grammatik, S. 37-38.

¹⁶ Ср.: В. Naumann. Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1972, p. 87.

¹⁷ Giacalone Ramat A. Probleme der lateinischen Wortbildung: Das Suffix -tura. - In: Flexion und Wortbildung, p. 122-123.

2) *Близнецам были вручены специальные значки*, где только первое предложение разрешает прочтение *Тем, кто победил...* и соответствующую перифразу.

Ср., наконец: *They're having a competition at Dayton next fall and all big manufacturers are going to submit pursuit planes — the Winner to become the official fighter plane of the United States* (Fr. Jerby. *Benton's row*. N.Y., 1963, с. 354), где *the winner* означает тот (самолет), который победит в будущем конкурсе.

При переходе от синтаксической конструкции к коррелятивному ей имени синтаксическая компактность сопровождается нередко еще одним важным явлением: превращением рематических элементов высказывания в тематические. Обратимся к самым простым утверждениям: *Дети играют. Гора — высокая. Ребенок болеет*. Они легко распадаются на две части: тему сообщаемого и приписываемые ему признаки, рему. Эти признаки могут быть действиями (*играть*), качествами или свойствами (*высокая*), состояниями (*болеет*) и т.п. Предположим, что теперь мы хотим продолжить повествование: рематический элемент, о котором уже сообщено, перешел в класс известного, старого данного. Теперь именно рема становится темой дальнейшего высказывания. Вместо того, чтобы повторять в следующем предложении уже известное из предыдущего и строить его снова тем же способом (например, *Дети играют. То, что дети играют спокойно, радует нас* и: *Гора — высокая. То, что она высокая ...* и т.п.), мы номинализируем предыдущее высказывание и говорим: *Игра продолжается до вечера. Высота горы поразила нас. Болезнь ребенка оказалась пустяковой*. Создание производных облегчает смену тематических и рематических компонентов, а также позволяет (в силу мотивированности производного слова) легко соотносить рематический компонент предшествующего высказывания с тематическим одного из последующих. Ясно, что и эта функция производных слов, являясь связующей, способствует простой организации текста.

Изучение типов номинализаций важно поэтому, конечно, не только для словообразования, но и для грамматики текста. То, каким способом производится номинализация и какие деривационные средства при этом используются (безаффиксальная транспозиция, транспозиция с помощью суффиксов или префиксов, словосложение и т.д.), имеет прямое отношение и к типологической характеристике языков и может быть интересным предметом типологических исследований.

При выделении разных типов номинализации¹⁸ подчеркивается обычно, что номинализация — факт может быть противопоставлена номинализации-событию и т.п. Интересно, однако, отметить, что

¹⁸ Ср., например, *Kiparsky P., Kiparsky C. Fact.* — В кн.: *Progress in Linguistics*. The Hague-Paris, 1970, а также обзор литературы, названной в кн.: *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл, с. 66, 70; Ср. также: *Zimmermann I. Die substantivische Satzform.* — *Zeitschrift für Slawistik*, 1972, Bd. 17, N. 5, p. 683.

при замещении синтаксической конструкции абстрактным именем дело заключается часто как раз не в том, чтобы обособить или противопоставить сообщения о ситуациях высказываниям о фактах и т.п., но чтобы подчеркнуть принципиальную многозначность исходного сообщения на глубине и обеспечить понимание этой многозначности. *Прогулка детей была длительной, действительно, значит Дети гуляли долго, Прогулка принесла детям пользу = то, что дети гуляли (тот факт, что дети гуляли) принесло им пользу.* Но как обычно "прочитывается" предложение *Прогулка детей была длительной и принесла им пользу?* — *То, что дети гуляли долго, принесло им пользу или то, что дети гуляли и гуляли долго, принесло им пользу?*

Думается, что совмещение значений весьма типично для номинализаций этого типа.

Ср. у Л.И.Брежнева: «Восстановление "Запорожстали" и Днепрогэса признано классическим образцом концентрированного сосредоточения сил и средств на ударных участках всенародного строительства» (Л.И.Брежнев. Возрождение. — Новый мир, 1978, № 5, с. 9), где в общем контексте произведения за именем *восстановление* стоят одновременно две структуры: — 'то, как восстанавливали' и 'то, как восстановили', за сочетанием *образцом концентрированного сосредоточения сил и средств* — модальный оборот — 'образцом того, как надо концентрированно сосредотачивать силы и средства' и одновременно, возможно, ассертивный оборот — 'образцом того, как концентрированно были сосредоточены силы и средства на ударных участках', и только конструкция *на ударных участках всенародного строительства* значит прежде всего 'на...участках..., где строил весь народ' (при возможности: 'на... участках..., где строителем был был/ являлся весь народ').

Емкость, лаконичность, информативность производного слова строится в известной мере не на преодолении омонимии (или псевдоомонимии), но на принципиальной возможности использования этого знака как многозначного.

Подобно слову в поэтическом тексте, где «совмещение значений, в частности, и создает тот эффект "смысловой емкости", смысловой многоплановости слова, который постоянно обращает на себя внимание исследователей художественной речи»¹⁹, производное слово, выступая как единица текста, приобретает способность хранить информацию, связанную с формированием его структуры на основе отражение разных словообразовательных значений и служить передаче этой сложной информации в одно и то же время. С лексической точки зрения здесь можно говорить о диффузности значений, со словообразовательной — лучше говорить о совмещении значений. При этом совмещенными оказываются именно разные СЗ.

¹⁹ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 77.

Так, глагол *работать*, будучи транспонированным в класс существительных, должен приобрести опредмеченное значение, однако название действия, *работа*, хранит в своей смысловой структуре связь с процессуально-бытийными глагольными значениями, ср. *работа продолжается с десяти утра до семи вечера* — я работаю ..., где подчеркнуто значение процесса; *работа находится ...* — место, где я работаю, находится, где семантический сдвиг в сторону предметности сказывается в приобретении одной из разновидностей предметного категориального значения — места; *работа доставляет мне много радости*, где *работа* означает и событие, и процесс, и факт и т.п. При необходимости все такие слова-идентификаторы могут быть внесены в поверхностную структуру, ср. *процесс работы, место работы* и т.п., но они легко переходят в разряд скрытых сем, когда по окружению ясно, какая из них имеется в виду в данном случае или когда совмещение этих значений не противоречит нашим замыслам.

Все приведенные нами примеры имеют также своей целью продемонстрировать, насколько сложнее функции производных слов по сравнению с функциями слов непроеводных и какие задачи осуществляются производными в тексте, помимо их прямых номинативных функций²⁰.

Если в предыдущей главе мы описали возникновение скрытых сем в смысловой структуре отдельно взятого деривата, которые фиксируются при его подаче в словаре, в настоящей главе мы рассмотрели скрытые семы, связанные с употреблением производного слова в контексте и как таковые не составляющие неотъемлемой части его лексического значения.

Выбор номинации производным словом позволяет говорящему избирать или описывать ситуации с необходимой ему степенью полноты, точности и детализации. При желании он может либо развернуть свое описание, либо, напротив, соблюсти ту меру имплицитности, которая все же не превращает его речь в цепь загадок. При использовании производного слова часть значений (деталей) может сознательно или полубессознательно опускаться, т.е. переходить в разряд подразумеваемых. Скрытые компоненты этого типа легко подсказываются как самой ситуацией, так и знанием словообразовательных моделей, но более всего — естественной логикой событий.

Конечно, употребление любого слова связано с возбуждением целой серии ассоциаций, но только при употреблении слова производ-

²⁰ См. также: *Адамец А.* О семантико-синтаксических функциях деепричастивных и деедъективных существительных. — Филолог. науки, 1973. № 4; *Zimmermann I.* Der Parallelismus verbaler und substantivischer Konstruktionen in der russischen Sprache der Gegenwart. — Zeitschrift für Slavistik, 1967, Bd. 12; *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. с. 68, 130; *Кубрякова Е.С.* Указ. соч., с. 85.

ного эти ассоциации могут носить предсказуемый характер, моделироваться по определенным правилам и вызывать к жизни те образы и представления, которые как бы восстанавливают путь создания этих производных. Производные слова подтверждают тонкое наблюдение Ю.С.Степанова о том, что "...в условиях знаковой ситуации знак имеет тенденцию отождествляться со способом производства знака"²¹.

Необязательность строгого выбора одного из значений производного в тексте и возможность совмещения им нескольких значений тесно связана с проблемой лингвистической неоднозначности (ambiguity) производных, о которой мы уже говорили и выше. Так, В.Вендлер обращает внимание на то, что англ. John's singing of the Marceillaise surprised me имеет два значения: 'меня поразило, что Джон пел Марсельезу' и 'меня поразило то, как Джон пел Марсельезу' (заметим, что в обоих случаях можно сказать 'меня поразило тот факт'²²). Но и русское *Мы были зачарованы пением соловья* предполагает возможность тройного его понимания: тем, что он пел; тем, как он пел; тем, что он пел. Представляется, что если бы говорящему нужно было бы реально подчеркнуть только одно из этих значений, он использовал бы для этого соответствующий более точный придаточный оборот. Напротив, использование абстрактного имени с таким неопределенным диапазоном значения тоже отвечает, по-видимому, конкретной цели: указать на все эти возможности одновременно.

По всей видимости, здесь целесообразно использовать разграничение неопределенности (vagueness) и двусмысленности (ambiguity). Лакофф строит его на противопоставлении высказываний типа Selma likes visiting relatives 'Сельма любит посещения родных' и Harry kicked Sam 'Гарри пнул Сэма': Первое двусмысленно, ибо позволяет два прочтения: 'Сельма любит, чтобы ее посещали родные' или же 'Сельма любит посещать родных (сама)'. Второе неопределенно, ибо неясно, пнул ли Гарри Сэма правой или левой ногой или же той и другой попеременно²³. Мы бы подчеркнули более тот факт, что первая фраза требует дизъюнктивного решения: правильно либо первое, либо второе прочтение, но не оба прочтения одновременно. Вторая фраза такого дизъюнктивного решения вообще не предполагает: говорящему это безразлично. Семантическая неопределенность — следствие относительной нерелевантности большего уточнения деталей описываемого для говорящего.

Сказанное имеет прямое отношение и к полемике относительно того, насколько конкретны или, напротив, общи по своему значению

²¹ См.: Степанов Ю.С. Семиотика. М., "Наука", 1971, с. 126.

²² См.: Vendler Z. Linguistics in philosophy. N. Y., 1967, p. 40.

²³ Ср.: Lakoff G. A note on vagueness and ambiguity. — Linguistic Inquiry, 1970, 1, p. 357.

глаголы (предикаты), которые требуются для объяснения производных слов, не содержащих в качестве их ядерного компонента глагола или глагольной основы. Так, например, сложные слова из двух именных компонентов, относительные отыменные прилагательные, а также целый ряд десубстантивных образований (особенно названий производителя действия или орудия действия) содержат в своих дефинициях вполне конкретные предикаты: *мясник* 'рубят или продает мясо', *пожарник* 'тушит пожар', а *барабанщик* 'играет на барабанах'. Однако конкретность их — а она существует и в начале акта номинации, совпадая с его замыслом и заданием, и в конце — это своеобразное следствие рассмотрения таких конкретных глаголов на более общем фоне глагольных значений, т.е. следствие мысленного причисления фиксируемого конкретного значения к тому или иному классу общих значений. Как подчеркнул когда-то В.В.Виноградов, "язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий"²⁴.

Таким образом, суть СЗ и заключается в том, чтобы выразить в моделируемой форме (данной словообразовательной моделью) некий обобщенный тип отношения — в указанных выше примерах отношение «действовать с названным предметом как с объектом действия». Ясно, что в зависимости от характера объекта такое действие конкретизируется вполне определенным и естественным образом. "Средневековые логики прямо утверждали, что *objectum specificat actum* 'объект определяет действие'²⁵.

Интересной проблемой исследования оказывается в этой связи проблема соотношения конкретного суффикса или данной словообразовательной модели с определенным кругом возможных предикатов и проблема условий выбора одного из этих предикатов в том или ином типе производных. Это равносильно описанию путей разграничения и семантической дифференциации разных СЗ в разных словообразовательных моделях — частично мы рассматривали эту проблему и выше, на материале значений относительных прилагательных.

Таким образом, производное слово вводится в текст как емкий по своей семантике знак, за которым говорящий легко узнает типы отношений и типы ситуаций, в нем обобщенно отраженные, т.е. при необходимости разворачивает этот знак в определенную цепочку знаков.

Правильно и обратное: введение в текст производного слова создает возможность свернуть ненужные детали описания, произвести своеобразный отбор релевантных для изображения данной ситуации черт, исключив само собой разумеющиеся и легко домысливаемые.

Мы говорили о том, что при образовании сложных и производных имен из источника мотивации устраняются в ходе создания морфологической структуры деривата показатели синтаксической связи и

²⁴ См.: Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1957, с. 15.

²⁵ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл, с. 125.

часть грамматических показателей. Теперь мы можем подчеркнуть, что из источника мотивации устраняются и излишние с определенной точки зрения семантические черты. Достигается возможность быть неопределенным именно в той мере, в какой эта неопределенность не мешает взаимопониманию собеседников и, значит, конечным целям коммуникации.

Еще одним примечательным свойством производного слова является его способность совмещать казалось бы взаимоисключающие значения — значения разных частей речи — в одной и той же структуре. Такое совмещение представляется вполне естественным в рамках синтаксической конструкции, однако в рамках такой лексической единицы, как слово, оно заслуживает особого внимания.

Указывая на реальность обозначения существительными непредметных сущностей (например, действий и состояний), а также на другие "непоследовательности" в семантике кардинальных частей речи, нередко подчеркивают, что такие вторичные значения частей речи идут "в разрез с основными (первичными) значениями названных частей речи"²⁶. Можно полагать, однако, что в производных словах такие вторичные значения возникают в ходе строго моделируемых процессов и что их создание и является непосредственной задачей такого процесса.

Словообразовательные значения, связанные с транспозицией знаков из одного класса в другой, по самой сути своей служат тому, чтобы увязать, совместить в единой структуре разнородные и разнорядковые значения, продемонстрировать их связанность в природе вещей, а, значит, отраженно — и в отношениях между словами разных частей речи.

При сочетании отглагольного имени с прилагательным у существительного, — указывал М.В. Пацов, — подчеркнута его предметная сущность, ср. *быстрый бег*, и такое указание ложно; в других сочетаниях *бег* мыслится как нечто непредметное, ср. *бег наперегонки*, и такое указание истинно²⁷. Подмеченная здесь особенность отглагольного имени кажется ему "противоречием системы". На самом деле это диалектическое противоречие связано с двойственной природой производного слова и его способностью отражать взаимодействие двух разнорядковых и, казалось бы, противоречащих друг другу частеречных значений: предметности и процессуальности. Сочетаемость только оттеняет и помогает уяснить двойственность природы производной единицы. В глубинной же структуре наречия *наперегонки* и *быстро* отнесены к предикату *бежать*, т.е. оба харак-

²⁶ Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 155.

²⁷ См.: Пацов М.В. О частях речи в русском языке. — Филологические науки, 1960, № 4, с. 8; Бархударов Л.С. К вопросу о грамматических значениях и их передаче при переводе. — Ин. яз. в школе, 1972, № 3, с. 16.

теризуют совершаемое действие; "предметность" в слове *бег* — знак транспозиции глагола в имя, "процессуальность" — след глагольности исходной единицы. Каждая манифестация слова *бег* сопряжена с реализацией двух указанных значений, и способность его преодолеть противоречие предметности и процессуальности за счет их объединения в одной структуре — одно из удивительных свойств знаков этого типа. Именно по этой причине мне кажутся вполне справедливыми замечания Р.С. Манучаряна о том, что при трактовке случаев типа *белый* — *белизна*, *бегать* — *бег* понятие синтаксической деривации нуждается в определенных оговорках: ведь в них, "помимо чисто синтаксической информации", есть "указание на самостоятельность (субстанциональность) признака, названного мотивирующими словами"²⁸. Не есть ли приращение этого значения к значению признака в слове *белый* или значению действия в слове *бегать* показатель такого семантического сдвига, который уже не укладывается в рамки изменения одной только синтаксической функции слова, ибо в результате игры и переплетения двух категориальных значений возникает нечто и лексически индивидуальное и главное, целостное?

Возможные типы отношений между словами разных частей речи как типы отношений между такими значениями, как предметность, "процессуальность" и "признаковость", фиксируются, однако, не только в структурах словообразовательных значений: они находят свое опосредованное отражение и в номенклатуре тех категорий, которые создаются с помощью СЗ.

Еще А.А. Шахматов определял каждую часть речи как "слово в его отношении к предложению"²⁹, т.е. связывал модус существования части речи с ее синтаксическими функциями. Общеизвестно, что часть грамматических значений явно предназначена по своей природе для обслуживания синтаксиса и маркирования синтаксических ролей слова. Интересно вместе с тем, что хотя, действительно, "слова в составе предложения приобретают значения, которых у них нет вне предложения"³⁰ (ср. такие значения, как объект, субъект, предикат, с одной стороны, или агенс, пациенс и пр., с другой), приобретение таких значений есть следствие выполнения данным словом коммуникативной функции. Коммуникативные же функции "распределены (хотя и не вполне однозначно) между синтаксическими позициями в предложении"³¹.

²⁸ См.: Манучарян Р.С. Рец. на кн.: Улукханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977 — ВЯ, 1979, № 2, с. 150.

²⁹ См.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 420.

³⁰ Ср.: Солнцева В.М. Относительно концепции глубинной структуры. — ВЯ, 1976, № 5, с. 19.

³¹ Арутюнова Н.Д. Номинация и текст. — В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 304.

Асимметрия языковых знаков резко возрастает на уровне предложения, ибо между разными видами категориальных и синтаксических значений устанавливаются не одно-однозначные соотношения³² (рис. 10).

Рис. 10

Как видно из схемы, чтобы выполнить функцию подлежащего или дополнения, необходимо одно только условие: обладать предметным значением. Это значит, что легче всего выполняют эти функции либо существительные сами по себе, либо другие части речи, транспонированные с этой целью в класс существительных, т.е. приобретающие указанное предметное значение в ходе актов деривации (ср. *Курить вредно* и *Курение вредно*, англ. *To smoke is dangerous* и *Smoking is dangerous* и т.п.).

Точно так же: чтобы стать предикатом, слово или должно исконно обладать признаковым значением, или приобрести его, будучи транспонированным в класс глаголов или же соединенным с глаголом-связкой.

Эти общие правила не определяют, однако, однозначно, какими именно предметными или признаковыми значениями должны характеризоваться отдельные типы подлежащих, предикатов, дополнений и т.п. Определение синтаксической роли слова в конкретном высказывании требует специального анализа, ибо во многих случаях она никак не обозначена формально (ср. *Дверь открывается ключом* или *Ветер шелестит листвою* и пр.).

Можно предположить поэтому, что созданием особых словообразовательных значений частного порядка закладываются предпосылки для преодоления указанной асимметрии знака: синтаксическая роль данного знака получает специальное отражение в его морфологической структуре. Знак становится самодостаточным не только по своему грамматическому оформлению, но и по своей семантической структуре. Иначе говоря: возникновение целого пласта СЗ может быть объяснено с содержательной точки зрения необходимостью маркировать

³² См.: Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, с. 12-13.

специальными показателями или специальными формальными структурами конкретные синтаксические роли слова в предложении.

Такие синтаксические роли участников "маленькой драмы" — предложения — можно описать либо в терминах актантов и сирконстантов по Л.Теньеру³³, либо в терминах так называемой падежной грамматики³⁴.

В собственно падежных системах отдельные падежи тоже маркируют синтаксические позиции слова, так что слово, содержащее определенную флексию, обычно содержит в себе самом информацию о том, в качестве какого члена предложения оно может выступать: главного или второстепенного и какого именно среди второстепенных. Словообразование в этом смысле изоморфно грамматике: оно либо уточняет содержательные противопоставления, начатые на грамматическом уровне, либо дублирует содержащееся в производном слове категориальное значение дважды (при словообразовании глаголов от глаголов, существительных от существительных, прилагательных от прилагательных и т.п.), либо, наконец, маркирует синтаксическую роль данного слова особой приметой. Последнее наблюдается тогда, когда производные слова образуют классы *nomina agentis*, *nomina instrumenti*, *nomina patiens*, *nomina loci*. Не случайно, поэтому, что такие реальные падежи, как именительный, дательный, инструментальный, локативный и пр. имеют прямые параллели в словообразовательных категориях названного порядка.

Не может быть простым совпадением тот эмпирически наблюдаемый факт, что нет ни одной категории из числа описываемых в рамках падежной грамматики, которая бы не имела своей аналогии в ономаσιологических категориях, выражаемых с помощью словообразовательных средств. При этом данный факт может использоваться как доказательство того, что основные логико-понятийные содержательные категории находят свое выражение в разных языках на разных уровнях их строения, так и как аргумент в пользу существования такого набора самих понятийных категорий, которые имеют тенденцию быть формально выраженными в разных языках мира. Не вызывает поэтому сомнения, что исследование номенклатуры СЗ, важное само по себе для характеристики каждого отдельного языка, имеет исключительное значение и для определения рубрик семантической

³³ См. подробнее: *Tesnière L. Comment construire une syntaxe? — Bulletin de la Faculté des lettres à Strasbourg, 1934; Он же. Elements de syntaxe structurale. Paris, 1965; Степанова М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике. — Ин. яз. в школе, 1973.*

³⁴ См.: *Fillmore Ch. The case for case. — In: Universals in linguistic theory, Ed. by E. Bach and R.T. Harms. N.Y., 1968; Lipka L. Topicalization, case grammar, and lexical decomposition in English. — Archivum Linguisticum, 1976, v. 7, p. 125.*

классификации слов, и для установления универсальных понятийных категорий.

Хотя Ч.Филмор оставил открытым вопрос о количестве падежей в одной из своих работ он указывает на наличие таких падежей, как агентивный, экспериенсивный (от англ. experience 'испытывать', т.е. здесь 'подвергаться к.-л. действию'), инструментальный, объектный, источника действия, целевой или адресатный, локативный и временной. По его мнению, каждый падеж соответствует определенной синтаксической функции, или роли³⁵. Не трудно коррелировать все эти падежи с давно описанными в разных языках словообразовательными категориями nomina agentis, nomina patiens, nomina instrumenti, а также широко распространенными nomina loci. Таким образом, падежная грамматика позволяет объяснить возникновение указанных категорий и даже тесные связи, которые характеризуют, например, образование названий действия, места действия и его орудия, на что в свое время обращал внимание еще М.М.Покровский³⁶.

С другой стороны, как указывает Л.Липка, в парадигме отношений предложенной Филмором, нет места для самых обычных обозначений действия, ср. англ.:

pay-er	'плательщик, тот, кто платит'	от to pay 'платить',
pay-ee	'тот, кому надлежит заплатить (по векселю, счету и т.д.)'	
pay-ment	'плата, жалованье' (объект действия, то, что выплачивают)	
pay		
pay-day	'день платежа'	
pay-ment	'оплата' (процесс), 'платеж'	37.
pay-ing		

Таким образом, событийные и фактивтивные имена оставались до сих пор, как будто бы, вне деривационной парадигмы, а один из самых продуктивных типов номинализации — абстрактным отглагольным именем — вызывающим к жизни оживленные споры о путях его формирования³⁸.

35 См.: *Fillmore Ch.* Some problems for case grammar. — В кн.: 22 nd Annual Round Table, Ed. by R.J. O'Brien. Georgetown, 1971, p. 42.

36 Ср.: *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 81, 125; *Panagi O.* Kasus-theorie und Nomina agentis. — In: *Flexion und Wortbildung*, Wiesbaden, 1975, p. 232.

37 *Lipka L.* Op. cit., с. 134.

38 Ср.: *Chomsky N.* Remarks on nominalization. — In: *Readings in English transformational grammar*, Ed. by R.A. Jacobs and P.S. Rosenbaum. Toronto, 1970; *Fraser B.* Some remarks on the action nominalization in English. — *Idem*; *Newmeyer F.J.* The source of derived nominals in English. — *Language*, 1971, v. 47, p. 786.

Можно связать, однако, появление этих имен с интродуктивной синтаксической позицией имени, т.е. с маркированием того, что принимается в высказывании за исходный пункт сообщения, его непосредственную данность³⁹.

В падежной грамматике фиксируются исключительно типы отношений имени к глаголу, но обозначения (номинации) этого типа описывают только одну из возможных синтаксических позиций имени внутри высказывания; т.е. содержательно осмыслены не все синтаксические позиции и не все типы синтаксических связей. Для словообразования, однако, чрезвычайно существенна содержательная характеристика позиции предиката: как мы подчеркнули выше, предикат, строящийся за счет производного слова, есть сложный предикат, и, значит, использованием в этой позиции производного слова достигается более сложная и более расчлененная номинация, чем при использовании непроизводного слова.

Важно предусмотреть и отражение в словообразовании отношения глагола с глаголом же. Так, например, предложениям типа *Платить надо завтра*, *Курить вредно* или *Любить — значит верить* и пр. явно соответствуют номинализации с простым обозначением соответствующего действия отглагольным именем, ср.: *Платеж надо произвести завтра*, *Курение вредно*, *Любовь означает доверие* и т.п.

Иначе говоря, если в исходном высказывании в качестве предиката используется такой глагол, подлежащим к которому является тоже глагол, последний может быть заменен существительным, демонстрирующим большую степень опредмеченности, чем назывная форма глагола.

Рассматривая высказывания типа *Работали мы в Заполярье*, Н.Д.Арутюнова отмечает, что эта пропозиция не выразит суждения, а идентифицирует событие⁴⁰. Поскольку идентифицирующая функция зависит здесь от называния темы сообщения, вынос глагола в эту позицию сопровождается появлением у него таких свойств, которые обычно связываются с именем. Замена глагола именем происходит поэтому при возможности выразить именем еще большее число предметных значений. Так, начин высказывания *Работа в Заполярье ...* ведет к большим возможностям развертывания, чем начин *Работали мы в Заполярье*.

Рассмотрение всех перечисленных явлений дает возможность постулировать тесную связь между становлением системы словообразования и грамматикой языка, между собственно номинативными и синтаксическими функциями слова, между разными типами производных слов и формированием системы средств организации текста и т.п. А это позволяет в свою очередь углубить наши представления о том, для чего нужны словообразовательные значения в языке и осуществлению каких целей они служат. Заключая наше исследование, мы можем сказать: словообразовательное значение как

³⁹ См.: Арутюнова Н.Д. Номинация и текст, с. 304.

структурированная особым образом единица смысла осуществляет одновременно и функцию передачи сложного, неэлементарного значения, и функцию обобщения определенных типов отношений и связей, наблюдаемых в объективном мире между теми или иными двумя величинами, и функцию расчлененного представления обозначаемого в цельнооформленном знаке.

Благодаря тому, что каждое производное выражает определенное словообразовательное значение и оказывается его носителем, оно тоже становится способным к выполнению таких языковых функций, которые обычно осуществляются по отдельности. "Одно и то же слово может, смотря по обстоятельствам, — указывает С.Д.Кацнельсон, — выступать то в функции выделения (именования) предмета, то в функции характеристики (последнюю иногда называют предикацией)" ...⁴¹ и далее:

"Для образования предложения нужны по меньшей мере два слова, из которых одно выступает в функции именования, а другое — в функции характеристики"⁴².

В производном знаке эти две функции слиты воедино: производное слово именуется и называет, характеризуя. Именно в этом смысле оно может выступать в качестве аналога предложению, ибо содержит всегда по меньшей мере две части — ономаσιологический базис и ономаσιологический признак, часть отсылочную и часть формирующую, объединенные в единую словообразовательную структуру. Именно поэтому оно оказывается способным обозначать не только отдельно взятые предметы, процессы, признаки, но и отдельно взятые ситуации и события, идентифицируя не только выделяемый и отдельно осознаваемый фрагмент действительности как таковой, но характеризуя этот фрагмент по его связи с окружающим миром и обнаруженными в нем еще ранее предметами, признаками и свойствами.

Подобные номинативные особенности производного слова — называть через характеристику другим словом — имеют также далеко идущие последствия для функционирования слов этого класса. Это сказывается в том, что функции производных слов в тексте могут существенно отличаться от тех, которые свойственны простым знаменательным словам, т.е. — видоизменяться за счет расширения этих функций.

Подобно местоимениям, способным заменять в тексте имена, производные слова характеризуются ярко выраженной способностью заменять: 1) если это сложный или производный глагол — составное сказуемое и вызвать к жизни все ассоциации, с таким типом сказуемого связанные; 2) если это производное существительное (номинализация) — заместить определенные факты, события, ситуации,

⁴¹ См.: Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение.

⁴² М.-Л., 1965, с. 25.

Там же, с. 28.

удалив из их описания все ненужные или излишние в определенном отношении детали; 3) если это производное прилагательное — сложный и неэлементарный признак и т.д.

В силу этих особенностей они могут также осуществлять и другие функции: маркирования возможных синтаксических ролей данного обозначения; семантической компрессии и контракции описываемого в единый универб, моделирования подразумеваемых скрытых компонентов смысла и т.п.

Они, наконец, могут выполнять функции связывания отдельных отрезков текста и соотнесения между собой (идентификации) разных его частей.

Таким образом, итогом изучения семантических аспектов процессов словообразования и результатом исследования словообразовательного значения как особого типа лингвистического значения, является вывод о том, что производное слово с его неповторимой семантикой создается не только в чисто лексических целях, но и для осуществления этой единицей гораздо более сложных и более разнообразных грамматических, синтаксических и номинативно-коммуникативных функций.

Несколько слов можно сказать в заключение и о словообразовательном значении. Подобно всем другим типам значения, оно характеризуется своей собственной формой существования и выделяется в языке по способу выражения фиксируемого им смысла. По форме оно представляет собой комплексную, сложную синтагматическую последовательность, включающую три компонента: два категориальных значения с идентифицированной связью между ними, или же один компонент, соответствующий указанию на тип устанавливаемых отношений, и два компонента, идентифицирующие те величины, связь между которыми здесь устанавливается. Все эти компоненты описываются в терминах особого метаязыка, включающего наборы слов-идентификаторов для каждой части речи. Слова-идентификаторы, характеризующие главные значения таких частей речи, как существительные, прилагательные и глаголы, образуют рамку словообразовательного значения, а слова-идентификаторы, характеризующие главные значения глаголов, его предикаты. В целом формула словообразовательного значения строится поэтому как обычная трехчленная синтаксическая конструкция экзистенциального или идентифицирующего типа: "X имеет отношение к Y" где X соответствует описанному в терминах метаязыка результату акта номинации, слова "иметь отношение" заменяются конкретным предикатом из группы atomic predicates, а Y указывает на непосредственно мотивирующее слово.

Содержательная интерпретация любого словообразовательного значения происходит при замене в формуле этого значения слов-идентификаторов предельного уровня абстракции (т.е. слов "предмет", "процесс" и "признак") на слова-идентификаторы нижележащих уровней абстракции (когда, например, значение "предмет" раскрывается

через значение "лицо" или "место" или "конкретный предмет" и т.д.).

Развиваемая в настоящей книге концепция сближает словообразование и синтаксис по многим направлениям: по творческому характеру происходящих здесь процессов, по неэлементарности значений, в них создаваемых, по сложности функций наблюдаемых здесь единиц. Известную зависимость словообразования от синтаксиса мы усматриваем и в том, что причины создания многих словообразовательных значений обусловлены в их генезисе потребностями синтаксиса, а также в том, что в определение самого словообразовательного значения входит указание на его тесную связь с синтаксической конструкцией. С одной стороны, оно рассматривается как значение, отражающее определенные синтаксические отношения, наблюдаемые в источнике наименования, и потому выступающее в виде своеобразной проекции этих отношений в морфологической структуре деривата. С другой стороны, оно описывается конструкцией, указывающей на наличие связи между двумя категориальными значениями или конкретизирующей этот тип связи. Подобное понимание словообразовательного значения позволяет уточнить наши представления и о природе мотивированных знаков.

Производное слово рассматривается как мотивированный знак не только потому, что оно содержит в своей морфологической структуре следы мотивировавшего его источника, и не только потому, что отсылочная часть производного представляется способной вызвать представление и о самом непосредственно мотивировавшем слове, и о его привычной лексической и синтаксической сочетаемости, но и потому, что и остальные компоненты морфологической структуры служат выражению словообразовательного значения.

Все словообразовательные значения могут быть исчислены с помощью исчисления возможных комбинаций трех указанных компонентов в единой структуре. Методика такого исчисления была продемонстрирована выше.

Словообразовательные значения представляют собой сложноструктурированное иерархически организованное неэлементарное значение, обобщающее типы отношений между явлениями разного порядка в окружающей нас действительности, и именно в этом качестве оно служит лексике и грамматике, морфологии и синтаксису, всей системе языка, обеспечивая создание новых единиц номинации со статусом слова и способствуя выполнению этими единицами их разнообразных функций.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Отличительные черты смысловой структуры производных слов	5
Особенности формирования семантики производного слова в словообразовательных процессах разного типа	21
Методика семантического анализа производных слов в настоящем исследовании	42
Семантические особенности единиц номинации разных структур и предпосылки установления словообразовательного значения в производном слове	62
Из истории изучения словообразовательного значения	82
Определение словообразовательного значения	99
Проблема классификации и исчисления словообразовательных значений	115
Деривационные форманты и их роль в формировании словообразовательного значения	133
Словообразовательные значения и проблема разграничения лексической и синтаксической деривации	145
Роль мотивирующего слова в формировании словообразовательного значения мотивированного слова	158
Словообразовательные значения и функции производных слов в организации текста	179